

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОРИИ
ФЕОДАЛЬНОЙ РОССИИ

СБОРНИК СТАТЕЙ

МОСКВА 1981

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

**ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОРИИ
ФЕОДАЛЬНОЙ РОССИИ**

СБОРНИК СТАТЕЙ

МОСКВА 1981

042(02)1

Ответственный редактор
доктор исторических наук В.И.БУГАНОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В публикуемом сборнике помещены статьи молодых ученых, в которых разрабатываются малоисследованные проблемы источниковедения и истории становления одной из специальных исторических дисциплин - генеалогии. В других работах рассматриваются проблемы, уже имеющие солидную историографическую традицию, но в отличие от трудов своих предшественников авторы этих статей по-новому подходят к их изучению, пересматривают некоторые вопросы, вносят новые моменты в их исследование. Все статьи сборника в той или иной степени связаны с работой Сектора источниковедения истории СССР дооктябрьского периода Института истории СССР АН СССР.

В статье Г.В.Семенченко подвергается анализу один из ранних завещательных актов Северо-Восточной Руси эпохи феодальной раздробленности - духовная митрополита Алексея. Автор, учитывая достижения исследователей XIX-XX вв., скрупулезно выявляет обстоятельства составления духовной грамоты сподвижника Дмитрия Ивановича Донского, великого князя московско-владимирского, предлагает свое решение вопросов, связанных с ее датировкой, формуляром, содержанием. Интересны его наблюдения об эволюции частного акта в Северо-Восточной Руси в связи с развитием феодальных отношений в то время, влияния на него ордынского ига.

И.В.Курукин показывает значение некоторых немецко-язычных источников для изучения событий начала Ливонской войны и судьбы правительства Адашева-Сильвестра анализ источников дается в тесной связи с историографией проблемы.

М.П.Лукичев с помощью сравнительно-источниковедческого сопоставления архивных описей ХУП-ХУІІІ вв. и выписок из разных источников, составленных в то же время, выявляет комплекс боярских книг, которые были составлены в ХУП столетии, но по тем или иным причинам неполностью сохранились; его соображения весьма убедительны и послужат, несомненно, стимулом для дальнейшего изучения этого малоисследованного источника.

А.В.Лаврентьев в публикуемой статье /как и в других своих работах/ по существу впервые источниковедчески, текстологически приступает к детальному изучению летописного свода 1652 г., составленного при патриархе Никоне. Автор приводит описание 15 списков свода, в том числе один новый, выявленный им самим. В работе ставится вопрос о редакциях этого памятника, времени их составления.

В.И. Иванов проводит очень подробный и интересный анализ приходо-расходных книг Соловецкого и некоторых других северных монастырей ХУП в. С этой целью он сравнивает между собой первоначальные записи, черновые варианты и беловики этих отчетных документов, дополнительно привлекает материалы по проверке деятельности монастырских приказчиков /счетные списки/, следственные дела по выявлению злоупотреблений в управлении монастырским хозяйством. Автор, в отличие от ряда своих предшественников, склонных без оговорок доверять данным монастырских приходо-расходных книг, убедительно показывает, что

последним в ряде случаев доверять нельзя, частично или полностью; что их показания следует проверять с помощью данных других источников.

Б.Н.Морозов изучает процесс формирования архивов, организации делопроизводства в вотчинах крупных феодалов России XVIII в., причем не только на основании сравнительно немногих сохранившихся документов, но и сведений о несохранившихся вотчинных архивах, которые имеются в различных документах, описях, переписке. Автор отмечает, с одной стороны, сходство в ведении делопроизводства в феодальных вотчинах и центральном приказном аппарате; с другой – особенности вотчинного делопроизводства /в первую очередь – мелочная регламентация, которая свойственна, кстати говоря и ряду документов центрального приказного делопроизводства, но, конечно, на более высоком уровне /например, подробные указы воеводам, послам и др., материалы Поместного приказа по земельным делам и т.д./.

Деятельности полузабытого историка XVIII в. А.Т.Князева посвящена статья А.Б.Каменского. На основании ряда источников, прежде всего неопубликованных, автор пишет о жизни и научной деятельности Князева, в частности о подготовке им /с помощью материалов Разрядного архива/ различных записок, выписок из документов по истории русского дворянства, затребованных Екатериной II в 1776 г. /в частности – сведения о родословных, поданных боярами и дворянами в 1632 г. при отмене местничества, и других документах Разрядного приказа XVII–XVIII вв./.

Таким образом, статьи сборника вводят в научный оборот архивные источники, связанные с их изучением новые немаловажные наблюдения. Их отличает достаточно высокий профессиональный уровень, убедительность основных выводов; в тех случаях, когда последние носят спорный харак-

тер, указанные работы будут способствовать дальнейшему, более глубокому анализу изучаемых и других источников.

В.И.Буганов

ДУХОВНАЯ ГРАМОТА МИТРОПОЛИТА АЛЕКСЕЯ
/К ИЗУЧЕНИЮ РАННЕГО ЗАВЕЩАТЕЛЬНОГО АКТА
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ/

I

Настоящую работу автор считает продолжением изучения оживленно обсуждаемой в последние десятилетия проблемы раннего русского акта.¹ Он считает целесообразным обратить большее внимание на региональный аспект проблемы – проследить некоторые особенности становления письменного частного акта в различных районах страны.

Статья исследует самое раннее из дошедших до нас частных завещаний Северо-Восточной Руси – духовную грамоту митрополита Алексея. Ставится задача систематически изучить особенности происхождения, формы и содержания этого завещания и на основе полученных данных попытаться реконструировать раннюю историю письменного завещания /а в более широком плане – частного акта/ на Северо-Востоке Руси /примерно в пределах бывшей Ростово-Суздальской земли/.

Есть фототипическое воспроизведение подлинника грамоты и списка с нее, хранившихся в ризнице Чудова монастыря,² и списки с духовной ХУІ³ и ХУІІ⁴ вв. Духовная Алексея неоднократно публиковалась.⁵ Работа по анализу

имеющихся в различных вариантах текста разночтений и реконструкции текста, а также по характеристике внешних особенностей подлинника завешания проведена И. И. Смирновым и И. А. Голубцовым.⁶

И. М. Снегирев датировал документ "XIV в."⁷; М. Н. Тихомиров и И. И. Смирнов - временем "не позднее 1377 г."⁸, а И. А. Голубцов и Л. В. Черепнин - "около 1377 г."⁹; Ю. Г. Алексеев - "70-ми годами XIV в."¹⁰

Алексей умер 12. II. 1378 г.¹¹ Ясно, что его завешание писано до 12. II. 1378 г. В документе упомянут Чудов монастырь¹². Большинство исследователей считает датой его основания 1365 г.,¹³ ссылаясь на сообщаемое летописями под 1365 г. известие о заложении на Москве каменной церкви Михаила Чуда¹⁴. Но в завешании упомянут монастырь, а летописи под 1365 г. говорят о закладке церкви Михаила Чуда. Лишь Никоновская летопись и Степенная книга упоминают слово "монастырь" в сообщении о закладке церкви в 1365 г.: "...заложи церковь камену внутри града Москвы бывшего чудеси в Колосаех, еже есть в Хонех, от архистратига Михаила, и глаголется Чудовский монастырь, и единого убо лета начаша и окончаша и освещаша тую церковь".¹⁵ Но слово "глаголется" указывает, что речь о "монастыре" ведется в настоящем /по отношению к Никоновской летописи и Степенной книге/ времени, т. е. применительно к XVI в., а не к 1365 г. Таким образом, прямых данных для отождествления даты основания церкви с датой основания монастыря нет.

По мнению И. Е. Забелина и Л. И. Ивиной, Чудов монастырь скорей всего основан в 1357-1358 гг. в честь излечения Алексеем от слепоты дочери хана Тайдулы.¹⁶ Но здесь кажется странным, что между основанием монастыря и постройкой церкви при нем прошло целых 7-8 лет. К тому же

гипотеза И. Е. Забелина и Л. И. Иваной никак не подтверждается источниками. Только Тверская летопись сообщает о постройке церкви Михаила Чуда вслед за сообщением о поездке в Орду Алексея в 1357 г. и об излечении им от слепоты Тайдулы.¹⁷ Но в данном случае летописец просто отказывается от погодного изложения событий, связанных с деятельностью Алексея: это ясно из того, что далее под тем же 1357 г. он повествует о событиях конца жизни Алексея /1377-1378 гг./ - его попытке назначить своим преемником Сергия Радонежского, смерти, похоронах.¹⁸ Другие летописи ни под 1357 г., ни под ближайшими к нему годами /до 1335г./ не намекают ни на строительство церкви Михаила Чуда, ни на основание Чудова монастыря.

По В. Б. Кобрину, Чудов монастырь основан в конце 50-х - начале 60-х гг. XIV в.¹⁹, по И. У. Буловнику - в 1366г.²⁰ Последняя датировка, на мой взгляд, имеет некоторые основания. Житие Алексея сообщает, что сначала была заложена церковь, а затем на ее основе "за 12 лет" до смерти митрополита, т. е. в начале 1366 г., был создан монастырь.²¹ Житие Алексея не всегда сообщает достоверные факты.²² Но выглядит вполне правдоподобно, что после освящения церкви Михаила Чуда, состоявшегося, очевидно, около 6. IX 1365 г. /6. IX - день чуда Михаила Чудотворца в Колосаех²³/ прошло некоторое время для создания на ее основе где-то в начале 1366 г. Чудова монастыря. Основание монастыря именно в начале 1366 г., кажется наиболее вероятным, во-первых, в силу того, что в начале 1378 г. - 12. II - умер Алексей. Следовательно, время "за 12 лет" до смерти Алексея это - именно начало 1366 г. Во-вторых, обратим внимание, что троицкий обиходник 1533-1547 гг. называет 26. III днем празднования Собора архистратига Михаила.²⁴ Возможно, следовательно, что Чудов монастырь

/монастырь Михаила Чуда/ основан как раз где-то около 26.ІІІ.1366 г.

Итак, завешание Алексея следует датировать 26.ІІІ.1366 г. - 12.ІІ.1378 г. Притом, на мой взгляд, вероятнее его составление ближе к 26.ІІІ.1366 г. По житию Алексея дача монастырю "... сел, и людей, и озер, и пажитей... на потребу братии" была последним шагом /после строительства церкви, украшения ее, постройки трапезы и каменных погребов/ в создании монастыря.²⁵ Именно о передаче сел в Чудов монастырь и говорит завешание Алексея,²⁶ причем, согласно описи древнейших документов монастыря, иных документов от Алексея туда не поступало.²⁷ В самом тексте духовной нет характерных для составляемых при смерти завещаний формул о написании документа "отходя сего света", "в конце живота", "при своем животе" и т. д.²⁸ Алексей пишет завешание "целым своим умом".²⁹ Эта формула, обозначающая психическую полноценность завещателя, обычно не является спутником предсмертного состояния.³⁰

Стремление Алексея сразу обеспечить монастырь землей и рабочей силой объяснимо. С 50-х гг. XIV в. разворачивается реформа русской церкви. Начинается постепенный переход от особножитных монастырей, существующих преимущественно на денежные и натуральные милостыни богатых покровителей, к общежитным монастырям, существующим в основном за счет обладания землей и рабочей силой.³¹ Чудов монастырь с самого начала задумывался как общежитный.³² Реальное обеспечение его землей и рабочей силой задолго до смерти Алексея ничуть не противоречит праву завещателя пожизненно владеть передаваемыми по духовной вотчинами: ведь Алексей создавал Чудов монастырь "себе", рас-

смотря на то, что он был местом жительства и захоронения. ³³ Объяснимо и написание Алексеем завещания с целью обеспечить землей монастырь. Уже отмечалось, что письменный частный акт первоначально служил обоснованием отчуждения родовой или волостной собственности за пределы рода или волости. ³⁴ Алексей был представителем богатого и влиятельного боярского рода Бяконтовых. Его родители ³⁵ могли после смерти Алексея выдвинуть претензии на отказанные митрополитом в Чудов монастырь московские и переяславские вотчины *, тем более, что большинство их, вероятно, были родовыми /доставши-

---

* Локализация вотчин Алексея осуществлена Б.Б.Кобринным /Две жалованные грамоты Чудову монастырю /XVII в./ - Записки отдела рукописей ГБЛ, вып. 25, М., 1962, с.291, 294, 296/ и И.А.Голубцовым /Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV - начала XVI в. /далее - АСЭИ/, т. III, М., 1964, № 28, с.52, 486/. Из упомянутых в духовной Алексея сел не ясно местонахождение села Тюттецевского, деревни Обуховской, Подольного сада. Села Жилинское, Серкизовское, Софроновское с мельницей, Фоминское, Шелетовское, Каневское, Душеное, Раменки, церковь Николая святого на Сосонке были разбросаны по различным станам Московского уезда, а село Филиповское, вероятнее всего, располагалось в Переяславском уезде.

мися от отца/.*

Вступительная часть духовной Алексея содержит достаточно традиционные для завешания составные части: богословие,^{кк}
* Село Рамение куплено у митрополичьего слуги/Полное описание русских летописей /далее-ИСРЛ/, т. 9, СПб., 1859, с. 31/ Ильи Азакова/АСЭИ, т. III, № 28, с. 51/. Возможно, у выехавшего на службу к Дмитрию Донскому ордынского царевича Серкиза /Временник общества истории и древностей российских, кн. X, СПб., 1851, Смесь /далее-ВОИДР, X, Смесь/, с. 128; Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев XIV-XV вв. М., 1969, с. 397-405/, куплено село Серкизово. Как оказались у Алексея др. вотчины, точно неизвестно. Но, очевидно, большинство их досталось ему по наследству. Отец Алексея - Федор Бяконт, перебравшийся в конце XIII в. из Чернигова в Москву на службу к кн. Даниилу Александровичу/Веселовский С. Б. Исследования, с. 247/, несомненно, был богатым и многовотчинным человеком. Он, весьма возможно, был московским наместником/ВОИДР, X, Смесь, с. 98, 259-260; Веселовский С. Б. Исследования, с. 247/ и потому имел особые интересы именно вблизи Москвы. И преобладание московских вотчин у его старшего сына, конечно, не должно нас удивлять.

** "Милостью божьей и святой госпожи богородицы и святого великого архангела Михаила и Гавриила и всех святых небесных сил и великого пророка Предтеча крестителя Иоанна, святых прехвальных апостол Петр и Павла и всех святых молитвами спаси душу мою, грешного раба своего"/АСЭИ, т. III, № 28, с. 50-51/. Перед текстом имеется символическая инвокация в виде креста. Аналогичная символическая инвокация есть в ряде княжеских духовных XV в./Каштанов С. М. К изучению формуляра великокняжеских духовных грамот конца XIV-начала XV вв. - Вспомогательные исторические дисциплины. /далее-ВИД/, вып. XI, М., 1980, с. 238-239/ в завешаниях Кирилла Белозерского и Дионисия Глушицкого/АСЭИ, т. II, М., 1958, № 314; т. III, № 252/.

интитуляцию,* формулу с написанием документа "целым своим умом".** Достаточно традиционен документ и по содержанию основной его части /передача в монастырь земли и рабочей силы/.

Традиционность построения завещания Алексея естественна и объяснима, если вспомнить, что ко второй половине XIV в. завещание на Руси имело уже немалую историю. На Северо-Западе Руси письменные завещательные распоряжения известны, во всяком случае, с XIII в. /более ранний период - XII в. - пока дискуссионен³⁶/. От первой половины XIV в. до нас дошли и завещания Северо-Восточной Руси - духовные грамоты князей московского дома.³⁷

Тем не менее в ряде аспектов завещание Алексея весьма своеобразно. Его богословская формула очень специфична.**

* "Се яз, смиренный грешный раб Алексий..." /АСЭИ, т. III, № 28, с. 51/.

** "... пишу грамоту душевную целым своим умом" /АСЭИ, т. III, № 28, с. 51/.

** Богословская формула подавляющего большинства завещаний XIV-XV вв. - "во имя отца и сына, святого духа". Завещания Киприана, Фотия и Кирилла Белозерского имели несколько иное богословие - "во имя святой живоначальной троицы" /ПСРЛ, т. 5, СПб., 1851, с. 254-256; т. 6, СПб., 1853, с. 144-148; АСЭИ, т. II, № 314, с. 277/. Завещания ряда князей московского дома содержат богословскую формулу, являющуюся как бы синтезом двух указанных выше формул - "во имя святой и живоначальной троицы, отца и сына и святого духа" /Каштанов С.М. К изучению формуляра, с. 239/. Длинная же и многословная богословская формула духовной Алексея резко отличается от богословских формул всех других завещаний.

Нет клаузул об "отце духовном" и о душеприказчике Алексея /хотя из текста видно, что его функции выполняет великий князь, которому "приказывается" основной объект завешания - Чудов монастырь/.³⁸ Слабо разработана заключительная, удостоверяющая часть грамоты. Имеется печать, но нет указания на писца грамоты и послухов при ее составлении³⁹ - компонентов, которые в XV в. считались важными признаками подлинности документа.⁴⁰ Все это позволяет предположить, что формуляр письменного частного завешания на Северо-Востоке Руси еще не сложился окончательно.

Духовная Алексея интересна как один из немногих документов, позволяющих заглянуть внутрь феодальной вотчины XIV в., выявить особенности ее функционирования. Ее текст сообщает: "А все те села даю с серебром и с половники и с третники и с животиною. А что моя челядь в селах, а на них серебрецо, и не похотят служити, и кто куда похочет, и тем воля, отдав серебрецо, а кто рост дает, тем воля же".⁴¹ Эта статья стала предметом полемики. И.И. Смирнов и Ю.Г.Алексеев отождествляют "челядь", на которой лежит "серебрецо", с "половниками" и "третниками".⁴² Л.В. Черепнин полагает, что "половники" и "третники" - крестьяне, платящие натуральные оброки из расчета половины /"половники"/ и трети /"третники"/ урожая, "челядь" - холопы, а "серебрецо" на "челяди" - окуп, который нужно выплатить для выкупа на свободу.⁴³

В отрицании тождества "половников" и "третников" с "челядью", на мой взгляд, Л.В.Черепнин прав. "Половники" и "третники" текстуально противопоставляются "челяди": села даются с "серебром и с половники и с третники"; при это "серебрецо" лежит, как подметил Л.В. Черепнин, не на "половниках и третниках", а на "челяди".⁴⁴ К тому же они

выполняют различные функции в хозяйстве. Половники и третники известны /преимущественно по документам новгородского происхождения/ как крестьяне, работающие под условием платы "половины" или "трети" урожая. В то же время "челядь" выполняет барщинные работы /"служит" за "серебрецо"/.⁴⁵

Схожие категории вотчинного населения рисует жалованная грамота Ивана Калиты печерским сокольникам, по которой освобождаются от дани они сами и их люди - "...что у них третники и наймиты, кто стражет на готовых конех, а в кунах ..."⁴⁶ "Третники" жалованной грамоты, на мой взгляд, соответствуют "третникам" и "половникам" завешания митрополита Алексея: в обоих документах речь идет о крестьянах, выплачивающих натуральную ренту в виде "трети" или "половины" урожая. Задолжавшие /"в кунах"/ "наймиты", работающие на барщине на "готовых конях", соответствуют, видимо, служащей за "серебрецо" "челяди" духовной Алексея.⁴⁸ Мысль о тождестве "наймитов" с "челядью" подтверждает, на мой взгляд, ст.

29 "Правосудия митрополичьего", относящегося, вероятно всего, к XIУв. * : "А се стоит в суде челядин-наймит, не похо-

* Относительно времени составления "Правосудия митрополичьего" нет единого мнения. С. В. Юшков /"Правосудие митрополичье" летопись занятий археографической комиссии, вып. 35, Л., 1929, с. 118/ датирует документ концом XIII-началом XIУв.; М. Н. Тихомиров /Пособие для изучения Русской Правды, М., 1958, с. 127/ считал, что документ возник не ранее XII в.; Л. В. Черепнин /Русские феодальные архивы/ далее-РФА/, ч. II, М., 1951, с. 25-29/ относил "Правосудие" к источникам конца XIУв. По мнению А. А. Зимина /Холопы на Руси с древнейших времен до конца XV в. М., 1972, с. 355/, документ возник до конца XIУв. Таким образом, по мнению большинства исследователей, "Правосудие митрополичье" возникло примерно в XIУв. и, следовательно, по времени вполне сопоставимо с духовной Алексея. Впрочем, есть мнение /Автократов В. Н. Памятники русского права/ далее-ПРП/, вып. III, М., 1955, с. 454/, что это памятник более позднего происхождения, конца XV-начала XVI в.

чет быти у осподаря, несть ему вины, но дати ему вдвое задаток; а побезит от осподаря, выдати его осподарю в полницу".⁴⁹ "Найма" здесь – синоним "челяди". "Челядин-наймит" ст.29 – должник, могущий порвать зависимость платой долга со 100%-ным "ростом".

По мнению Л.В.Черепнина, "челядь" Алексея – холопы, выкупающиеся на свободу.⁵⁰ Но принадлежность "челяди" митрополиту и передача ее монастырю /ведь если "серебрецо" или "рост" не уплачены, "челядь" продолжает служить новому хозяину – Чудову монастырю/ заставляет усомниться в тождестве "челяди" Алексея с холопами. Церковь в XIV–XV вв. не поощряла рабовладение, а в церковных вотчинах этого времени холопий труд обычно не применялся.⁵¹ Отрицание тождества "челяди" Алексея с холопами заставляет скорректировать и трактовку Л.В.Черепнина "серебреца", как платы за освобождение. С другой стороны, есть доля истины в трактовке И.И.Смирновым "серебреца", как долга, кабальной ссуды.⁵² Кабальный характер "серебреца" подчеркивается наличием "роста" с него. Но и в концепции И.И.Смирнова можно согласиться не совсем. В формуле "... и кто куда похочет, тем воля, отдав серебрецо, а кто рост дает, тем воля же", он видит указание на две категории должников – работающих за "серебро" под условием отработки "роста" и уплачивающих как основную сумму долга, так и "рост" на нее.⁵³ Это объяснение можно было бы принять, если бы речь шла об условиях работы в хозяйстве. Но речь идет об условиях ликвидации зависимости "челяди", о полном расчете с кредитором. Для полного расчета в обоих случаях необходимо уплатить определенную сумму денег. В первом случае это "серебрецо" /в данном случае этот термин является аналогом слова "истина", обозначающего величину полученной ссуды/,

во втором – "рост".⁵⁴ Следовательно, предполагается, что с другой частью долга – с "ростом" в первом случае и с "серебрецом" /"истиной"/ во втором – должник уже рассчитался другим способом – "службой", отработкой. Практика кредитно-долговых отношений знает не только уплату деньгами "истины" при отработке "роста", но и уплату деньгами "роста" при отработке "истины".⁵⁵ И, думается, в обоих случаях мы имеем дело с должниками Алексея, но одни из них отрабатывают "истину" /"серебрецо"/ и уплачивают деньгами "рост", а другие отрабатывают "рост" и уплачивают "истину" /"серебрецо"/.

Каково же происхождение "серебреца", закабаляющего "челядь"? Среди закабаленной "серебрецом" "челяди" могли быть обедневшие и залезшие в долги "половники" и "третники". В ее состав могли входить и выкупленные Алексеем из полного рабства холопы /в долг в этом случае превращалась выкупная сумма/. Выкуп холопов из полного рабства вплоть до конца XV в. в довольно широких размерах осуществлялся монастырями и митрополичьей кафедрой.

Ряд жалованных грамот 30–30-х гг. XV в. содержит формулу об освобождении на определенный срок от пошлин монастырских "окупленных людей", Л.В.Черепнин считает их выкупившимися холопами и задолжавшими крестьянами,⁵⁷ И.И.Смирнов видит в них закабаленных крестьян,⁵⁸ а С.Б.Веселовский и А.А.Зимин – выкупленных церковью рабов.⁵⁹ Последняя точка зрения, на мой взгляд, ближе всего к истине. Во-первых, большинство жалованных грамот с формулой об "окупленных людях" дано Кирилло-Белозерскому монастырю, который выкупал полоняников.⁶⁰ Во-вторых, одна из жалованных грамот, данная в Галиче в 1477г., прямо говорит о невзимании пошлин с людей "купленных полных", т.е. с выкупленных холопов.⁶¹

Думается, выкупил холопов из полного рабства и Троице-Сергиев монастырь. В двух троицких актах конца 20-х - начала 30-х гг. XV в. упомянуто "головное серебро".⁶² По убедительному, на мой взгляд, предположению В.М.Паненяха, этот термин связан с формулой "выдать головой до искупа".⁶³ Скорей всего, именно выкупленные монастырем из полного рабства холопы отработывали "до искупа" выкупную сумму.

Сохранились и иные известия о выкупе холопов на свободу деятелями церкви. Митрополит Фотий в начале XV в. упоминает "людей купленных в дома церковные".⁶⁴ Деньги на выкуп из рабства давал Дионисий Глушицкий,⁶⁵ для строительства Успенского собора /60-е гг. XV в./ холопов из рабства "искупал" митрополит Фотий.⁶⁶

В составе "челяди" Алексея скорей всего значительно преобладали выкупленные из полного рабства люди. На эту мысль наталкивает уже сам термин "челядь", возникший именно для обозначения рабов.⁶⁷ Обратим внимание и на уже отмечавшуюся близость "челяди" Алексея с "челядином-наймитом", ст.29 "Правосудия митрополичьего". Близких к "челяди" Алексея "челядинов-наймитов" следующая - 30-я ст. "Правосудия" называет "закупными наймитами": "Аще ли убиет осподарь челядина полного, несть ему душегубства, но вина есть ему от бога, а закупного ли наймита, то есть душегубство".⁶⁸ Но "закупной наймит" близок к "закупу" "Русской Правды", который как раз и есть выкупающийся из зависимого, полурабского состояния /посредством уплаты "искупной суммы" с "ростом", "наймом", "лихвой" / человек.⁶⁹

На мысль о преобладании в составе "челяди" Алексея выкупленных Алексеем рабов над задолжавшими крестьянами наводят и соображения общего характера. Обеднение и за-

кабаление в широких размерах крестьянства относится, видимо, все же лишь ко второй половине XV – началу XVI вв. и связано с зарождением и развитием кабального холопства.⁷⁰ Очевидно, отсутствие полных холопов в церковных владениях, с одной стороны, и сложность привлечения до конца XV в. к барщинным работам крестьян, с другой,^{*} породили потребность церковных корпораций в промежуточной между крестьянском и холопом фигуре "челядина", выкупленного из рабства. Он переставал быть полным холопом в смысле юридическом /мог освободиться, заплатив с пропентами выкупную сумму, в какой-то мере был защищен законом/^{**} и социально-экономическом /способность расплатиться предполагает наличие своего хозяйства, а полные холопы в большинстве своем до конца XV в. сидели на месячине/.^{***} Служа новому господину до погашения выкупной суммы /становящейся долгом/ с пропентами, он позволял решить проблему рабочей силы для выполнения барщинных работ и в то же время соблюдать нормы приличия, вытекающие из тезиса о нежелательности использования труда полных холопов в церковных вотчинах. Так как "челядь"

---

* Примерно с конца XV в. из источников исчезают сведения о выкупе холопов монастырями и митрополичьей кафедрой, что А. А. Зимин /Холопы, с. 336/ справедливо, на мой взгляд, связывает с втягиванием в орбиту более интенсивной феодальной эксплуатации широких масс крестьянства.

** Ст. 30 "Правосудия митрополичьего" /АСЭИ, т. III, № 8, с. 24/ считает убийство "закупного наймита" /близкого, на мой взгляд; к "челяди" в селах Алексея/ "душегубством", подлежащим наказанию.

*** Кольчева Е. И. Холопство и крепостничество /конец XV – XVI вв./ М., 1971, с. 97–143.

Алексея образовалась, видимо, в основном из выкупленных им холопов, при определении "серебреца" следует синтезировать мнения И.И.Смирнова и Л.В.Черепнина, определив его как долг, образовавшийся преимущественно на базе выкупа митрополитом холопов из полного рабства.

Итак, в хозяйстве Алексея сосуществовали натурально-оборочные платежи и отработочная рента. Соотношение этих форм эксплуатации подвластного населения установить невозможно, поскольку неизвестно соотношение между "половниками", "третниками" и "челядью".

В хозяйстве Алексея определенную роль играет "серебро", "серебрецо": он покупает села, приобретает за деньги рабочую силу. Но неясно, в какой мере этот факт отражает связи вотчин митрополита с рынком. Деньги приходили к Алексею и из других источников – как к главе церкви и фактическому руководителю московского правительства.

В вотчинах Алексея имелись хлебопашество, скотоводство, бортничество, садоводство, возможно, рыболовство и иные промыслы.* Соотношение этих отраслей между собой установить

* О хлебопашестве в вотчинах Алексея говорит наличие мельницы/АСЭИ, т. III, №28, с. 51/, а также "половников" и "третников" – лиц, повинности которых исчисляются обычно в части/"половина", "треть"/урожая хлебов. Следует отметить и то, что в передаваемых Алексею Чудову монастырях селах житие его отмечает наличие "пахитей"/ПСРЛ, т. 8, с. 27/, т. е. полей, засеянных хлебами. "Животина", "борть", "садец Подольный"/АСЭИ, т. III, №28, с. 51/ – безусловное доказательство наличия скотоводства, бортничества, садоводства в вотчинах Алексея. Текст духовной Алексея ничего не сообщает о рыболовстве и прочих промыслах. Но из жития его следует, что села давались монастырю с "озерами"/ПСРЛ, т. 8, с. 27/; так что наличие здесь рыболовства, во всяком случае, можно с основанием предположить.

невозможно.

Интересна формула о передаче сел в монастырь "с половники и третники".⁷¹ Документы XV в. обычно передавали села и деревни с "хлебом", "серебром", "данью", "судом", холопами и т.д., но не с крестьянами, которые сохраняли еще право выхода.⁷² Алексей же передает свои земли с крестьянами. Думаю причину этого следует искать не только в отмечающейся уже выше неразработанности формуляра духовной Алексея, но и в том, что уходы из сел Алексея были явлением, во всяком случае, нетипичным. Едва ли в XIV в. или ранее выход был запрещен.⁷³ Но из духовной Алексея можно заключить, что в 60-х гг. XIV в. в Московском и Переяславском уездах, где расположены вотчины Алексея, крестьянское население на практике довольно устойчиво связано со своими землями. Возможно, это объясняется тем, что в 20-е - 60-е годы XIV в. Московское княжество было, пожалуй, самым спокойным местом на Руси, что и обеспечивало оседлость проживающего там населения.

2

Духовная Алексея - самый ранний из дошедших до нас частных актов Северо-Восточной Руси.⁷⁴ Анализ формуляра и содержания его говорит о сравнительной неразвитости еще в Северо-Восточной Руси завешательного письменного распоряжения и частного акта в целом. Эта мысль подтверждается и историей функционирования княжеских канцелярий. Акты государственного происхождения появляются обычно раньше частных актов,⁷⁵ и в этой связи примечательно, что деятельность московской княжеской канцелярии отмечается источниками лишь с начала XIV вв.⁷⁶ Очевидно, несколько позже - ближе к середине XIV в. - начинает утверждаться и письменный частный акт. Это говорит о дальнейшей феодализации волостных крестьянских земель, постепенном фор-

мировании развитых феодальных отношений.⁷⁷ Весьма возможно, что феодализация общества была приостановлена и даже отброшена назад татаро-монгольским нашествием. Естественно, что в наименьшей степени этот процесс проявился в новгородских землях, почти не подвергшихся татаро-монгольскому разгрому. Эту мысль высказали уже А.А.Зимин /при изучении холопства/⁷⁸ и А.Д.Горский /при изучении борьбы за землю/⁷⁹. Ее подтверждает и настоящая статья: неразвитость завещательного акта на Северо-Востоке Руси во второй половине XIV в. контрастирует с довольно широким распространением письменного завещания на не подвергшихся орднскому разорению новгородских землях уже в XIII в.⁸⁰

Данные нашей статьи представляют определенный интерес для оживленно ведущейся в нашей литературе полемики о времени появления частного акта на Руси. Они позволяют предположить, что даже если зарождение частного акта и относится к раннему периоду - к XII в., то процесс утверждения и широкого распространения его в подвергшихся орднскому нашествию землях Северо-Восточной Руси /Ростово-Суздальский край/ был, во всяком случае, прерван этим погромом и возобновился примерно с середины XIV в.

Примечания:

1. Валк С.Н. Начальная история древнерусского частного акта. М.-Л., 1937, с.280-317; Тихомиров М.Н. О частных актах в Древней Руси. - "Исторические записки", кн. I7, М., 1945, с.22-245; Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X-XV вв. т. I. Печати X-начала XIII в. М., 1970, с. 157; он же. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977, с.40-60; Каштанов С.М. Древнерусские печати /размышления по поводу книги В.Л.Янина/. - "История СССР", 1974, № 3, с.182; Алексеев Ю.Г. Частный земельный акт средневековой Руси, - ВИД, вып. У I, Л., 1974, с.125-142; он же. Псковская Судная грамота и ее время /далее-ПСГ/, Л., 1930, с.92-111; Андреев В.Ф. О подлинности данной Варлаама Хутынского. - В кн.: Проблемы отечественной

- истории. М.-Л., 1976, с.135-153; Свердлов Б.М. Древнерусский акт X-XIV вв. - ВИД, вып. VII, Л., 1976, с. 50-69; Панеях В.М. Проблемы дипломатики частного акта в трудах С.Н.Валка. - ВИД, вып. X, Л., 1978, с.65-70.
2. Новый завет. Труд митрополита Алексия. М., 1892, приложение.
  3. ГИМ, Собрание И.Е.Забелина, № 419, л. III - IIIоб.
  4. ГИМ, Синодальное собрание, № 272, л.370 - 371.
  5. Снегирев И.М. Памятники московской древности. М., 1842-1845, с. 142-143; Холмогоровы В. и И. Исторические материалы о церквях и селах XVII-XVIII столетий. - Чтения Московского общества древностей российских, 1886, кн. I, с. 30; Тихомиров М.Н. Средневековая Москва в XII-XV веках. М., 1957, с.290-291. АСЭИ, т. III, №28, с.50-52.
  6. Смирнов И.И. Заметки о феодальной России. - "История СССР", 1962, № 3, с.156; Голубцов И.А. АСЭИ, т. III, с. 51-52.
  7. Снегирев И.М. Указ.соч., с.142.
  8. Тихомиров М.Н. Средневековая Москва, с.290-291; Смирнов И.И. Заметки, 3, с.153.
  9. Голубцов И.А. АСЭИ, т. III, с.51-52; Черепнин Л.В. Русь, спорные вопросы феодальной земельной собственности в IX-XV вв. - В кн.: Пути развития феодализма. М., 1972, с.236.
  10. Алексеев Ю.Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси, Переяславский уезд. М., 1966, с.105.
  11. ПСРЛ, т.8, с.26; т. II, СПб., 1897, с.291; т.21, СПб., 1908, с.362; т.27, М.-Л., 1962, с.249; т.31, М., 1968, с.88; Голубинский Е.Е. История русской церкви /далее - ИРЦ/, т. II, I-я половина, СПб., 1900, с.224.
  12. АСЭИ, т. III, № 28, с.51.
  13. Амвросий. История российской иерархии /далее - Амвросий/, ч. II, СПб., 1810, с.535; Снегирев И.М. Указ.соч., с. 132; Ратшин А. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквях в России, М., 1852 /далее - Ратшин/, с.192; Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, с. 140; Строев П.М. Список иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877 /далее - Строев/, стлб. 2; Зверинский В.В. Материалы для историко-топо-

графических исследований о православных монастырях Российской империи /далее - Зверинский/, ч.П, СПб., 1893, с.407; Голубинский Е.Е. ИРЦ, II, I-я половина, с. 213-217; Денисов Л.И. Православные монастыри Российской империи. М., 1908 /далее - Денисов/, с.423; Бурейченко И.И. К истории основания Троице-Сергиева монастыря. - Сообщения Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника, вып.3, Загорск, 1960, с.28.

14. ПСРЛ, т.8, с.13; т.11, с.4; т.18, СПб., 1913, с.103-104; т.20, ч.1, СПб., 1910, с.191; т.21, с.358-359; т. 23, СПб., 1910, с.113; т.24, Пг., 1921, с.123; т. 27, с.243; т.28, М.-Л., 1963, с.74; т.32, М., 1975, с.114; т.33, Л., 1977, с.85; т.34, М., 1978, с.115.
15. Там же, т.11, с.4; т.21, с.358-359.
16. Забелин И.Е. История города Москвы, ч.1, М., 1905, с. 283-286; Ивина Л.И. Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV - первой половины XVI в. Л., 1979, с. 34.
17. ПСРЛ, т.15, вып.1, М., 1965, стлб. 422-425.
18. Там же, стлб. 425-429.
19. Кобрин В.Б. Две жалованные грамоты, с.291.
20. Будовниц И.У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV-XVI вв. М., 1966, с.96-97.
21. Ранний вариант жития Алексея, помещенный Воскресенской летописью /Будовниц И.У. Указ.соч., с.95, прим. 52/, сообщает: "Постави на Москве церковь каменную в имя святого Архангела Михаила, честного его Чудеса, еже украси иконами, и книгами, и ссуды свяшненными, и просто реши всякими узорочии церковными; и устрои ту общий монастырь; и постави в нем трапезу велию и погребы камены, еже есть и донныне; много же села, и люди, и озера, и нивы, и пажити подавал монастырю тому, еже довлеет на потребу братии, то все подава ему... созда же себе таковой монастырь за 12 лет до преставления своего" /ПСРЛ, т.8, с.27/.
22. Ключевский В.О. Древнерусские жития, с.132-140.
23. Голубинский Е.Е. ИРЦ, II, I-я половина, с.217.
24. Горский А.Б. Описание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, М., 1879, ч.П, с.25.
25. ПСРЛ., т.8, с.27.

26. АСЭИ, т.Ш, № 28, с.51.
27. Там же, т.Ш, № 48-а.
28. Происхождение формул "отходя сего света", "в конце живота" совершенно очевидно. Менее определенно звучит формула "при своем животе". Но и она, как убедительно показал Каштанов С.М./К изучению формуляра, с.246-250/, включалась в текст духовной грамоты в случае опасной болезни завещателя, при угрозе его жизни.
29. АСЭИ, т.Ш, № 28, с.51.
30. Каштанов С.М. К изучению формуляра, с.244-245.
31. Бурейченко И.И. Монастырское землевладение и хозяйство Северо-Восточной Руси во второй половине XIV в. М., 1966.
32. ПСРЛ, т.8, с.27; т.11, с.33; т.15, вып.1, стлб.123; т.18, с.119; т.24, с.136; т.25, М.-Л., 1963, с.195; т.30, с.125; т.34, с.123.
33. ПСРЛ, т.8, с.27.
34. Алексеев Ю.Г. Частный земельный акт, с.125-142; он же.ПСГ, с. 92-III.
35. Веселовский С.Б. Исследования, с.247-248.
36. Черепнин Л.В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М.,1969; Панях В.М. Проблемы дипломатики, с.65-70.
37. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.-Л., 1950, № I, 3, 4.
38. АСЭИ, т.Ш, № 28, с.51.
39. К нижнему полю поллиника после заключительных слов "А садец мой Подольный святому Михаилу Чулу" была привешена несохранившаяся вислая печать /АСЭИ, т.Ш, № 28, с.51/.
40. Черепнин Л.В. Вотчинные архивы и судебная экспертиза документов в XV- начале XVI в. - "Вопросы архивоведения", 1963, № I, с.58-59, 61; Каштанов С.М. Предмет, задачи и методы дипломатики. - В кн.: Источниковедение. Теоретические и методические проблемы.М., 1969, с.149.
41. АСЭИ, ч.Ш, № 28, с.51.
42. Смирнов И.И. Заметки, 3, с.154-156; Алексеев Ю.Г. Аграрная и социальная история, с.105-106.

43. Черепнин Л.В. Русь, спорные вопросы, с.236-238.
44. АСЭИ, т.Ш, № 28, с.51; Черепнин Л.В. Русь, спорные вопросы, с.238.
45. См. Кочин Г.Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII - начало XVI в. М.-Л., 1965, с.335-336; Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV - начало XVI в. Л., 1971, с.40, 359; Черепнин Л.В. Русь, спорные вопросы, с.237-238.
46. АСЭИ, т.Ш, № 28, с.51.
47. Там же, № 2, с.15. Думаю, неточна трактовка "третников" и "наймитов" как одной категории лиц, выдвинутая Смирновым И.И. /Заметки, 3, с.156/, Черепниным Л.В. /Материалы третьего тома "Актв социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV - начала XVI в., как исторический источник. - АСЭИ, т.Ш, с.528/, Зиминим А.А. /Холопы, с.274/. Союз "и" показывает, что это - разные категории лиц.
48. АСЭИ, т.Ш, № 28, с.50.
49. Там же, т.Ш, № 8, с.24.
50. Черепнин Л.В. Русь, спорные вопросы, с.238.
51. Зимин А.А. Холопы, с. 239-243, 276; 304-305, 335.
52. Смирнов И.И. Заметки, 3, с.154-156.
53. Там же, с.156.
54. АСЭИ, т.Ш, № 28, с.51.
55. От более позднего времени - от XVI в. - мы знаем и соответствующие кабальные записи 2-х типов. Это - кабалы Спасо-Прилуцкого монастыря, часть из которых была опубликована Гейманом В.Г. /См. Сборник Российской публичной библиотеки, т.П, вып.1, Пг., 1924/.
56. АСЭИ, т.1, М., 1952, №№ 128, 140, 171, 245; т. П, №№ 66, 67, 74, 158, 156, 164, 218, 222, 265, 322, 391, 397, 437; т.Ш, №№ 77, 96; АФЭХ, ч.1, М., 1951, № 252.
57. Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV-XV вв. М., 1960, с.218-221; он же. Русь, спорные вопросы, с.233-235.
58. Смирнов И.И. Заметки, 3, с.149-152.
59. Веселовский С.Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси, т.1, М.-Л., 1947, с.220; Зимин А.А.

- Холопы, с. 335-336.
60. Каллубовский А.П. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых, I-V, Варшава, 1902, с.187.
61. АФЭХ, ч. I, № 252.
62. АСЭ", т. I, № 62, с. 58-59, № 71, с. 64.
63. Панеях В.М. Деревенские служилые кабалы Спасо-Прилудского монастыря. - Проблемы источниковедения, вып. V, М., 1956, с. 229.
64. Русская историческая библиотека, т. VI, СПб., 1872, № 299.
65. Будовниц И.У. Указ. соч., с. 179.
66. ПСРЛ, т. 25, с. 300.
67. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III, СПб., 1903, стлб. 1497-1498; Гринченко Б.Д. Словарь украинского языка, т. IV, Киев, 1909, с. 450; Преображенский А. Этимологический словарь. - "Труды Института русского языка", т. I, М.-Л., 1943, с. 62; Греков Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века, ч. I, М., 1952, с. 136; Шанский Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961, с. 370; Зимин А.А. Холопы, с. 15-16, 279-280, 368-369, 371.
68. АСЭИ, т. III, № 8, с. 24.
69. Зимин А.А. Холопы, с. 198-211, 356.
70. См. Беляев И.Д. Крестьяне на Руси. М., 1879; Ключевский В.О. Происхождение крепостного права в России. - Соч., т. 4, М., 1959; Лаппо-Данилевский А.С. Очерк истории образования главных разрядов крестьянского населения в России. - В кн.: Крестьянский строй, т. I, СПб., 1905; Греков Б.Д. Крестьяне, ч. II, М., 1954; Панеях В.М. Кабальное холопство на Руси в XVI в., Л., 1967; Корецкий В.И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в., М., 1970; Зимин А.А. Холопы, с. 342-346.
71. АСЭИ, т. III, № 28, с. 51.
72. Покровский Н.Н. Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV - начала XVI в. Новосибирск, 1973, с. 141-145.
73. Мысль о том, что до XV в. крестьяне не имели права выхода была высказана Смирновым И.И. /Заметки, 3, с. 143-148/. Но ее подвергли справедливой, по-моему,

критике Кочин Г.Е./Указ.соч., с.421-422/ и Черепнин Л.В. /Русь, спорные вопросы, с.243-248/.

74. Данная черницы Марии Василие-Кесарийскому монастырю /АСЭИ, т.Ш, № 93, с.129/ относится не к 1252/53 г., а к 1452/53 г., /Голубцов И.А., АСЭИ, т.Ш, с.491-492/. К самому концу XIV в./или к началу XV в./ относятся некоторые другие частные акты /АСЭИ, т.1, № 2-14/; т.П, № 1-8, 10-22, 25-41; т.Ш, № 30, 192; Акты феодального землевладения и хозяйства XIV-XVI вв., ч.1, М., 1951; № 10/.
75. Каштанов С.М. Очерки русской дипломатики. М., 1970, с.20-22.
76. Водов В.А. Зарождение канцелярии московских великих князей /середина XIV - 1425 г./ - "Исторические записки", кн. 103, М., 1979, с. 325-350.
77. Алексеев Ю.Г. ПУГ, с.92-III.
78. Зимин А.А. Холопы, с.270-277.
79. Горский А.Д. Борьба крестьян за землю на Руси в XV-начале XVI в. М., 1974, с.38-39, 185.
80. Черепнин Л.В. Новгородские берестяные грамоты.

И. В. Курукин

К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОЧНИКОВ
О НАЧАЛЕ ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ
И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВИТЕЛЬСТВА АДАШЕВА И СИЛЬВЕСТРА

Ряд источников XVI в. /летописи, разрядные, посольские книги, описания современников и др./ содержат сведения о начавшейся в 1558 г. 25-летней борьбе между крупнейшими государствами Прибалтики и Россией за овладение наследством распавшегося Ливонского ордена, от падений которого многие столетия страдали русские земли. Затянувшаяся война оказала значительное влияние на внутривосточную обстановку в России в предопричные годы; как писал Иван IV в первом послании к Курбскому, сопротивление царским планам получения Ливонии было одной из причин опалы руководителей правительства 50-х гг.: "Како же убо воспомяну о германских градах супротивословия попа Сильвестра и Алексия Аляшова и всех вас".¹ Позднее переписка Ивана Грозного и Курбского с их взаимными обвинениями в немалой степени послужила основой для представлений о различии внешнеполитических программ царя и его советников /хотя Курбский не осуждал войну в Ливонии и с гордостью подчеркивал свое личное участие в ней/. С.М.Соловьев полагал, что Адашев и Сильвестр, как вожди "боярской партии", выступали за войну с Крымским ханством и Турцией, т.е. отстаивали

неосуществимый в тех условиях план. Царь же предлагал более реалистичный "эпидемный вариант" внешней политики - войну с Ливонией.² Концепция С.М.Соловьева возобладала в дореволюционной историографии: в той или иной степени ее придерживались К.Н.Бестужев-Рюмин, Д.И.Иловайский, М.В.Догнар-Запольский, С.Ф. Платонов. Но изучавшие историю русской "украины" Н.И.Костомаров и Д.И.Багалей, наоборот, считали "кижский вариант" внешней политики не менее реальным, чем войну на Балтике. Так родился спор о борьбе двух внешнеполитических концепций в правительстве 50-х гг. XVI в. Положение осложнялось тем, что специальных работ о "противниках" царя в этом споре - Адашеве и Сильвестре - не было.

За прошедшее время в исторической литературе период 50-х - 60-х гг. XVI в. получил широкое освещение, но история внешней политики разработана все же слабее. Закрепленную в работе В.Д.Королюка и распространенную в литературе до последнего времени концепцию начала Ливонской войны можно изложить следующим образом: в русском правительстве в середине 50-х гг. существовали две программы активизации внешней политики - война с Крымским ханством и борьба за Прибалтику. Группировка во главе с А.Ф.Адашевым и Сильвестром выступала за войну с Крымом в интересах крупного боярско-княжеского землевладения, чтобы удовлетворить земельный голод дворянства и избежать за счет завоеваний на юге конфискации боярских вотчин. Но победила точка зрения царя, который вел войну в Ливонии, опираясь на поддержку широких слоев дворянства и торговых людей.³

Эта концепция встретила весьма обоснованные возражения. Исследования С.О.Шмидта и И.П.Паскольского показали, что деятельность русского правительства была

попыткой разрешить конфликт с Ливонией мирным путем /как это предпринималось и в отношении Казани до 1552 г./ . С.О.Шмидт выявил роль такой крупной политической фигуры, как А.Ф. Адашев, в подготовке дипломатического наступления на Ливонию и поставил вопрос о неправомерности противопоставления боярства дворянству при изучении сложной внешнеполитической обстановки 50–60 гг. XVI в. Конкретному исследованию методов и целей русской внешней политики посвящена статья И.П.Шаскольского о русско-ливонских переговорах 1551 г.⁴ Недостаточную обоснованность взглядов на борьбу двух внешнеполитических концепций, базирующихся на различных социальных силах, показывают и работы Е.И.Кулевой и Б.И.Флора о внешнеполитических планах русского правительства в отношении Крыма.⁵

В зарубежной литературе "балтийскому вопросу" по-прежнему уделяется значительное внимание,⁶ в том числе обсуждается и интересующий нас вопрос об отношении к войне в правящих кругах России. Г.В.Вернадский в много-томной "Истории России", говоря о возможности и своевременности успешной борьбы против Крымского ханства в конце 50-х гг. XVI в., утверждает, что действовавшая в Ливонии русская армия готовилась А.Ф.Адашевым для крымского похода. Датский исследователь К.Расмуссен пришел к выводу о невозможности провести резкое разграничение политических устремлений боярства, с одной стороны, и дворянства и купечества, с другой; об отсутствии разногласий в русском правительстве по вопросу о войне в Ливонии. Н.Ангерманн и Э. Тибберг убеждены, что война в Ливонии вызвана не столько экономическими интересами России, сколько стремлением царя Ивана IV к захвату новых территорий.⁷

Нужно сказать, что в советской историографии Ливонской войны использовались большей частью отечественные источники – летописи, разряды, посольские книги, делопроизводственные материалы приказов, ведавших снабжением крепостей и испомещением русских дворян в Ливонии. Нередко в трудах историков характеристика деятельности руководителей Избранной Рады – Адашева и Сильвестра, как противников активных действий против Ливонии, подтверждалась фактами и оценками, взятыми из тенденциозных публицистических произведений XVI в. – сочинений Ивана Грозного и Курбского.

Из ливонских источников больше всего привлекались переведенные на русский язык хроники Ф. Ниенштедта и Б. Руссова. К сожалению, почти не изучались активно используемые зарубежными историками публикации документов по истории средневековой Ливонии, осуществленные прибалтийскими археографами XIX – начала XX в. /К. Ширреном, Ф. Бинеманом, Г. Гансеном/. Нам хотелось бы обратить внимание на ряд документов из этих публикаций, относящихся к русско-ливонским отношениям 1557–1559 гг. Эти материалы /инструкции, отчеты и переписка ливонских посольств в Россию 1557/1558 г., 1558 г.; документы, относящиеся к деятельности бургомистра города Нарвы Иоахима Крумкаузена/ существенно дополняют наши представления о политике русского правительства накануне и в начальный период Ливонской войны. Документы ливонских посольств в России восполняют немногие, сохранившиеся в составе летописей известия об этих переговорах и являются весьма ценными источниками, поскольку русские посольские книги по связям с Ливонией за этот период в наших архивах не сохранились. Ни в коей мере не претендуя на полноту охвата источников, хотелось бы показать,

что привлечение материалов такого рода может дать ценные сведения для изучения интересующего нас вопроса о внешнеполитических планах русского правительства в 1557 - 1559 гг.*

Как показал И. П. Шаскольский, русско-ливонские переговоры 1554 г. завершились полным успехом русской дипломатии: новый договор был заключен сроком на 15 лет, и русское правительство рассчитывало на мирное урегулирование всех спорных вопросов.⁸ Упоминание Ливонии в титуле Ивана IV в 1554 г. /на что ссылаются многие историки, как на доказательство якобы агрессивных намерений царя⁹/ является ошибкой английского издания Таклонта, где при публикации грамот 50-х гг. XVI в. подставлялся титул, употреблявшийся царем в 70-80-х гг.¹⁰ Но, хотя договор и был ратифицирован властями Ордена в 1555 г., выполнение всех его основных положений было сорвано: ливонские города не признавали свободу торговли русских купцов, им не были возвращены церкви в "русских концах" Ревеля /Таллина/, Риги и Дерпта /Тарту/, а дерптский епископ выплачивать обещанную по договору дань не стал. Дипломатия Ордена подтолкнула Швецию к войне с Россией.¹¹ В сентябре 1557 г. Ливония нарушила еще одно условие договора и заключила с Сигизмундом II Августом союз против России. В ответ русское правительство объявило войну Ливонии, но военных действий не начинало.¹² В такой обстановке в ноябре 1557 г. в Москву срочно отправились послы магистра Ордена и дерптского епископа. На основании материалов этого посольства /т.н. "дневника"/ шведский историк С. Свенссон сделал вывод о различии позиций А. Ф.

---

* За помощь при переводе приношу глубокую благодарность К. Майске и С. А. Морозову.

Адашева и И.М.Висковатого на переговорах. Позднее А.А. Зимин, а затем Р.Г.Скрынников высказали мнение, что Висковатый, как сторонник "военной партии" при дворе, способствовал срыву переговоров.¹³ Но эти исследователи пользовались переводом "дневника", опубликованным историком А.А.Чумиковым в 1886 г. А.А.Чумиков перевел текст "дневника" из второго тома публикации К.Ширрена, где помещена лишь первая часть документа /за 8 - 10 декабря 1557 г./, которая обрывается тем, что послы, не дождавшись ответа на свое последнее предложение, получили указание увезать.¹⁴ Вторая же половина посольского "дневника" /за 11 декабря - 26 января 1558 г./ помещена в первом томе той же публикации и осталась неизвестной А.А.Зимину и Р.Г.Скрынникову.¹⁵ Из этой части документа следует, что переговоры не были прерваны, послы добились соглашения об урегулировании конфликта и уплате дани. Только отсутствие у ливонцев денег и вынудило их отъезд. На обратном пути по инициативе русской стороны переговоры были продолжены через пристава: послам было предложено отдать в залог свои драгоценности и самим остаться в Москве до присылки дани. Но колебания послов привели к тому, что в Москве отказались идти на уступки, и послы уехали ни с чем.¹⁶ Несмотря на существовавшую возможность предотвратить войну, успешного исхода переговоров вряд ли можно было ожидать: согласно ливонской инструкции, им предписывалось лишь вновь просить о сокращении дани.¹⁷ Прагматичные круги Ливонии не собирались улаживать конфликт.

Хотя С.Свенсону были известны обе части "дневника", но он, видимо, принял выступления Адашева и Висковатого перед ливонскими послами /согласно "дневнику", в то время как Висковатый отказался от предложенной суммы

дани и предложил им уезжать обратно, Адашев посоветовал послам увеличить сумму¹⁸ / за принципиальное различие их позиций. Подобные приемы /согласно "дневнику", чуть раньше Адашев и Висковатый в такой же ситуации меняются ролями¹⁹ /, так же, как и организация "самостоятельных" выступлений со стороны приставов, часто использовались в русской дипломатической практике того времени и не могут свидетельствовать о разногласиях между различными группировками в подходе к переговорам. Но С.Свенссон, а вслед за ним и Н.Ангерманн, рассматривают выступление пристава ливонского посольства как инициативу "мирной партии" при дворе.²⁰ Доверяет С.Свенссон и весьма тенденциозной характеристике Висковатого как враждебно настроенного к "христианам" и расположенного к татарам деятеля, данной Г.Штаденем.

Под победой "военной партии" в Москве подразумеваются и известия хроник Ф.Ниенштедта и Т.Хиэрне о запрещении царя русским купцам одолжить ливонским послам требуемую сумму для уплаты дани.²¹ Ниенштедт не называет своего источника, но ряд неточностей его хроники /например, упомянутое посольство Ниенштедт относит к январю 1558 г., после похода русских войск/ заставляет предположить, что это известие лишь отражает распространенные в Дерпте толки. В поздней компиляции Т.Хиэрне /1670-е гг./ сообщается, что русские купцы согласились дать в долг деньги для уплаты лишь части дани. Во всяком случае, подробный посольский "дневник" ничего не сообщает о подобных контактах.

Постановка вопроса об отношении к войне различных социальных слоев и группировок внутри правящего класса заслуживает серьезного внимания. Дискриминационная политика ливонских властей по отношению к русским купцам

вызывала с их стороны многочисленные жалобы и заставляла правительство учитывать их интересы. На русско-ливонских переговорах 1554 г. И.М.Висковатый, ссылаясь на сведения русских купцов, указывал, что запрет на продажу оружия распространяется в Ливонии только на русских, и требовал его отмены.²² Свидетельством настроений русских торговых людей может служить наказ русскому посланнику в Швеции И.Е.Замыцкому в 1557 г.: "Гости и купцы отчин великого государя изо многих городов говорят, чтобы им в торговых делах была воля"; купцы требовали разрешения и охраны свободного проезда не только в Швецию, но и в Голландию, немецкие города, Англию и Испанию.²³ После взятия Дерпта командующий армией князь П.И.Шуйский в одной из грамот, отправленных в Ревель, требовал беспрепятственно пропускать в Дерпт заморских купцов и разрешал поездки ревельским торговым людям.²⁴ Но прекращение торговых отношений было невыгодно и немецким и русским купцам. Еще до войны определенная часть купечества Риги, Дерпта и Нарвы выступала против обострения отношений с Россией.²⁵ Дерпт и Нарва имели традиционные связи с Россией, эти города и стали главной целью русских войск в кампанию 1558 г., а довольно сильная "русская партия" в Дерпте выступила за капитуляцию города на определенных условиях,^{*} что не осталось неизвестным князю П.И.Шуйскому.²⁷ Условия эти, закрепленные в жалованных грамотах Нарве /1 мая 1558 г./ и Дерпту /6 сентября 1558г./, были весьма благоприятными для горожан.^{**} Быстрая капитуляция этих городов и сравнитель-

* Позднее и власти Риги желали выяснить вопрос о возможности подчинения города Ивану IV.²⁶

** Столетие спустя во время русско-шведской войны 1656-1658гг. в Посольском приказе был сделан обратный перевод с немецкого жалованной грамоты Дерпту /ЦГАДА, Сношения России с Лифляндией, № 3, лл. I-6/.

но мягкие ее условия вызвали в Ливонии даже обвинения в измене по отношению к нарвскому бургомистру Иоахиму Крумхаузену и дерптскому епископу Герману Везелю, которые пользовались расположением русских властей.

С прибалтийской торговлей было связано не только купечество: среди новгородских торговых людей встречаются и представители других сословий, в том числе и священники. Сам новгородский архиепископ Макарий был крупным поставщиком воска в Ревель.²⁸ О каких-то делах с немецкими купцами свидетельствуют и хранившиеся в государственном архиве поручные записи на Н.А.Фуникова-Курцева, Х.Ю. Тютиня, И.Качалова, И.Я.Чеботова, М.Вислого и князя Д.Ф.Палецкого "в неметцком деле, что им послати в Новгород к ответу людей своих".²⁹ Особый интерес представляют для нас деловые связи Сильвестра и его сына Анфима. А.А.Зимин и И.И.Смирнов привели данные о связях Анфима с виленскими торговыми людьми. Немецкий же источник сообщает, что упомянутый И.Крумхаузен задолго до начала войны "при посредстве духовного отца великого князя" /"durch des zaren Reichvater"/ получил привилегии /"охранное письмо"/ для своих торговых операций в России.³⁰ О контактах Сильвестра с Крумхаузенем и получении последним "охранного письма" свидетельствуют и дети этого купца, отвечая в обширном документе на обвинения их отца в измене /на это указал Н.Ангерманн/.³¹ Сам И.Крумхаузен в мае 1558 г. через купца Ханса Берндса сообщил городскому совету Ревеля, что по сведениям, полученным в Москве от Анфима /"Olphime"/, мира с Ливонией сохранить не удастся.³² Можно предположить, что Сильвестр и его сын, как и ряд русских торговых людей, были связаны с той частью немецкого купечества, которая была заинтересована в сохранении мира и торговых отношений с

Россией и даже согласна на известных условиях признать власть царя. Упомянутый Иоахим Крумхаузен /"Яким Кромш" русских летописей/ возглавлял делегацию горожан на переговорах в Москве о сдаче Нарвы в апреле 1558 г.; о нем же /"старейшина того града Иван"/ говорится в "Повести" об обретении мощей новгородского епископа Никиты, где нарвский бургомистр выступает очевидцем чудесного явления Никиты на берегу р. Наровы перед самым взятием города. Позднее, в 60-х гг. XVI в., Крумхаузен жил и обучал своих детей в Москве.³³

Что же касается русских торговых людей /в особенности новгородцев и псковичей/, то они, добиваясь выгодных условий торговли, также вряд ли были заинтересованы в продолжительных военных действиях, прерывавших налаженные торговые отношения.³⁴

Исследователи не раз отмечали, что первый поход русских войск в Ливонию зимой 1558 г. на ставил целью захват городов, а сами воеводы по приказу царя дважды посылали магистру Ордена грамоты о присылке послов для заключения нового договора.³⁵ Однако, орденские власти не торопились. На ландтаге в Вольмаре магистр предложил собрать обусловленную договором сумму дани и отправить ее в Москву с новым посольством, но лишь для того, чтобы получить время для вооружения войск и укрепления городов.³⁶ Новое Ливонское посольство прибыло в Москву лишь в начале июня 1558 г., когда ситуация изменилась в связи с занятием русскими войсками Нарвы /после того, как гарнизон замка открыл огонь по Ивангороду, несмотря на достигнутое в Москве соглашение о переходе Нарвы во владение царя/.³⁷ Переговоры и на этот раз вели А.Ф. Адашев и И.М. Висковатый. В летописи таким образом переданы условия, предъявленные ливонцам русской стороной:

чтобы магистр "да и бискуп сами за свои вины били челом и дань положили на всю свою землю". Ниенштедт в хронике утверждает, что от послов потребовали уступки Нарвы.³⁸ Ф.Бинеман в 1865 г. опубликовал "Ответ" Адашева и Висковатого ливонскому посольству, датированный 5 июня 1558 г.³⁹ "Ответ" этот представляет собой перевод на немецкий язык русского текста ответа послам с сохранением характерных для русской дипломатической документации приемов /пространное изложение предыстории переговоров и содержания предложений ливонской стороны/ и оборотов речи /"царь и великий князь велел вам говорить", "бить челом" и т.д./. В этом "Ответе" А.Ф.Адашев и И.М.Висковатый основным условием прекращения военных действий поставили прибытие магистра для заключения нового договора, Нарва же в любом случае должна была отойти к России.⁴⁰ В послании к епископу дерптскому и позже в своем отчете ливонские послы подчеркнули, что взятие Нарвы было для них полной неожиданностью, и передали окончательные условия урегулирования конфликта, сформулированные Адашевым и Висковатым: магистр, архиепископ рижский и все епископы Ливонии должны явиться в Москву с данью и выполнять все указания царя, т.е. "поступить по примеру царей казанского и астраханского".⁴¹ Приведенные документы, таким образом, прямо свидетельствуют о намерениях русского правительства превратить Ливонию в вассальное государство. Характерно, что послы не отмечают никаких различий в позициях Адашева и Висковатого. Переговоры, как известно, закончились неудачей, очередная просьба послов об отмене платежа дани с дерптского епископства была отвергнута,⁴² и летом 1558 г. русские войска предприняли новое наступление. Целью нового похода было уже овладение городами и замками дерптского епископства.

Занятая в результате военных действий территория оставалась практически неизменной до начала 1560 г.,⁴³ а в 1558–1559 гг. к титулу Ивана IV добавляется "государь Ливонские земли града Юрьева".⁴⁴

Позднее Иван IV упрекал своих бывших советников Сильвестра и Адашева в том, что они заключили с Ливонией перемирие "лукарого ради напоминания датского короля"; этот факт нередко рассматривался в литературе, как свидетельство стремления правительства Адашева прекратить войну в Ливонии, чтобы начать активные действия на юге. Но из материалов русско-датских переговоров весной 1559 г. следует, что основной целью датского посольства было не перемирие, а стремление не упустить благоприятный момент для осуществления своих планов в Ливонии: послы просили перемирия прежде всего для тех областей, на которые претендовала Дания /"княжество Эстониен и земля Гериен и Вирлант з бискупством, державою и градом Колинванем"/, а потом уже для всей остальной Ливонии, ссылаясь на соответствующие полномочия для заключения перемирия со стороны ливонских властей.⁴⁵

На этих переговорах Адашев и Висковатый, отвергнув притязания датчан на часть территории Ливонии, условием для перемирия поставили прибытие самого магистра и епископов для заключения договора, по которому за ними пожизненно сохраняются их владения, а в ряд городов и замков Ливонии будут посланы русские наместники.⁴⁶ В конце концов после уверений датских послов в скором прибытии ливонцев русская сторона согласилась на перемирие при условии приезда магистра или его послов для заключения мира, "как нашему жалованью во всех делах над ними пригоже быти".⁴⁷ Надо сказать, что сами датские послы в письме к своему королю указывали, что пе-

ремирие выгодно царю из-за ожидаемых крымских набегов⁴⁸ /действительно, весной и летом 1559 г. в Москве ожидали нападения хана Девлет-Гирея на "украины"⁴⁹/. Но ливонские власти и на этот раз не пошли на соглашение с Россией. В том же 1559 г. Сигизмунд II Август принял Орден в свою "клиентелу и протекцию", назревала опасность конфликта с Великим княжеством Литовским и Коронай Польской.

Некоторые исследователи уже указывали, что Адашева и Сильвестра нельзя считать принципиальными противниками борьбы за выход России к Балтийскому морю и наступления на Ливонию, как это изображает Иван IV в первом послании к Курбскому.⁵⁰ Думается также, что Сильвестр вряд ли мог выступать против войны из благочестивых соображений. Церковью велась активная идеологическая подготовка войны: в конце 50 – начале 60-х гг. из окружения Макария вышла "Повесть об Исидоре Юрьевском", содержащая резкие обвинения в адрес ливонских немцев – лютеран.⁵¹ И Курбский, и царь Иван равно считали ливонцев "огступившими от христианской веры" и заслужившими наказание.⁵² Приведенные выше документы, как нам кажется, также не дают оснований говорить о борьбе различных группировок при дворе в 1558–1559 гг. Лишь позднее, в условиях осложнений на театре военных действий из-за вмешательства Дании и Швеции /и пока дипломатических демаршей короля Сигизмунда II /, в конце 1559 – начале 1560 г. нарастают разногласия между Иваном IV и его ближайшими советниками по вопросу о продолжении войны. Внимательный наблюдатель, гонец императора Фердинанда Иероним Гофман, свидетельствовал о серьезных разногласиях в это время между "боярами" и царем, который велел сообщить Гофману, что "не перестанет воевать, пока не за-

вокет всю Ливонию".⁵³ В 1560 г. следует новое наступление русских войск, и в то же время происходит существенное изменение в титуле царя: Иван IV именуется теперь "государь Ливонские земли", а с 1562 г. — "государь вотчинной земли Вишляндские".⁵⁴ Но и во время летней кампании 1560 г. русское командование, видимо, все еще рассчитывало на заключение какого-то соглашения с Орденом: из занятого Феллина рассылались грамоты, призывающие орденские власти присылать послов для переговоров.⁵⁵

Нам кажется, что разрыв царя с руководством Избранной Рады /он не был единовременным актом: Адашев некоторое время находился в завоеванном Феллине, а о времени добровольного удаления Сильвестра вообще трудно составить представление/ вряд ли можно объяснить принципиальными расхождениями в вопросах внешней политики; сам Иван IV в первом послании к Курбскому говорит об удалении Адашева и Сильвестра, как бы подводя итог их деятельности в целом.⁵⁶ Как показывают приведенные выше источники /материалы ливонских посольств 1557—1558г. и русско-датских переговоров 1559 г./, А.Адашев в 1557—1559 гг. разрабатывал и проводил в жизнь планы русского правительства в отношении Ливонии. Неверной оказывается и утвердившаяся в литературе характеристика Сильвестра как фанатичного священника, отговаривавшего царя от войны с христианами. Скорее можно говорить о том, что деятельность Сильвестра отражала интересы торгово-посадских кругов. Есть все основания предполагать, что в начале 1560 г., оказавшись перед перспективой войны с Литвой и Швецией, руководство Избранной Рады предпочло дипломатическое урегулирование конфликта дальнейшему военному наступлению в Ливонии. Царь же даже в 1564 г. был

уверен, что в то время /1560 г./ "уже бы вся Германия была за православием",⁵⁷ и объяснял отсутствие ожидавшихся успехов нежеланием воевод действовать активно. Несколькими годами спустя в обстановке военных неудач Иван IV в полемике с Курбским объявит Адашева и Сильвестра убежденными противниками наступления на Ливонию и одновременно назовет в лице Курбского всех недовольных его политикой виновниками затянувшейся войны: "Литовская брань учинилася вашею изменою и недоброхотством и нерадением безсовестным".⁵⁸

Нам представляется, что более внимательный и детальный анализ источников, в том числе и ливонских, поможет более тщательно осветить политику русского правительства в 50-60-х гг. XVI в. в отношении Ливонии, а поиски в прибалтийских архивах дадут новые ценные документы о внешне- и внутривосточном состоянии России в XVI в.

Примечания:

1. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979, с. 38.
2. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. кн. III, т. 6, М., 1960, с. 524, 539.
3. Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. М.-Л., 1950, с. 13; Бахрушин С.В. Научные труды т. II, М., 1954, с. 295; Королюк В.Д. Ливонская война. М., 1954, с. 28; Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960, с. 472; Скрынников Р.Г. Начало опричнины. Л., 1966, с. 129-130; Сахаров А.М. Образование и развитие Российского государства в XIV - XVII вв. М., 1969, с. 102-103; История России с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1975, с. 221; Donnerst. E. Der livländischer Ordensritterstaat und Russland. Berlin, 1963, s. 47; Norren-tranders B. The shaping of czarism under Ivan Groznyj. Copenhagen, 1964, p. 168.
4. Шмидт С.О. Рецензия на книгу В.Д. Королюка. - "Вопросы истории", 1954, № 10, с. 151; он же. Правительственная деятельность А.Ф. Адашева. - "Ученые записки МГУ", вып.

- 167, М., 1954, с.53; он же. Вопросы истории России XVI в. в новой исторической литературе. - В кн.: Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. М., 1962, с.131-132. Шаскольский И.П. Русско-ливонские переговоры 1554 г. и вопрос о ливонской дани. - В кн.: Международные связи России до XVII в. М., 1961, с. 976, 397-398.
5. Кушева Е.П. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963, с.186-219; Флоря Б.Н. Проект анти-турецкой коалиции середины XVI в. - В кн.: Россия, Польша, и Причерноморье в XV-XVIII вв. М., 1980, с.71-83.
  6. Круус Х.Х. "Балтийский вопрос" в XVI в. в зарубежной исторической литературе. - "Вопросы истории", 1959, № 6, с. 108-119.
  7. Vernadsky G. A History of Russia. The Tsardom of Moscow. Part I. New-Haven - London, 1969, p.94. Лиги Х.М. Рец. на кн: Rasmussen K. Die livländische Krise 1554-1561. Kobenhavn, 1973. - "Скандинавский сборник", т.20, Таллин, 1975, с. 217. Andermann N. Studien zur Livlandpolitik Ivan Groznujs. Marburger Ostforschungen. Band 32, Marburg/Lahn, 1972, s.21. Tiberg E. Om villkoren för Moskoviens Baltiska handel 1487-1547 och handelns roll i utrikespolitiken. vol. I, Uppsala, 1975, sid p.
  8. Шаскольский И.П. Русско-ливонские переговоры 1554 г. с.395-397.
  9. Юрьенс И.И. Вопрос о ливонской дани. - "Варшавские университетские известия", 1913, № 9, с.49; Зутис Я. К вопросу о ливонской политике Ивана IV. - "Известия АН СССР", сер. Истории и философии, т.9, №2, 1952, с. 136.
  10. Гамель И. Англичане в России в XVI и XVII столетиях. СПб., 1865, с.28.
  11. Новицкий Г.А. Русско-шведские отношения в середине XVI в. и война 1554-1557 гг. - "Вестник МГУ", историко-философская серия, 1956, № 2, с.53-60.
  12. Подлинник грамоты об объявлении войны хранится в Ленинграде в собрании проф. Гельсингфорского университета С.В. Соловьева /Архив ЛОИИ, колл. 124, оп. I, № 128/. Опубликованный А.А. Чумиковым в 1886 г., а за-

тем в 15 томе РИБ документ является не самой грамотой, а, скорее, выписью из подлинной грамоты, сделанной специально для отсылки в Ревель /РИБ, т.15, СПб., 1894, № 68; Чумиков А.А. Объявление войны царем Иваном Васильевичем городу Ревелю. - ЧОИДР, М., 1886, кн.4, Смесь, с.1-4/. Эта же выпись в переводе на немецкий язык помещена в публикации Ю.Н.Шербачева /Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории. - ЧОИДР, М., 1915, кн.4, Отдел II, с.134 - 137/.

13. Круус Х.Х. Рец. на кн. Svensson S. Den merkantila bakgrunden till Russlands onfall pa den livland Lund, 1951. - "Вопросы истории", 1958, № I, с.181. Зимин А.А. Реформы..., с.472. Скрынников Р.Г. Начало опричнины..., с.131.
14. Чумиков А.А. Дневник Ливонских послов к царю Ивану Васильевичу. - ЧОИДР, М., 1886, кн.4, Смесь, с.5-18. Немецкий текст см.: Schirren C. Quellen zur Geschichte des untergangs Livlandischer Selbstandigkeit. Band II, Reval, 1862, с.4-26.
15. Schirren C. Quellen..., В. I, Reval, 1861, с.20-33.
16. Ibidem, с.29-33.
17. Schirren C. Neue Quellen zur Geschichte des untergangs Livlandischer Selbstandigkeit. В. I, Reval, 1883, с. 3.
18. Schirren C. Quellen..., В. II, с. 25.
19. Ibidem, с. 24.
20. Angermann N. Studien zur Livlandpolitik, с.74-75. См. рец. Б.Н.Флори на кн. Н. Ангерманна. - "Вопросы истории", 1974, № 9, с.198-201.
21. Ниенштедт Ф. Ливонская летопись. - В кн.: Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т.4, Рига, 1882, с.14. Thomae Hiarn's Esth-Lyf und lettlandische Geschichte. Monumenta Livoniae antiquae. В. I, Dorpat, 1835, с.212.
22. Шербачев Ю.Н. Копенгагенские акты..., с.25.
23. Сборник РИО, т.129, с.52.
24. Тихомиров И.А. Грамота князя П.И.Шуйского в Ревель с требованием сдачи. - "Древняя и новая Россия", СПб., 1875, № 9, с.90.
25. Donnert E. Der livlandische Ordensritterstaat., с.35-36.

26. Новицкий Г.А. Новые известия из истории дипломатической борьбы во время Ливонской войны. - "Вестник МГУ", история, 1963, № 3, с. 37.
27. Das Inland. Dorpat, 1861, N I, s. 6.
28. Дорошенко В. Торговля крупного таллинского купца в XVI в. - "Известия АН Эстонской ССР", общественные науки, т.18, № 4, 1969, с.334-338.
29. Зимин А.А. Государственный архив России XVI столетия Опыт реконструкции. М., 1978, с.341-342.
30. Отрывок из принадлежавшего библиотеке Дерптского университета сочинения "Tertii belli descriptio quod magnus Rutenorum imperator 1558 contra Livones gessit" опубликованный под названием "Переговоры с царем Иваном Васильевичем IV" в кн.: Hansen H. Ergänzende Nachrichten zur Geschichte der Stadt Narva vom Jahre 1558. Narva, 1864, s.11.
31. Этот документ /"Обоснованное и правдивое известие об отправлении в Россию посольства города Нарвы"/, составленный в 1558 г., также опубликован в кн.: Hansen H. Ergänzende Nachrichten..., s.37-56.
32. Эти сведения содержатся в инструкции, данной городским советом Ревеля посланцам к магистру Ордена / Schirren C. Quellen..., V.I, s.140/.
33. ПСРЛ, т.13, с.293-294. Никольский А.И. Сказание об обретении честных мошей святителя Никиты новгородского чудотворца. - "Известия отделения русского языка и словесности Академии наук", т.10, кн.11, СПб., 1905, с. 10 / Ср.: ОР ГБЛ, Тр.-Серг. №673, л.374/. История Эстонской ССР, т.1, Таллин, 1961, с.356.
34. Хорошкевич А.Л. Значение экономических связей о Прибалтике для развития северо-западных русских городов в конце XV - начале XVI в. - В кн.: Экономические связи Прибалтики с Россией. Рига, 1968, с.28.
35. Шербачев Ю.Н. Колленгагенские акты..., с.38-40.
36. Bienemann F. Briefe und Urkunden zur Geschichte Livlands in den Jahren 1558-1562. V.I, Riga 1865, N 73, s. 103-104.
37. Форстен Г.В. "Балтийский вопрос" в XVI и XVII столетиях. Т.1, СПб., 1895, с.90-91. Index corporis historico-diplomatici Livoniae, Esthoniae, Curo-niae. V.II, Riga-Dorpat, 1835, NN 3169-3173.
38. ПСРЛ, т.13, с.297. Ниенштедт Ф. Ливонская хроника..., с.16.

39. Bienemann F. Briefe und Urkunden..., В. I, N 125, в. 221-228.
40. Ibidem, в. 227-228.
41. Ibidem, в. 249 /Послание написано уже после отъезда из Москвы на Ливонской территории/ Юрьенс И.И. Вопрос о Ливонской дани..., с. 56.
42. Bienemann F. Briefe und Urkunden, В. I, в. 222.
43. Ср. перечень захваченных замков в 1558 г. /КСРЛ, т. I3, с. 303-306, 311-312/ со списком, приведенным И. Гофманом /Мадиссон Ю.К. Посольство И. Гофмана в Ливонию и Русское государство в 1559-1560 г. - "Исторический архив", 1957, № 6, с. 137-138/.
44. Впервые - в жалованной грамоте Дерпту /ЦГАДА, ф. 64, оп. I, № 3, л. I-2/.
45. Щербачев Ю.Н. Русские акты Копенгагенского государственного архива. - РИБ, т. I6, СПб., 1897, с. 44-47; ЦГАДА, ф. 53, оп. I, л. 38-40.
46. Щербачев Ю.Н. Копенгагенские акты..., с. 107-108.
47. ЦГАДА, ф. 53, оп. I, кн. I, л. 64об.
48. Щербачев Ю.Н. Копенгагенские акты..., с. 137.
49. Буганов В.И. Разрядная книга 1475-1598 гг. М., 1966, с. 178-179.
50. Шмидт С.О. Правительственная деятельность А.Ф. Адашева..., с. 53; Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963, с. 46; Греков И.Б. Очерки по истории международных отношений в Восточной Европе XIV - XVI вв. М., 1963, с. 315.
51. Рогов А.И. "Повесть об Исидоре Юрьевском" как исторический источник и памятник русской публицистики периода Ливонской войны. - В кн.: Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969, с. 318-321.
52. РИБ, т. 31, СПб., 228; Переписка Ивана Грозного..., с. 13-14.
53. Мадиссон Ю.К. Посольство И. Гофмана..., с. 139.
54. Впервые - в грамоте императору Фердинанду от 24 февраля 1560 г. /Любич-Романович В. Сношения царя Ивана Васильевича с императором Фердинандом о ливонских делах. - "Сын отечества", СПб., 1842, отд. I, с. 7/; Сборник РИО, т. 129, с. 89; Щербачев Ю.Н. Рус-

ские акты..., с.55/.

55. Чумиков А. А. Неизданные акты Ревельского городского архива. - ЧОИДР, М., 1897, кн. 2, Смесь, с.7. В Каркус и Гельмет грамоты посылал в 1560 г. и А.Ф. Адашев/ Bienemann F. Briefe und Urkunden zur Geschichte..., В. IV, Riga, 1873, в. 199/.
56. Переписка Ивана Грозного..., с.30-33.
57. Там же, с.38.
58. Там же, с.14.

М.П.Лукичев

СВЕДЕНИЯ О БОЯРСКИХ КНИГАХ
В АРХИВНЫХ ОПИСЯХ ХУП - ХУШ ВЕКОВ

В процессе деятельности Разрядного приказа в его архиве на протяжении ХУІ - ХУП вв. откладывалась многочисленная и разнообразная документация по истории служилого сословия. Но многое из нее безвозвратно погибло в результате стихийных бедствий или небрежного хранения в более позднее время. По подсчетам архивистов ХІХ в., только в пожар 1812 г. было уничтожено 11 тыс. столбцов Разрядного приказа.¹ Поэтому перед исследователями почти всегда возникает задача определения степени сохранности того или иного комплекса документов. При ее решении большую помощь могут оказать старые архивные описи. В частности, они содержат некоторые сведения о боярских книгах /в том числе о недошедших до нас/ и позволяют уточнить обстоятельства, время возникновения и дальнейшую их судьбу. В работе используются три известных к настоящему моменту описи архива Разряда ХУП в. /1626, 1651/52, 1668 гг./, а также различные материалы по разборке и описанию документов в Разрядном архиве, образованном после ликвидации приказа в 1711 г. Кроме этого, привлекались выписки из источников, сделанные в ХУП - начале ХІХ вв. при выдаче справок генеалогического характера.

Боярские книги представляют собой именные перечни по чинам представителей Государева двора с указанием их окладов, поместных и денежных. На полях книг и между строк в течение нескольких лет вносились отметки о перемещениях по службе и прибавках к окладам. Фиксировались и другие данные биографического характера /опа-ла, болезнь, пострижение в монастырь, смерть/. Несмотря на ценность содержащейся в боярских книгах информации, изучены они недостаточно полно.²

Боярские книги принадлежали к числу важнейших и постоянно использовавшихся документов Московского стола Разрядного приказа. По ним наводились многочисленные справки об окладах и чинах служивых людей. Естественно, что при составлении боярских книг принимались меры, обеспечивающие их долговую сохранность. Писались они на хорошей бумаге и заключались в надежные переплеты. Напр., книга 1691 г. оформлялась следующим образом: "... переплетена в Розряде нынешняго 200-го году книга александрийския бумаги, а в ней написаны бояре, и окольнічие, и думные, и ближние люди з денежными их оклады, стольники, и стряпчие, и дворяне московские, и дьяки с помесными и з денежными оклады, в бумажные доски и обочена в пеструю кожу, а на той коже набиты клеймы золотом, и по обрезу вся золочена золотом же".³ Столь же внимательно относились и к боярским спискам, составлявшимся во второй половине XVII в. в книжной форме.⁴ Так, 30 сентября 1699 г. был "... переплетен в Розряде боярской подлинной список нынешнего 208-го году в бумажные доски и обочен в пеструю кожу и по обрезу вызолочен красным золотом, и клеймы набиты золотом, да к тому ж списку положены завяски отласные зеленые".⁵ Однако частое обращение к боярским книгам являлось иногда причиной быст-

рой их порчи. Так, книгу 1639 г. уже в 1650 г. вынуждены были отдать мастеру для приведения ее в порядок; сохранилось известие о выплате переплетчику Федору Никитину "от боярские от новые книги 155-го году да от починки книги 148-го году семь алтын".⁶ В следующем году эта процедура была проделана уже и с "новыми книгами" 1647 г.: "Переплетчику Петрушке Ондрееву от починки от боярские книги 155-го году два алтына дано".⁷ Вероятно, как и боярские списки, книги, поступая в архив приказа, размещались в сундуках, ящиках или коробках. Относительно первых в документе за 1643 г. читаем: "...за сундук, окован битым железом, в Розряд на боярские списки рубль десять денег дано".⁸

Точных данных о появлении первых боярских книг нет. Сведения, приводимые Н.П. Лихачевым о книгах XVI в., нуждаются в уточнении.⁹ К тому же не всегда бывает понятно, какой конкретно документ фигурирует под этим названием. К числу таких "неясных" источников относится, к примеру, боярская книга 7061 и 7062 гг., названная в описи 1626 г.¹⁰ Н.П. Лихачев склонен был отождествлять ее с боярской книгой 7060 г., упомянутой в родословной Баклановских.¹¹ Однако А.А. Зимин показал, что в росписи речь идет о Дворовой тетради.¹² Термин "боярские книги" в XVII - XVIII вв. мог употребляться по отношению к различным документам, имеющим книжную форму и включающим списки высшего дворянства. Например, при решении дела между В. Бреховым и А. Козловым в 1664 г. в Разряде наводили справки о службах Бреховых по Дворовой тетради, также называя ее "боярской книгой 7060-го году".¹³ Показательно, что разрядный дьяк Василий Брехов одно время отвечал за хранение и ведение боярских книг. Он скрепил своей подписью книгу 1647 г.¹⁴ Зная хорошо сос-

тав этих материалов, Брехов сам мог указать на возможность использования Дворовой тетради, тем более, что она была зафиксирована еще в описи I65I/52 гг.¹⁵

Под наименованием "боярской" в литературу вошла и книга I556 г., дошедшая до нас в отрывке.¹⁶ Однако, она имеет очень своеобразную структуру. Еще Н.П.Лихачев считал, что она не дает основание "...рассуждать о составе боярских книг XVI столетия...".¹⁷ Н.Е.Носов увидел в ней "...элементы как будущих боярских, так и "кормленных" книг, а сама она представляет в известной мере механическое объединение верстальных десятен и списков на кормленое верстание...". Составлялась она, по мнению автора, в Разряде при участии "кормленных" дьяков.¹⁸ Можно было бы предположить, что книга I556 г. отложилась в архиве этого учреждения. Именно так полагал Н.П. Лихачев, ссылаясь на опись I65I/52 гг., где отмечена "Книга кормленая бояр, и окольничих, и дворян, и детей боярских 64-го году".¹⁹ Ранее мы придерживались этой же точки зрения.²⁰

Однако выясняется, что этот документ хранился в XVII в. в Московском архиве Коллегии иностранных дел. Там к нему был составлен фамильный указатель, один вариант которого приложен к тексту самого источника,²¹ другой — внесен в отдельную книгу. В ней он фигурирует под названием "Боярской книги, сколько они должны выставить людей на службу в воинских доспехах".²² По указателю видно, что уже к этому времени отсутствующая ныне часть документа была утеряна. Первый, вpletенный позднее лист²³ книги I556 г. содержит заголовок: "7064 году. Книга Боярская, сколько за ними поместья и сколько имеют дать людей на службу в доспехах и сайдаки и с сабли и что с них бояр надлежит взять тем людям на жалованье

денег".²⁴ Сделан он не в ХУ в., как считает Н.Е. Носов,²⁵ а в ХУШ столетии. На это, кроме особенностей почерка, указывают характерные обороты: "имеют дать", "надлежит взять" и наличие арабских цифр.

Приведенные факты заставляют задуматься, каким образом кормленная книга 7064 г., находившаяся среди бумаг Разрядного приказа, вошедших затем в состав Разрядного архива, отделилась от них и оказалась в ХУШ в. в другом хранилище?²⁶ Обратимся к описям самого Разрядного архива. В них мы также находим сведения о книге 7064 г., но описание ее не совпадает с приведенными выше заголовками. В описи 1733 г. читаем: "Книга - царя и великого князя Ивана Васильевича всеа России приговор, как давать жалование бояром, и князем, и детем боярским по государеву уложению на их головы и на люди, 7064 году, без закрепы". Схожую описательную статью обнаруживаем в другом реестре дел этого архива: "Книга государева приговору, как давать жалования бояром, и князем, и детем боярским по уложению на их головы и на людей, 7064 году".²⁷ Здесь имеется в виду книга, упомянутая в описи 1651/52 гг.

Следовательно, речь идет о двух разных книгах 7064 г., имевших разные заголовки и хранившихся в различных архивах. Известная нам книга 1556 г., видимо, с конца ХУ в. находилась в одном из четвертных приказов, а затем вместе с документами Посольского приказа, контролирующего деятельность Четвертей, перешла в архив Коллегии иностранных дел.²⁸

В ХУШ в. боярской книгой именовали книгу раздачи денежного жалования 1573 г.²⁹ Сохранилась она в копии. Д.Н. Альниц высказал предположение, "что переписчик ХУШ в. имел перед собой даже два списка оригинала".³⁰ Дейс-

твительно, в описи 1733 г. встречаем прямое указание на это. Среди боярских книг была отмечена книга "7081 году, другая о том же".³¹ В экстракте 1734 г., объединенные в одной описательной статье, также имеются в виду две книги 7081 г. и упомянутая уже книга 7064 г.: "3 книги записные, как царь и великий князь Иван Васильевич всеа России указал давать жалования бояром, и князем, и детям боярским по государеву уложению 7064 и 7081 годов".³² Одновременно решается вопрос и о месте нахождения книги 1573 г. По мнению А.Л. Станиславского, она "хранилась, вероятно, в XVIII в. в одном из архивов, состоящих при московских департаментах Сената".³³ Теперь мы знаем точно - это был Разрядный архив. Еще ранее - в середине XVIII в. - она входила в состав архива Разрядного приказа, что свидетельствует, скорее всего, о ее разрядном происхождении. Опись 1651/52 гг. сообщает: "Книга, в начале 7081 году марта в 20 день государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии пометил бояром, и околичим, и дьяком, и дворяном, и приказным людем свое жалование по окладу".³⁴ А.Л. Станиславский предположил также, "что перед детьми боярскими, получавшими деньги "с городом" в книге 1573 г. помешены четвертки, ежегодно получавшие жалование из приказов - четвертей".³⁵ Действительно, в родословной Бунаковых о Дмитрии Богдановиче сказано, что он в 7081 г. "с выборными дворяны из четверти денег имал двадцать рублей, и тому свидетельство в Розряде и ныне есть".³⁶ В книге 1573 г. он записан с окладом 20 руб. перед дворянами, "имавшими" деньги "с городом".³⁷

Книги 1556 и 1573 гг. лишь условно можно назвать боярскими. Наиболее ранняя известная боярская книга с уже устоявшейся структурой и вполне определенным содер-

жанием относится к 1608–1609 гг. Имеется лишь небольшая выписка из нее за первую четверть ХУП в.³⁸ Сама она, видимо, погибла в пожар 1626 г. Ни одна из описей дел Разрядного приказа не упоминает о ней.

В настоящее время в Центральном государственном архиве древних актов в фонде Разрядного приказа хранятся одиннадцать боярских книг, дошедших целиком или частично. Некоторые из них – 7135 /1627/, 7137 /1629/, 7148 /1639/, 7166 /1657/58/, 7176 /1667/, 7200 /1691/гг. – имеют заголовки с обозначением даты их составления.³⁹ В остальных – первые листы отсутствуют.⁴⁰ При их датировке привлекалась опись 1733 г. В ней они отмечены как книги 7144 /1636/, 7155 /1647/, 7183 /1674/, 7184 /1676/ и 7194 /1686/ гг. Эти даты подтверждаются и уточняются анализом содержания документов.⁴¹ Кроме того, в описи отмечены не дошедшие до нас книги 7124 и 7139 гг.⁴² Но сохранились их тексты в виде столбцов, предназначавшихся для непосредственной переписки в книги.⁴³ Они упомянуты в описях ХУП в. В описи 1651/52 гг. отмечен "Список боярской 124 году с помесными и з денежными оклады".⁴⁴ В описи 1668 г.⁴⁵ встречаем "Список 139-го году з денежными оклады, начало отодрано, околничего по Львово имя Ивановича Долматова-Карпова".⁴⁶ Действительно, текст столбца, первые листы которого утеряны, идет о имени Л.И.Долматова-Карпова.⁴⁷ Таким образом, опись помогает датировать документ. По другим свидетельствам можно определить, что потерянной оказалась и заключительная часть столбца. В нем нет перечня выборных дворян. Однако он входил в состав книги. В выписке о роде Рахмановых 1794 г. упоминается книга "139 года без скрепы, по протчем написаны дворяня из городов, под тем выбор..."⁴⁸ Кстати, в боярском списке 1630 г. также встре-

чаем имена выборных дворян.⁴⁹

Концовка столбца 7124 г., вероятно, тоже утеряна. В заголовке указаны перечни дьяков, жильцов и выборных дворян. Но обрывается текст столбца на середине листа с именами московских дворян.⁵⁰ Рядом — роспись дьяка Михаила Данилова, означающая, что на этом документ оканчивается. Сделана она позднее — в процессе разборки дел, пострадавших в пожар 1626 г. Тогда же документ и был переписан в книгу для лучшей сохранности. Об этом сообщает опись 1733 г.: "124-го году, списано о списка 124-го году, каков вынесен из Розряду в большой московский пожар 134-го году, а у списка припись дьяка Михаила Данилова".⁵¹ Следовательно, книга 7124 г. переписывалась со столбца, когда он уже не включал трех последних перечней, указанных в заголовке.

Книги 7124 и 7139 гг. после 1812 г. не упоминаются в материалах архива. Но утрата боярских книг проходила и между пожарами 1626 и 1812 гг. В одной из приказных выписок 1669 г. фигурирует книга 7134 г.⁵² Встречается в источниках ссылка на книгу 7136 г.⁵³ Однако ни в одной описи XVIII в. они уже не числятся.

От книги 1647 г. сохранился только перечень московских дворян; от книги 1674 г. — дворян и дьяков. Перечни думных и высших дворцовых чинов, стольников и стряпчих составляли, как явствует из справок, выданных архивом в XVIII в., отдельные их части.⁵⁴ Это означает, что когда-то каждая из этих книг была разделена на два тома, первый из которых оказался впоследствии утерянным. Таким же образом от книги 1686 г., состоявшей в XVIII в. из двух половин /во второй были записаны имена московских дворян/,⁵⁵ дошла лишь первая ее часть. Из двух частей состоят книги 1676 и 1691 гг. Возможно, разделение

книг произошло еще при их составлении. Численность дворовых в ХУП в. постоянно возрастала. Соответственно увеличивался объем боярских книг. Показательно, что книга 1647 г., хотя и была составлена в двух частях, имела традиционный для подобных документов первой половины ХУП в. формат — в 4^о. В дальнейшем стали пользоваться форматом в 1^о. Однако и это вскоре уже не обеспечивало возможность включения всех имен представителей Государева двора в книгу под одной обложкой.

Итак, за ХУП в. по имеющимся у нас данным к составлению боярских книг приступали в 7117, 7124, 7134, 7136, 7137, 7139, 7144, 7148, 7155, 7166, 7176, 7183, 7184, 7194, 7200 гг. Как видим, появлялись они без твердой периодичности. Из них мы совсем не располагаем текстами трех книг: 7117, 7134 и 7136 гг. Следовательно, до нас дошел основной комплекс боярских книг. Это дает основание при дальнейшем их изучении с большой определенностью и уверенностью говорить об их значении как исторического источника.

Примечания:

1. ЦГАДА, ф.337, Канцелярия МAMO, д. 8310, л.82.
2. См.: Востоков А.А. Боярские книги как материал для истории высшего русского служилого сословия.— В кн.: Материалы для истории русского дворянства, вып.Ш. СПб., 1885; Лукичев М.П. Боярские книги ХУП в. —"Советские архивы", 1980, № 5, с.50—54.
3. ЦГАДА, ф.210, Разрядный приказ, столбцы Дополнительного отдела, оп. 17, д. 164, л. 24.
4. Боярские списки, появлявшиеся ежегодно, включали те же именные чиновные перечни, что и книги, только без сведений об окладах дворовых. /См.: Станиславский А. Д. Боярские списки в делопроизводстве Разрядного приказа. — В кн.: "Актное источниковедение". М., 1979, с. 123—152/.
5. ЦГАДА, ф.210, столбцы разных столов, д.140, л.21.

6. Там же, книги Денежного стола, кн.311, л.103об.
7. Там же, оп. 21, д.95, л.86.
8. Там же, книги Денежного стола, кн.300, л.218 об.
9. Лихачев Н.П. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888, с. 442.
10. Там же, приложение IV, с. 53.
11. Там же, с.441.
12. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. /далее ТК и ДТ/. М.-Л., 1950, с.17, прим. 4; с. 136.
13. "А в начале у той книги написано: Тетрадь/ дворовая, а в городех в /.../ писаны в той книге все в /.../ статье выбору, и дворового и городского не написано". /ЩАДА, ф. 210, столбцы Дополнительного отдела, оп. 17, л. 48, ч.1, л.58, 76/.
14. ЩАДА, ф. 210, оп.22, кн.8.
15. Лихачев Н.П. Библиотека и архив московских государей в XVI столетии. СПб., 1894, приложение IV, с. 77. Опись датируется по позднему отмеченному в ней документу /с.78/. Следует привести также сообщение о найденном в 1643 г. на Казенном дворе списке стрелецких голов и сотников, служивших при Иване IV и Федоре Ивановиче. Тогда же он был передан в Разрядный приказ и "... в Разряде в Боярскую книгу записан". /ТК и ДТ, с.215/. К сожалению, здесь не указано, какая конкретно книга имеется в виду. В известных нам боярских книгах XVII в. такого списка не было. Возможно, речь идет о Дворовой тетради или Тысячной книге. Ведь именно рядом с их текстами встречается он в составе сборников XVII - XVIII вв. Показательно, что Головинские и Толстовский II сборники, содержащие списки Тысячной книги и документов, найденных в шле 1643 г. на Казенном дворе, по наблюдениям А.А.Зимины, "...представляют собой довольно хорошие копии..., оделанные о плохой рукописи, хранившейся в Разряде..." /ТК и ДТ, с.40/. Скопирован был и другой документ. А.Козлов в затянувшейся тяжке с В.Бреховым /июль 1665 г./, сослался на так называемый "список 100-го года", /детей боярских и низших разрядов служилых людей/, часто фигурирующий в сборниках вместе со списком стрелецких голов и сотников, указывает, что он "...взят с Казенного двора в Разряд и в книги записан". Правда, документ датирован здесь не 7100-м, а 7106-м годом.

ЦГАДА, ф. 210, столбцы Дополнительного отдела, оп. 17, д. 25, л. 106/.

16. Опубликовано в кн.: Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачевым, кн. III. М., 1861, отд. II, с. 27-80.
17. Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века, с. 441.
18. Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России /Изыскание о земской реформе Ивана Грозного/. Л., 1969, с. 415-418.
19. Лихачев Н. П. Библиотека и архив московских государей в XVI столетии, с. 65.
20. Доклад "Архивная опись Московского стола Разрядного приказа середины XVII в.", подготовленный совместно с А. А. Шмельковым и прочитанный в ВНИИДАД 26 сентября 1978 г. на конференции, посвященной 60-летию архивного дела в Советской России.
21. Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России, с. 394, прим, 41.
22. ЦГАДА, ф. 180, Канцелярия МГАМЦ, оп. 13, д. 452, л. 1-14. На листах рукописи водяной знак с датой "1786".
23. Водяной знак не просматривается.
24. ЦГАДА, ф. 137, "боярские книги", кн. I^а, л. 1.
25. Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России, с. 394.
26. Можно указать на справку о роде Засекиных, выданную в 1798 г. Московским архивом Коллегии иностранных дел, где есть выписка из книги 1556 г. о кн. И. И. Володимирове-Засекине /ЦГАДА, ф. 286, Герольдмейстерская контора, оп. 2, кн. 76, л. 290б./.
27. ЦГАДА, ф. 210, оп. 20, д. 221, л. 17; ф. 286, оп. 2, кн. 1, л. 162.
28. Ее нахождение в архиве четвертного приказа представляется фактом вполне логичным, если учитывать, что перед нами, вероятно, один из "списков будущих "четвертчиков", т. е. детей боярских, имеющих право на получение денежного жалования не о городом, а в Москве из Четвертей..." /Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России, с. 413/. О содержании другой книги 7064 г. /Разрядного приказа/ мы ничего не знаем. Возможно, она упоминается в родословной Бестужевых 1636 г. /в копии 1743

г./.. В ней об Андрее Ивановиче сказано: "...написан из Суздаля в Тысячной книге, и о том та книга свидетельствует, да он же 7061-го году написан в Розряде в Кормчей книге у смотру в немецком походе" /ЦГАДА, ф. 286, оп. 2, кн. I, л.69Об./.. Действительно, А.И. Бестужев внесен в Тысячную книгу в Дворовую тетрадь в соответствующие разделы /ТК и ДТ, с.64, 153/. В отрывке книги 1556 г. и в книге раздачи денежного жалованья 1573 г. его нет. Однако в 7061 г. не было и "немецкого" похода. Зато в ноябре 7064 /1555/г. Иван IV "...посылал на свейских немец к Выборгу воевод..., а збиралися воеводы в Великом Новгороде, а иные в Ореховском уезде, в Кипенском погосте" /Разрядная книга 1475-1605 гг. Под ред. и с предисловием В.И.Буганова, т.1, ч.3, М., 1978, с.504/. Появление книги, упомянутой в родословной, возможно, связано с этим событием, В дальнейшем при переписке ее текста литерную цифру 4 /Δ/ в заголовке могли ошибочно принять за единицу /Δ/.

29. Миллер Г.Ф. Московские старинные приказы. - "Древняя российская вивлиофика", изд. 2, ч.XX. М., 1791, с.289
30. Альшиц Д.Н. Новый документ о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного после 1572 года. - "Исторический архив", т.IV. М.-Л., 1949, с.19.
31. ЦГАДА, ф.210, оп. 20, д. 221, л.17.
32. Там же, ф.286, оп. 2, кн.1, л.198.
33. Станиславский А.Л. Книга раздачи денежного жалованья 1573 года.- "История СССР", 1976, № 4, с.137.
34. Лихачев Н.П. Библиотека и архив московских государей в XVI столетии, приложение IV, с.77.
35. Станиславский А.Л. Книга раздачи денежного жалованья 1573 года, с.137.
36. ЦГАДА, ф.266, кн.241, л.34об.
37. Альшиц Д.Н. Новый документ о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного после 1572 года, с.22.
38. ЦГАДА, ф. 210, столбцы Московского стола, д.6, столбик I, л.192-196.
39. Там же, боярские книги, кн.1, л. 1; кн.2, л.1; кн.4, л.1; кн.5, л.1; кн. 6, л. 23; кн.11, л.23-23об.
40. Там же, кн. 3, 7, 9, 10; оп. 22, кн.8.
41. Почти все книги удалось датировать в пределах сен-

- тябрьского года. Эта датировка указана в скобках.
42. ЦГАДА, ф.210, оп.20, д.221, л.16-16об.
  43. Там же, столбцы Московского стола, д.22, столпик 2; д.62.
  44. Лихачев Н.П. Библиотека и архив московских госуларей в XVI столетии, приложение IV, с.72.
  45. См.: Гоздаво-Голомбиевский А.А. История Разрядного архива /1711-1812/. - "Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства Юстиции", кн.5, М., 1888, с. 4-12.
  46. ЦГАДА, ф.210, оп.20, д.220, л.4об.
  47. Там же, столбцы Московского стола, д.62, л.1.
  48. Там же, ф. 338, Канцелярия Московского Разрядно-сенатского архива, кн. 866, л.11.
  49. Станиславский А.Л. Боярские списки в делопроизводстве Разрядного приказа, с. 148.
  50. ЦГАДА, ф.210, столбцы Московского стола, д.22, столпик 1, л. 1, 77.
  51. Там же, оп. 20, д.221, л.16.
  52. Там же, столбцы Московского стола, д.330, л.71-79.
  53. Там же, боярские книги, кн.2, л.2, 6, 12 и др.
  54. Там же, ф. 388, кн. 855, л.277об.; кн. 866, л.11.
  55. Там же, кн. 866, л.11об.

А. В. Лаврентьев

СПИСКИ И РЕДАКЦИИ ЛЕТОПИСНОГО СВОДА 1652 ГОДА

Летописный свод 1652 г. был составлен при знаменитом Никоне в близких ему кругах как официальный памятник патриаршего летописания и получил свое название по конечной дате, под которой помещен рассказ о восшествии на патриарший престол нового главы русской церкви. Это событие и послужило причиной составлению летописного свода, призванного отразить все важнейшее в многовековой истории страны с древнейших, в понимании средневекового человека, времен /разделения Ноем земли между сыновьями и "исход" на восток "правнуцей Иафетовых"/ по 1652 г., разумеется, с позиций господствующей идеологии, особо подчеркнув роль церкви в истории России. Такой характер памятника, безусловно, отвечал и честолюбивым интересам самого Никона.

Свод 1652 г. составлялся как официальное летописное повествование, в котором заведомо предполагалось помещать только сведения о важнейших событиях общерусского значения. В качестве источников использовались Никоновская летопись, хронографы, в текст включены литературные произведения /"Повесть Симеона Суздальского о восьмом соборе", "Повесть об осаде Пскова Стефаном Баторием", жития Меркурия Смоленского, митрополита Фи-

липпа и пр./.. Почти половина текста свода посвящена событиям "смутного времени". Пространное летописное повествование завершается статьями за вторую четверть XVII в., после чего следуют краткие заметки о некоторых официальных событиях /приемы послов, рождения царских детей, сдача Смоленска и казнь М.Шейна "с товарищи за смоленскую измену" и т.п./, служащие переходом к заключительной статье за 1652 г. "О послании на Соловки мощей ради Филиппа митрополита", рассказывающей также об избрании митрополита новгородского Никона "без жребия" на патриаршество.

А.Н.Насоновым - первым, выделившим свод из массы летописных памятников XVII в., - в московских собраниях было обнаружено 8 его списков¹; три из них, однако, представляют собой самостоятельные летописные произведения и должны рассматриваться отдельно.² Несколько позднее еще три списка найдены были в Ленинграде.³

При составлении свода, как уже указывалось, были использованы самые разнообразные памятники, в том числе и литературного характера, что привлекало внимание исследователей летописания и литературы русского средневековья. Так, Л.В.Черепнин в работе, посвященной судьбам Нового летописца в русской историографии XVII в., исследует шесть оставшихся неизвестными А.Н.Насонову списков в той их части, которая посвящена событиям "смутного времени".⁴ Сами летописные списки в целом анализу не подвергались. Как теперь установлено, это - списки свода 1652 г. А.И.Мальшеву, издавшему "Повесть о приходе на Псков Стефана Батория", были известны два списка свода 1652 г., содержащего Повесть.⁵ Оба позднее были идентифицированы А.Н.Насоновым со сводом 1652 г.

В ОР ГИБ им. Салтыкова-Щедрина выявлен еще один

свод. Таким образом, общее число списков свода 1652 г. сегодня увеличивается до 15-ти.

Исследователи не ставили своей задачей ни подробное описание списков и их датировку, ни текстологическое сопоставление, без чего не может быть произведено выделение лучших списков и редакций. Данная статья призвана по возможности начать такое источниковедческое изучение свода 1652 г.

Общая особенность текстологической работы над списками свода связана со спецификой исследования поздних летописных памятников в целом. Вообще археография и текстология позднего летописания представляют собой самостоятельную и пока еще неразработанную тему; они должны стать предметом отдельных исследований. Хотелось бы отметить две особенности, характерные, думается, для всех памятников этого времени, построенных на общерусских известиях и в значительной степени связанных, как свод 1652 г., с описанием не близкой к составителям действительности, а далекого даже для авторов XVII в. прошлого.

Подавляющее большинство списков свода переписано в первой половине XVIII в. людьми, смотревшими на летописный текст уже глазами не автора средневековья, а человека нового времени, когда возобладали не только взгляды, но и новые типы исторического повествования. Отсюда — "формальный", если так можно выразиться, интерес к летописным памятникам, желание поточнее скопировать текст, а не редактировать его с определенными политическими целями, как это делали летописцы средневековья. Следствием этого является высокая степень текстового единообразия списков и отсутствие целенаправленной их переделки: все изменения в тексте происходят от невни-

мания переписчика и индивидуальных текстовых особенностей летописей.

Таким образом, выделение внутри редакций групп списков может опираться только на мелкие различия, как правило, не затрагивающие сути текста; установить точное время появления таких групп списков возможным не представляется.

Вторая особенность связана со сравнительно недолгим бытованием самих памятников – свод 1652 г., например, ходил в списках всего около 100 лет. Отсюда – сравнительно большое количество почти одновременных списков, из которых особого внимания заслуживают самые ранние /единственный датирующий признак – бумажные водяные знаки/. Если для раннего летописания древность списка, что известно еще со времен А. Шлецера, не есть показатель качества сохранности первоначального текста, то для поздних летописей самые старые списки, как правило, лучше всего передают первоначальный текст, сохраняя его индивидуальные особенности. Списки более поздние летописный текст "портят".

Само же одновременное хождение большого количества идентичных "летописцев" – показатель возросшего во второй половине ХУП – начале ХУШ вв. интереса к отечественной истории в разных, в том числе и демократических слоях общества.⁶

Списки летописного свода 1652 г., как показало их изучение распадаются на первую и вторую редакции /об их различиях см. ниже/.

Первая редакция представлена десятью списками:

ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина /далее – ГПБ/, собрание П. П. Вяземского, Q. 206. Рукопись без начала, 4^о, 174 + 1 л., мелкий полуустав второй половины ХУП в.

Водяной знак - Гераклитов А.А., Филиграния ХУП в. на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963, № II94 /1674 г./. Л.В.Черепнин отмечает, что этот "летописец", как и описываемые ниже из собрания Н.П.Лихачева /Архив ЛОИИ/ и А.Д.Черткова /ОР ГИМ/, аналогичен рукописи ГПБ F.IV. 297.⁸ Текстологическое сопоставление, однако, показывает, что последний список, как и два других, указываемых автором, имеют значительные отличия и относятся к другой редакции свода, о чем будет сказано ниже.

ГПБ, собрание М.П.Погодина, № I406. Рукопись 4⁰, I + III + 380 + IV - VI л., мелкий полуустав конца ХУП в. Водяной знак - CHURCHILL W.A WATERMARKS IN HOLLAND, ENGLAND, FRANCE ETC. IN THE XVII AND XVIII CENTURIES AND THEIR INTERCONNECTION. AMSTERDAM, 1935, № 395 / 1684 г./. На полях мелкой скорописью ХУШ-ХІХ вв. двумя почерками сделаны многочисленные пометы и комментарии. Очевидно, именно из этого "сборника из собрания Погодина в мелкую четверку" И.Д.Беляев взял для публикации два отрывка, посвященные Стоглаву и характеристике Бориса Годунова⁹ /в тексте это соответственно - лл. I39 - I39об., 223-224/.

ГПБ, Q . IV. I39. Сборник исторического содержания, в котором текст свода занимает лл.63-410, 4⁰, 410 + I - II л., полуустав конца ХУП - начала ХУШ в. Водяные знаки - Клепиков С.А. Бумага с филигранью "Герб города Амстердама" - в кн.: Записки отдела Рукописей Государственной Библиотеки СССР им. Ленина /далее - ЗОР ГБЛ/, вып. 20 М., 1958, № I59 /1697-1709 гг./, Клепиков С:А. Филиграния и штемпели на бумаге русского и иностранного производства ХУП-ХХ веков. М., 1959 /далее - Клепиков I/, № 943 / 1691-1711 гг./ По лл. I-4 скорописная запись:

"Князя Дмитрия Михайловича Голицына"; на внутренней стороне переплета - ярлык библиотеки Ф.А.Толстого.

Этот "летописец", содержащий текст "Повести об осаде Стефаном Баторием града Пскова", был известен М.Н. Карамзину, как хранящийся в собрании Толстого под № 123.¹⁰

Рукописи Погод. I406 и Q.IV. I39 определены, как списки свода, А.Н.Насоновым.¹¹

Библиотека Академии наук СССР /БАН/, 2I.6.6. Рукопись I⁰, I - II + 227 л., скоропись и полуустав первой половины ХУШ в. Водяной знак - Клепиков I, № II9 /I730-I734 гг./, № I20 / I732-I734 гг./ . Происходит из собрания Ф.А.Плигина. Совпадение заглавия "летописца" и свода I652 г. отмечено составителями описания рукописного собрания БАН.¹²

Архив ЛОИИ, коллекция Н.П.Лихачева, № 92, 4⁰, 205л., полуустав, переходящий в скоропись второй половины ХУШ в. Водяной знак - Клепиков С.А. Филиграния на бумаге русского производства ХУШ - начала ХХ века. М., I978 /далее - Клепиков 2/, № 830 /I784 г./.

Рукописный отдел Государственной библиотеки им.Ленина /далее - РО ГБЛ/, собрание Т.Ф.Большакова, № 423.¹³ Рукопись 4⁰, 342 лл., полуустав конца ХУП в. Водяные знаки - Клепиков. Бумага с филигранью "голова шута" /FOOLSCAP /. - ЗОР ГБЛ, вып.20, М., I958, № 77 /I666-I694 гг./; Клепиков. Филиграния и штемпели..., № 94I /I697 г./, № 943 / I697-I7II гг./.

РО ГБЛ, Музейное собр., № 9476. Рукопись I⁰, 243 лл., скоропись ХУШ в. Водяные знаки - Клепиков С.А., Кукушкина М.В. Филигрань "PRO PATRIA" на бумаге русского и иностранного производства. - В кн.: "Сборник статей и материалов Библиотеки Академии наук СССР по книговеде-

нию." Л., 1965, № 653 /з 1778 г./, Клепиков I, № 1262 /30-е гг. XVIII в./ . Летописный текст обрывается на главе "О войне и о миру".¹⁴

Отдел рукописей Государственного исторического музея /далее - ОР ГИМ/, собрание А.С.Уварова, № 543¹⁵. Рукопись I⁰, 196 л., скорописью первой половины XVIII в. Водяные знаки - Клепиков I, № 655 / 1734-1736 гг./ . К тексту свода, занимающему лл. I-178, добавлены летописные статьи за вторую половину XVII в.: лл. 178-181 - "Царство царя Алексея Михайловича", лл. 181-182 - "О Коломенском бунте", лл. 182-184 - статья о Степане Разине и т. д. Последняя - лл. 192-192об. "О дву царех на Российском царствии и о первом бунте от стрелцов".

Списки Больш. 423, Увар. 543 и Муз. 9476 указаны А. Н.Насоновым.¹⁶

ОР ГИМ, собрание А.Д.Черткова, № 272. Рукопись 4⁰, 493 л., полуустав первой половины XVIII в. Водяной знак - Клепиков 2, № 673 /1738 г./ . Привлекался Л.В.Черепниным, М.Н.Тихомиров охарактеризовал рукопись как "краткий летописец с Новым летописцем".¹⁷

В собрании МГАМИД ЦГАДА хранится копия свода 1652г., изготовленная для библиотеки А.П.Волянского в 1736 г.¹⁸ Протограф ее относился к первой редакции. Рукопись I⁰, I + 188 л., лл. 189-190 чистые. Рукопись имеет заглавие: "Летопись Великия России, продолжающаяся по 1652 г."

Перечисленные списки свода составляют самую многочисленную группу, восходящую, очевидно, к первоначальной редакции, но не все они равнозначны с точки зрения текстологической.

Лучшие по сохранности и одни из самых ранних списков - Пог. 1406 и Больш. 423. Обе рукописи дают полный

текст и имеют общие характерные признаки, позволяющие отнести их к самым ранним. Оба списка сохранили в своем тексте ссылки на летописные источники свода, сделанные его составителем на полях общего протографа указанных списков: "Летописец киевской пер..." /Больш.423 - л.1, Пог.1406 - л.1/, "зри гранограф" /Больш. 423 - л. 4, Пог. 1406 - л.5/, "летописец" /Больш. 423 - л.5, Пог. 1406 - л.5 об./ и др. В большинстве других списков, а они в среднем на 50 лет позже этих, подобные указания при переписывании, как правило, опускались или иногда вносились в текст в качестве заглавий статей /пример последнего: Q .IY,139 - л.68/. Присутствуют в обоих текстах и общие описки: в статье под 6475 г. о приходе печенегов под Киев повторена общая ошибка - "затил" вместо "защитил" /Больш. 423 - л.13, Пог.1406 - л.16, "щи" дописано на полях/; под 6847 г. в статье, повествующей о набеге Товлубия "ратию с татары под Смоленск" воеводой русских войск назван не Константин ростовский, а "Костян ростовский" /Больш.423 - л.60, Пог.1406 - л.73/. В других списках эти ошибки исправлены. Оба списка сохраняют комментарии, записанные переписчиком протографа на полях некоторых статей: напр., в начальной части свода к фразе "новгородцы же после началнаго их князя Гостомысла многое время посадниками земля их правяшеся" добавлено "страна" /Больш.423 - л.9, Пог.1406 - л. II/; в статье под 6641 г. о княжении Всеволода-Гавриила Мстиславича в Новгороде конечная фраза "и оружие его и щит поставиша на гробе" уточнена комментарием на полях: "положи" /Больш.423 - л.34, Пог. 1406 - л.41/; в статье под 6677 г. "О знамени пресвятыя богородицы иже в Великом Новеграде" к фразе "и начаша... секуще мечи, яко сопротивных зряще" на полях обоих списков дописано "мня-

ше" /Больш. 423 - л.4Юб., Пог. I406 - л.49об./ и т.п. Большинство других списков, сохраняя летописный текст, эти комментарии утрачивают.

Оба списка свода имеют незначительные пропуски в тексте относительно друг друга: например, Пог. I406 на л.7об., как и другие списки свода, после слов "невегласи боги их нарицаху" имеет продолжение фразы: "тогда за то свое и пчелы им налезоса", пропущенное в Больш. 423; пропущен в последнем списке и комментарий на полях: "причтом" к словам "и шед со всем собором в великую церковь соборную" /л.76/ в статье о митрополите Алексее. Есть и примеры разночтений: сумму, розданную митрополитом Феогностом в Орде "суровишпим татаром", Больш. 423 определяет в "65 рублей" /л.6Юб./, Пог. I406 - в 60 /л.74об./; целью похода Владимира в статье под 6622 г. Больш. 423 называет "Африкию" /л.3Юб./, Пог. I406 - "Афракию" /л.38/.

Не только идентичность летописных текстов, но и совпадение таких восходящих к старейшему списку деталей, как комментарии и сноски составителя протографа, заставляют считать эти списки лучшими не только хронологически, но и текстологически. Остальные списки первой редакции имеют те или иные потери в тексте.

В рукописи Вяз. Q. 206 - самой ранней из всех списков свода 1652 г. - отсутствует первая тетрадь, и летописный текст начинается последней строкой статьи за 6480 г. о походе Святослава на Византию и его смерти. С л.162 по л.168об. не вписаны названия статей - под них оставлены чистые места. Совсем выпущены имеющиеся в других списках свода записи о событиях с 7137 г. /"...бысть вихорь велик и дождь и гром..."/ по 7143 г. - о возвращении князя С.М.Львова "из Литвы с посольст-

ва"с телом царя Василия Шуйского, а также статья под 7117 г. об осаде поляками Москвы и отрядами Сапеги Троицкого монастыря. Переписчиком опущены и ссылки на источники, но комментарии на полях кое-где сохраняются /напр., л.17/.

Многие чтения сближают Вяз. Q .206 с Пог. I406 /напр, л.29об - "60 рублей", в заглавии статьи под 6677 г. "О знамени пресвятыя богородицы, иже в Великом Новеграде" в обоих списках слово "Великом" пропущено и т.п./. В то же время в этом списке встречаются, и довольно часто, чтения более правильные, чем в Больш. 423, Пог. I406 и других. Напр., только в Вяз. Q .206 отцом Владимира правильно назван Святослав /л.2/; в остальных списках - Ярослав; Мамай после Куликовской битвы бежит в Кафу /л.35/, а не в "Кифу", как в списках Больш. 423 и Пог. I406. Количество примеров можно было бы умножить.

Таким образом, имея текстовые пробелы, список Вяз. Q .206 интересен тем, что будучи самым ранним по времени, сохраняет более правильные чтения, характерные для первоначального текста летописного свода. Другие списки свода 1652 г. первой редакции восходят к перечисленным трем. Список Чертк. 272 сближается со списком Вяз. Q .206 некоторыми чтениями /л.114об. - "Кафа"/ и Пог. I406 /л.54об. - пропуск слова "Великий" в заглавии статьи 6677 г./, но в то же время единственный из всех нижеприведенных имеет написание "Фракия" /л.41об./, "Кольчов" /л.186 и сл./. Последнее, впрочем, может быть и результатом модернизации текста, как напр., и чтение "Переславль Российской" /л.40/, а не "Руской", как в других списках. Единственная лакуна в тексте Чертк.272 - известие под 7027 г. о строительстве тульского кремля.

Списки Муз. 9476 и Увар. 543 восходят к общему протографу - списку свода с многочисленными текстовыми погрешностями: "вяти и хорвати" /Муз. 9476 - л.8об., Увар. 543 - л.6/ вместо "вятичи и хорвати", "окаянным" назван не Святополк, а Святослав / Муз. 9476 - л.20, Увар. 543 - л.14/, житие Иоанна Новгородского помещено под 6674 г. /Муз. 9476 - л.33, Увар. 543 - л.26/, в то время, как в других списках - под 6694 г. и т.п.

С рукописи, подобной Муз. 9476 и Увар. 543, была сделана копия для библиотеки А.П.Волынского /ЦГАДА/, повторяющая все погрешности текста протографа /"вяти и хорвати" - л.7, "Окаянный же Святослав..." - л.15об. и др./.

Список свода БАН 2I.6.6. имеет общие чтения с вышеприведенными тремя, но это не результат, как в предыдущем случае, ошибок одного писца и слепого копирования испорченного текста другим, а совпадение чтений заглавий статей: л.132 - "О граде и меженина тож, како мороз хлеб побил" / другие списки - "О гладе тож и меженина..." /; л. 284 - "О измене дорогобужской и о помете Вяземском" /другие списки - "...Вяземской"/; л. 207 - "О послании под Смоленск князя Дмитрия Пожарского" /другие списки и Новый летописец - "Вяземского"/. Очевидно, список, подобный 2I.6.6, лежал в основе этой "испорченной" группы списков, представляя собой промежуточное звено между ними и группой первоначальных полных списков типа Пог. 1406 и Больш. 423.

В "летописце" Q . . IV. 139 переписчиком выпущено около 60 статей свода и почти наполовину сокращено житие митрополита Филиппа. Последняя статья обрывается на полуслове: "Король же, срамом своим покрывая, поиде..." /статья "О пошестве с иконами в Кремль воевод

и всех людей" /. Выборка проводилась безо всякой видимой системы.

Такого же типа неполный текст свода первой редакции был использован составителем рукописи ГПБ, собр. С.Н.Быстрова, № 3. ¹⁹ "Летописец" 4⁰, 374 л., крупный полуустав первой половины ХУШ в., без конца. Водяные знаки - Клепиков 2, № 1354 /1728 г./, № 1093 /1742г./, № 675 /1738 г./ № 13 / 1736 г./. Сокращенный текст свода был дополнен главами "Синописа" /Киев, 1680 /, из него же скопирован и титульный лист. Переписчик вставлял главы "Синописа" в хронологически соответствующие места летописного текста /напр., л.1-18 соответствует сс.1-18 "Синописа", л.26-34 - сс.18-28 и т.д./ иногда просто заменяя ими соответствующие разделы свода /напр., л.134-181 соответствует сс.124-176 "Синописа"; повествующим о Куликовской битве; опущенный оригинальный текст свода гораздо лаконичнее/. Имеют место и просто пропуски статей, частично совпадающие с соответствующими лакунами Q .IV.139, напр., статья под 6812 г. о смерти великого князя Андрея Александровича, под 6815 г. о поставлении митрополита Петра, 6844 г. о постройке деревянного московского Кремля и мн.др.

Список Лих.92 не имеет никаких потерь в тексте относительно лучших списков и сближается некоторыми чтениями с Больш. 423 - в тексте обоих московский князь Василий Дмитриевич назван ошибочно правнуком, а не праправнуком Даниила Александровича /Лих. 92 - л.62об., Больш. 423 - л.78об./. Кроме того, в тексте сохранились ссылки на источники - "гранограф" /л.5об./ и Степенную книгу /л.49/. По сравнению с другими списками свода 1652 г. первой редакции Лих. 92 имеет одно мелкое дополнение - даны отсутствующие в других списках загла-

вия двум статьям: "О Святославе" /л. I2об./ и следующей за ней "О смерти Святослава" /л. I4/. Очевидно, список типа Лих.92 лег в основу списков Свода второй редакции, одной из отличительных черт которой является наличие этих заглавий.

Вторая редакция Свода I652 г. представлена тремя списками:

ГПБ, Q . IV. 474. Рукопись 4⁰, I - II + 368 + III - IV лл., скорописью первой половины XVIII в.²⁰ На л. I в рамке вписан текст: "Именнагося AZOWSKOI ARTILERSKOI KOMANDE DOMINE PORUTSIKUM KORNILIJUM BONDANIBI PORECLU BORAZDINE SCRIPCIO в бытность его в городе Касимове. А списано из древняго летописца I737 года в месяце августе". Переписавший летопись поруччик К.Б.Бороздин - будущий генерал-аншеф артиллерии, герой Семилетней войны и автор теоретических трудов по военному делу.²¹

ГПБ, F .IV.297, Рукопись I⁰, 203 лл., полуустав второй половины XVIII в. Водяной знак - Клепиков 2, № 235 /I765 г./ . Л. 5 украшен заставкой с изображением Саваофа в картуше.

Кроме полного текстового совпадения, характеризующего списки Бороздинский и F.IV.297, их сближает еще одна характерная особенность: к общему для обеих редакций свода заглавию летописи "Книга, глаголемая летописец великая земли Российския великаго словенскаго языка, отколи и в кои лета начаша быти великия князи и цари и когда крещение прият Руская земля", у этих списков летописный текст предваряет идущее следом второе заглавие, представляющее собой расширение первого путем вставки двух фраз: после слов "великия князи и цари" - "и мудрыя и святыя мужи"; после конечных слов "Руская земля"

- "А списано из древняго летописца". Наличие двух повторяющихся одинаковых заглавий указывает на особенность общего протографа "летописцев", имевшего в отличие от остальных списков обоих редакций, два заглавия.

РО ГБЛ, собр. ОИДР, № 128²². Рукопись I⁰, 222 л., скоропись первой половины ХУШ в. Водяной знак - Клепиков С.А., Герб города Амстердама..., № 136 / 1739 г./ . Очевидно, именно эта рукопись с заглавием, совпадающим с заглавием свода 1652 г., в I⁰, была подарена библиотеке ОИДР в 1824 г. его председателем А.А.Писаревым.²³

Текст второй редакции изобилует множеством мелких разночтений, вставок и модернизаций. Напр., в перечислении племен, населяющих русские земли, к "весь" добавлено "Егонская" /Бороздин. л.9, F.IV.297 - л.6 об./, Рогволд назван "князем литовским" /Бороздин - л.19 об.,

F.IV,297 - л.12об./, к словам статьи под 6847 г. "сей первый святитель Петр" добавлено "был в Москве" /Бороздин - л.71, F.IV.297 - л.40/ и т.п. Некоторые статьи, входившие в первую редакцию, выпущены: под 6677 г. - "О знамени пресвятыя богородицы, иже в Великом Новеграде", житие Иоанна Новгородского, под 6683 г. об убийстве Андрея Боголюбского "от бояр своих Кучковичов", под 6804 г., о вокняжении в Москве Даниила Александровича. Полностью во второй редакции опущены "Повесть Симеона Суздальского о осмом соборе" и "Сказание о церкви Благовещения пресвятыя богородицы, создана в Римской области". Если в части свода, посвященной событиям конца ХVI - начала ХУШ вв., записи первой редакции весьма подчас подробны, то в том же разделе второй редакции отсутствуют статьи под 7092 г. о приходе "из Риму посла от папы о вере" и "О войне казанских татар" и некоторые другие. В то же время списки второй редакции сохранили целиком

текст статьи "О начале Киевском и о граде" – после слов "а другии на Полоте, еже есть полочане, кривичи..." следует: "еже есть ростовцы, свое княжение, смоляне, еже сидят вверх по Днепру, свое княжение, на Белезере сидят и ту свое княжение имеяху, на Клещине езере мережа, бужане по Бугу реце, владельца промежду себе имеяху, последи же волыняне именовашася. А по Оке, идеже пошла в Волгу, еже есть под Нижним Новымгород..." /Бороздин. – л.12, F.IV.297 – л.9/. Этот отрывок отсутствует во всех списках первой редакции.

Во вторую редакцию составители включили житие Андрея Боголюбского и две повести о начале Москвы – "Сказание о создании царствующего града Москвы, како исперва зачася" и "Ино сказание о зачале царствующего града Москвы. Выписано из Степенная родословная книги сице" /Бороздин. – лл.43–48, F.IV.297 – лл. 21об.–27/.²⁴

Составителями второй редакции были включены новые сведения в житие митрополита Филиппа – в ту его часть, которая посвящена жизни Филиппа в Соловецком монастыре. Согласно спискам первой редакции, Филипп, собрав воду источников, "под монастырь сотвори теши и от езера воду внутрь киновии приведе, толчи же и молоти, к покою братскому сотвори" /Больш. 423 – л.123–123 об., Пог. 1406 – л.143/. Вторая редакция сообщает, что "под монастырь приведе в езеро, рекомое Святое, и сквозь монастырь теши сотвори. И в монастыре внутри мелницу каменную устрои, четыре онасти безпрестани молоти, сотвори на обитель. И толчел овес толкут" /Бороздин. – л.118, F. IV.297 – лл.69об. – 70/.

Характерным признаком второй редакции свода 1652г. является добавление, сделанное в конечной статье – "О послании на Соловки мощей ради Филиппа митрополита" :

"И поставиша /мощи - А.Л./ первее за посадом, идеже ныне Филипов крест". Это указание позволило Л.В.Черепнину отнести время составления "летописцев", имеющих эту фразу, к 60-м гг. ХУП в.²⁵, поскольку Филипов крест упоминается впервые в росписях царских выходов в 1660г.²⁶

Существует, однако, полный текст Повести о перенесении мощей митрополита Филиппа, к которому восходят как конечные статьи свода 1652 г. обеих редакций, так и аналогичные статьи других летописей,²⁷ а также текст печатного Пролога под 9 июля.²⁸ Повесть включена в полном виде в летописный сборник собрания БАН, Тек. пост. № II76, лл. I35об.- I37.²⁹ Повествование отличается множеством подробностей, не включенных в летописные и проложную статьи и обличающих в авторе участника "посольства" на Соловки 1652 г. Так, в Повести говорится, что "государь же царь послал... раку серебряну зело предивну... Ладья же, на ней бысть дьяк Гаврило Левонтиев, тут же была и рака серебряная, не в е м, разбило ту ладью, и людие вои и рака потопли, не в е м, живы, куду /так - А.Л./ в незнаемыя страны или в пучину морскую занесло, про них же никто донныне не уведа. Митрополит же и боярин много пожда их и, егда утишися море от волнения, посылаху всюду по брегом и по островом смотрити, любо где телеса мертвыя или ино что от ведомых им явится. И ни что же обретше". На л. I37 анонимный свидетель тяжелого путешествия отмечает, что мощи Филиппа были встречены за две версты от Москвы, "и ту смоле бство в а в и поставиша на том месте крест". Итак, крест появился под Москвой у с. Напрудного сразу же в 1652 г., а не восемь лет спустя. Поэтому датировка указанных трех "летописцев" второй редакции свода 1652 г. и, добавим, "Повести о многих

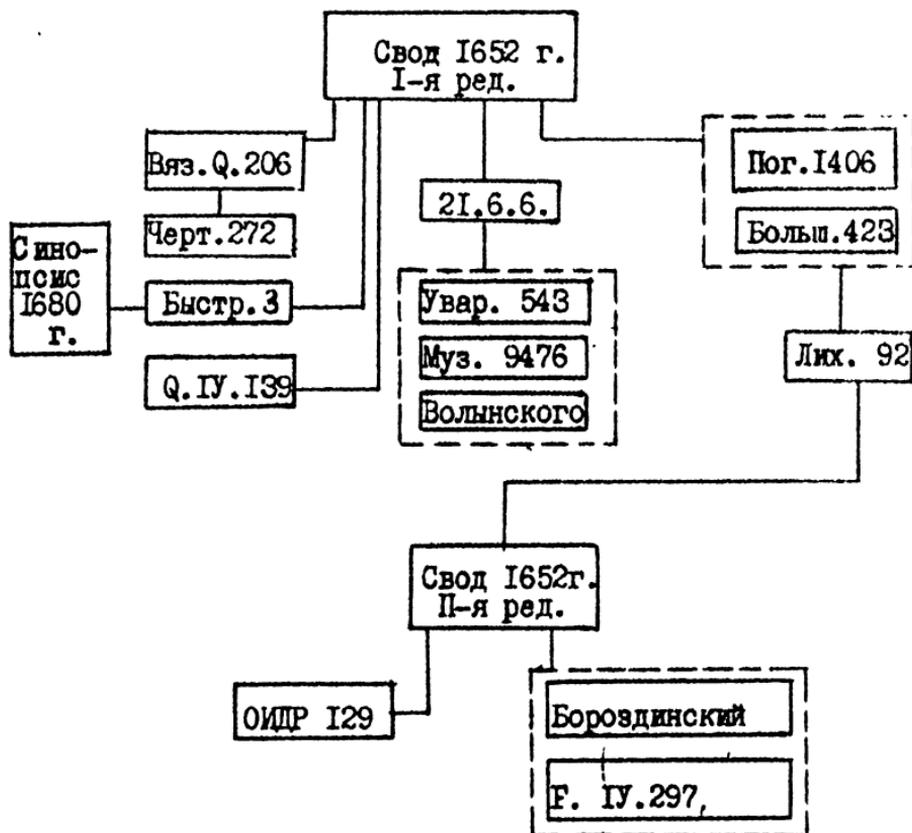
мятежах", ибо Л.В.Черепнин именно к ней относит сведения по "смутному времени" в составе этих летописей, на этом основании отпадает.

Все списки второй редакции имеют общую характерную опisku, указывающую на рязанского патриота: в статье под 6586 г. говорится, что при великом князе Всеволоде Ярославиче "заложен град Переславль Рязанский каменной" /Бороздин.- л.32об., F .IV.297 - л.19, ОИДР 128 - л. 16об./ . Во всех списках первой редакции справедливо фигурирует "Переславль Руской". Если также вспомнить, что список Бороздина был сделан в Касимове, тогда Рязань становится реальным местом появления второй редакции свода. Естественнее всего искать ее автора в церковных кругах. Архиепископскую кафедру в Рязани между 1651 и 1655 гг. занимал Мисаил.³⁰ "Келейный летописец" Никона - источник сведений Новгородской Забелинской летописи за 1646-1658 гг. - отмечает, что Мисаил "взят из рязничих Никона митрополита. И там /в Рязани - А.Л./ его застрелил из лука тотарин".³¹ Мисаил, как лицо, близкое Никону, мог иметь составленный в патриарших кругах свод и уже в Рязани снабдить его отмеченными выше новыми материалами и переработать. Время составления второй редакции указать затруднительно, но, как отмечалось выше, основу ее составил список, близкий Лих. 92; последний же после конечной статьи имеет дополнение - предисловие к Служебнику, изданному в Москве в 1655 г.: "Сказание о еже како исправися сия божественная книга Служебник с древних греческих книг святыя Афонския и протчих харатейных славенских" /л.201-205/. Таким образом, время появления второй редакции предположительно можно отнести не ранее, чем к 1655 г.

Для всех списков обеих редакций необходимо отметить

достаточную устойчивость летописного текста, особенно раздела, повествующего о событиях "смутного времени", что значительно облегчает поиск источников летописного текста свода 1652 г.

СХЕМА ВЗАИМОТНОШЕНИЯ СПИСКОВ И РЕДАКЦИЙ
СВОДА 1652 г.

Примечания:

1. Насонов А.Н. Летописные памятники хранилищ Москвы /новые материалы/. - "Проблемы источниковедения", IV, М., 1955, с. 268-271; его же. История русского летописания XI - начало XIII века. М., 1969, с.483 и сл.
2. Лаврентьев А.В. К вопросу о списках свода 1652 г. в связи с историей его создания. - В сб. "Проблемы источниковедения и историографии истории СССР дооктябрьского периода" /в печати/.
3. Насонов А.Н. Материалы и исследования по истории русского летописания. - "Проблемы источниковедения", VI. М.-Л., 1958, с.261.
4. Черепнин Л.В. "Смута" и историография XVII века./Из истории древнерусского летописания/. - Исторические записки, т.14, М., 1945, с.112 и сл.
5. Малышев В.И. Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков. М.-Л., 1952, с.126, При издании списки не использованы.
6. См.: Буганов В.И. Краткий московский летописец конца XVII века из Ивановского областного краеведческого музея. - "Летописи и хроники", М., 1976, с. 283; Корецкий В.И. О приемах выявления и описания кратких летописцев и рукописных хранилищах страны. - Всесоюзная конференция "Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности". Тезисы докладов. Л., 1979, с. 23-25.
7. Описание рукописей кн. П.П.Вяземского. СПб., 1902 /ПДП, СХІХ/, с.385.
8. Черепнин Л.В. "Смута" и историография..., с.112.
9. Беляев И. Две выписки из летописного сборника. - В кн.: Калачов Н. Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М., 1850, кн.І, отд.VI, с.30-32.
10. Карамзин М.Н. История государства Российского. СПб., 1821, т. IX, с.204 /прим. 567/.
11. Насонов А.Н. Материалы и исследования, с.261.
12. Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук, т.3, в. I. М.-Л., 1959, с.382-387.
13. Георгиевский Г.П. Рукописи Т.Ф. Большакова, хранящиеся в Императорском Московском и Румянцевском му-

зев. Пгр., 1915, с.364.

14. Ср. ПСРЛ, т.14. М., 1865, с.147.
15. Леонид. Систематическое описание славяно-русских рукописей графа А.С.Уварова. М., 1894, ч.3, с. 83.
16. Насонов А.Н. Летописные памятники хранилищ Москвы, с. 268-269.
17. Тихомиров М.Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1966, с. 51 /№ 44/.
18. Иконников В.С. Опыт русской историографии. Киев, 1908, т.2, кн.2, с.1253-1254.
19. ГПБ им. Салтыкова-Щедрина. Новые поступления в отдел рукописей за 1957-1956 гг. /каталог/. Сост. А.Н. Михалева. Л., 1960, с.27.
20. См. Отчет Императорской публичной библиотеки за 1907 г. СПб., 1914, с.89-90.
21. Русский библиографический словарь. СПб., 1908. Бетанкур-Бякстер, с. 279.
22. Строев П.М. Библиотека Императорского общества истории и древностей Российских в Москве. М., 1845, с. 47.
23. Записки и труды ОИДР, ч.II, М., 1824, с.49, прим.
24. Повести о начале Москвы. Исследование и подготовка текста М.А. Салминой. М.-Л., 1964, с.187-189, 248 - 250.
25. Черепнин Л.В. "Смута" и историография..., с.112. Как уже отмечалось, характерные черты второй редакции свода имеют только три вышеприведенных из шести перечисленных в статье списков.
26. Строев П.М. Выходы государей царей и великих князей Михаила Феодоровича, Алексея Михайловича и Феодора Алексеевича всея Руси самодержцев /о 1632 по 1682 год/. М., 1844, с.341, указ., с.44.
27. Например, в Мазуринском летописце. - ПСРЛ, т.31, М.-Л., 1968, с. 169; в Новгородской Забелинской летописи - Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979, с. 290-291.
28. Пролог. М., 1659-1660, ч.4, лл. 1323-1326.

29. Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук. т.3, вып.2, Л., 1971, с.54-55.
30. Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877, стр. 415.
31. Тихомиров М.Н. Новгородский хронограф XVII века. - В кн.: Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979, с. 292.

О ДОСТОВЕРНОСТИ МОНАСТЫРСКИХ ПРИХОДО- РАСХОДНЫХ КНИГ ХУП ВЕКА

Центральным вопросом изучения исторических источников является определение достоверности содержащихся в них сведений. Чрезвычайно важно рассмотреть эту проблему в отношении монастырских приходо-расходных /пр.-р./ книг, т.к. изучение историографии показывает, что большинство исследователей при использовании этого источника принимают его сведения за эталон достоверности. Особенно наглядно это проявляется, когда данные пр.-р. книг сравниваются с другими разновидностями исторических источников.

Напр., рассматривая товарное производство и торговлю Троицко-Гледенского монастыря, Г.Н. Лохтева, в частности, сопоставила данные пр.-р. книг казначеев монастырской холмогорской службы и таможенных книг Устюга Великого и Устюжского уезда. Оказалось, что монастырские источники, как правило, дают более полные сведения. Но в трех случаях количество товаров, зарегистрированное таможей, больше, чем было продано по монастырским книгам. Автор, принимая достоверность сведений пр.-р. книг как само собой разумеющееся, объясняет это несовпадение особенностью составления таможенных книг,

в которых сразу фиксировался привезенный товар, независимо от того, был ли он продан в этом году или нет, а в пр.-р. книгах имелся в виду только проданный.¹ В качестве критерия достоверности пр.-р. книги использовались и при изучении порядных записей. В этом случае получалось, что /по пр.-р. книгам/ монастырским половникам платили "подможных" денег в несколько раз меньше, чем следовало по порядной,² хотя нельзя исключить возможности того, что имеющиеся в руках исследователей как правило, разрозненные пр.-р. книги не дают достаточно полных сведений и, в этом смысле, сами являются недостоверным источником. В исследованиях, которые строятся, в основном, только на анализе содержания монастырских пр.-р. книг, достоверность их сведений также не вызывала сомнений у историков и проверке не подвергалась.³ Правда, отмечается, что при подсчете итогов монастырскими приказчиками допускались неточности,⁴ что даты "зачастую" обозначали не время совершения сделки, а время занесения записи в книгу; в черновых вариантах монастырских книг имеются зачеркнутые записи, которые в беловик не входили.⁵

В данной работе делается попытка найти пути определения степени достоверности монастырских пр.-р. книг.

В литературе уже отмечалось, что наряду с беловиками существовали и частично дошли до нас черновые варианты пр.-р. книг, которые имеют самостоятельную научную ценность. Изучение документов монастырских фондов показывает, что составление пр.-р. книг проходило не один, а несколько этапов. Их отражением являются дошедшие до нас черновые варианты, которые условно можно разделить на первичные записи и собственно черновики. Иногда имеется по несколько черновиков одной и

той же пр.-р. книги. Бывают случаи, когда беловики имеют, кроме черновиков, еще и копии или включаются в другие пр.-р. книги, как их составная часть. Если не принимать во внимание копии и подобные им варианты, то все существующие пр.-р. книги можно условно разделить на первичные записи, собственно черновики и беловики. Рассматривая вопрос о достоверности, необходимо в первую очередь проследить изменение содержания пр.-р. книг в процессе их составления. Хотя до нас дошло значительное число черновых вариантов /около 60 в документах Соловецкого, более 30 - Крестного и столько же - Николо-Корельского монастырей/, но они, как правило, представляют собой лишь последний этап в подготовке беловика, т.е. являются, по нашей терминологии, собственно черновиками. Кроме того, плохая сохранность, неполнота или отсутствие соответствующего им беловика зачастую не позволяют провести сравнение нескольких вариантов.

Единственную, по сути, возможность хотя бы немного проникнуть в "лабораторию" монастырского приказчика дают пр.-р. книги новинской службы. Имеется четыре варианта этих книг 1667-1669 гг. Первый черновой вариант /черновик I или "первичные записи"/ расходной книги с 16 декабря 1668 г. до 29 июля 1669 г. /по-видимому, без конца/ является наиболее ранним, хотя и это вряд ли действительно первичные записи, т.к. весь текст написан одним почерком и чернилами одновременно.⁶ Следующий за ним по времени составления собственно черновик /черновик II/ - приходные и расходные книги с 28 июня 1667 г. по 9 августа 1669 г.⁷ Третий вариант - беловик пр.-р. книг с 28 июня 1667 г. по 9 августа 1669 г., но без записи о счете и подписей.⁸ Четвертым вариантом можно назвать приход и расход новинской службы, содержа-

щиеся в пр.-р. книгах вологодского приказчика, которому она была подчинена.⁹ Генетически связанные, эти варианты позволяют проследить процесс составления пр.-р. книг, который в общих чертах характерен и для их создания в целом.

Свое рассмотрение мы начнем "сверху", сравнением вологодских пр.-р. книги и беловика /расход 1668/69 г.¹⁰ Общий итог расхода в обоих источниках одинаков, хотя в II-ой статье вологодской книги стоимость на 0,03 руб. больше, чем в соответствующей статье беловика / возможно, это - описка/. Но если в беловике текст разбит на 29 статей, то в вологодской книге их только 21. Сокращение объясняется тем, что 10 статей были объединены в две сводные. Нарушен и порядок статей. Достаточно сказать, что I-я статья беловика в вологодской книге стала 4-ой. Какую-либо закономерность в перестановке статей найти трудно. Возможно, составители хотели сначала записать расходы церковного характера - на молебен и восковые свечи, потом - на покупку одежды, обуви и хозяйственного инвентаря, найм и т.д. Но такая схема до конца не выдержана. Общие итоги и основное содержание новинской расходной книги при переносе ее в вологодскую сохранялись.

Теперь сравним беловик расходной книги 1668/69 г. с черновиком П.¹¹

Первые восемь статей, по существу, идентичны. Имеются различия лишь в редакциях отдельных статей. Напр., в первой статье черновика П записано: "Купил сукна черного на 8 алтын 2 д.", далее приписано той же рукой: "себе на ряску".¹² А в чистовике эта статья имеет такой вид: "Купил себе на ряску сукна черного на 8 алтын 2 д."¹³ Подобную редакторскую правку имеет большинство

статей. Эти случаи мы рассматривать не будем, а обратим основное внимание на изменения в цифровых данных:

№ статьи	Черновик П	№ статьи	Беловик
8	"Купил себе шубу, две китайки мерою 20 аршин, дано рубль ^{I3} алт. 2 д." ^{I4}		этой статьи нет
I3	4 алт. 4 д. ^{I5}	I2	4 алт. 4 д.
I4	23 алт. 8 д. ^{I6}	I3	23 алт. 3 д.

До 7-й статьи шли в одинаковом порядке, затем произошло смешение на I статью из-за того, что в Беловике не стало ст. 8, которая была зачеркнута в черновике П; с I5 статьи порядок еще более нарушается. Вот как выглядит структура расположения статей:

Черновик П	Беловик
Статья I5 соответствует	статья I8
- " - I6 - "	- " - I9
- " - I7 зачеркнута	- этой статьи нет
/службе Игнатию куплен полукафтан за I руб./	
- " - I8 - зачеркнута	- этой статьи нет
/куплено 2 лукошка за 5 алт. 2 д./	
- " - I9 - соответствует	статья I4
- " - 20 - "	- " - I5
- " - 21 - "	- " - I6
- " - 22 - "	- " - I7
- " - 23 - "	- " - 20

Дальше статьи идут по порядку.

Таким образом, как видно из схемы, при переписке из черновика II в беловик нарушался порядок расположения статей. Еще более существенно то обстоятельство, что в черновике II есть три зачеркнутых статьи, которые вообще не вошли в беловик. Кроме того, еще в трех статьях уменьшена цена / черновик II, статьи 13, 14, 30/.

Но черновик II не был первичной записью расхода. Более ранние сведения имеются в черновике I этой расходной книги.¹⁷ Внешнее отличие от рассмотренных выше книг заключается в том, что несколько статей в нем датировано, расположены они в строго хронологическом порядке. Кроме того, если в вологодской книге была 21 статья, в беловике 29 статей, в черновике II – 33 /считая и зачеркнутые/, то в черновике I их – 58. Сравнив текст беловика 1668/69 г. с черновиком I, мы увидим, что многие статьи черновика I объединены в беловике /и в черновике II/ в несколько сводных статей.

Беловик

Статья 21. "От сенокосу отложено от Манаковы да от Баихи, да от Федоровской, да от Нарьи наемным людям найму дано 6 рублей 3 алт. 2 д." ¹⁸

Черновик I

Статья 7. "Да работным людям коси, что Манаков остров косили, найму на день было рязено на I день по 8 денги, а косили четыре дни, от того им дал рубль. Да десятерым гребцем, сено гребли, дал 3 алт. 2 денги.

Статья 8. Да пожни Баихи коосев наимывал косил и сено во взороды сметать. Да пожню Федора Петровича Строганова Собачю косили 2 человека по четыре дни, найму им на день

ряжено за работу по 4 копейки, Итого им дал 10 алт. 4 денги".

Статья 9. "Да остров Лешевец ставил Иона старец и коссев наймывал 10 человек, а за работу им рядил всякому человеку по восьми денег на день, да гребнам за гребение дал 4 рубли денег, что наймывал в прибавку половникам. А наемные косили и робыли на острову Лешевце 2 недели, а в неделе по осми ден".¹⁹

Здесь несколько подробных записей черновика I сведены в одну краткую запись беловика /то же и в черновике II/. Общая сумма расходов на сенокос в черновике I на 8 коп. меньше, чем в беловике.

В данном случае найти источники сводной статьи беловика труда не составляло - в черновике I они записаны подряд. Но бывают случаи, когда эти статьи разбросаны; иногда даже трудно определить, можно ли их отнести к той или иной сводной статье.

Беловик

Да в дворовом обиходе изощло рыбы семги и палтусины, и трески и всякие просольные рыбы на 6 рублей с полтином.²⁰

Черновик I

Да рыбы купил 2 1/2 пуда, дал 30 алтын; да палтусины купил 2 звена, дал за них 4 алтына; да трески пуд, дал 7 алт. Купил семги рыбы полпуда, дал за семгу 10 алт.; да рыбы щук и окуней своих купил, дал 26 алтын 4 д.

Марта в 20 день новинской службы старец Иона ездил на Устюг Великий для рыбные покупки. Купил палтуса 2 пуда, а за пут дал по 12 алтын, по 2 денги. Итого 24 алтына 4 денги.

/вероятно, можно отнести сюда и такую статью/

Да половник жил на Устюге Чюрка. Хлеба себе и рыбы купил на 3 алт.²¹

Вот, пожалуй, и все статьи черновика I, которые можно отнести к этой сводной статье. Даже включая сюда покупку свежей рыбы и частично хлеба, получим общую сумму только 3,16 руб., тогда как в беловике написано 6,5 руб. Всего в расходе по черновику I было 41 руб. 2 коп., по черновику II /первоначально/ - 43 руб. 63,5 коп., а после исправлений в беловик было перенесено только на 40 руб. 5,5 коп.²²

Попытаемся проследить процесс составления новинских приходных и расходных книг и выяснить, чем руководствовался приказчик, внося изменения в их текст. Наибольшую сложность представляет изучение перехода от первичных записей /черновик I/ к черновику II. Эта сложность заключается в том, что первичные записи не подвергались релактированию, точнее говоря, черновик I не имеет следов редакторской правки. Очевидно, перенос записей в черновик II производился более или менее произвольно, редакторская работа происходила в уме /если не было еще одного переходного варианта/ и никак не отразилась на тексте черновика I. Наоборот, черновик II, непосредственно предшествующий беловику, имеет много различных исп-

равлений и изменений. Поэтому для решения нашей задачи очень важным является выяснение первоначального текста черновика П и последовательность его изменений. Первоначальный текст на первых листах давал в сумме I руб. 58,5 коп.²³ После того, как были внесены исправления основными чернилами, итог стал равен I0 руб. 89,5 коп. /подсчет наш, в книге - I0 руб. 58 коп./. После исправления светлыми чернилами общая сумма уменьшилась до 8 руб. 6 коп. На двух других страницах этой книги²⁴ изменения были сделаны лишь в одной статье - о расходах старца Ионы в Сольвычегодске. Вместо зачеркнутого рубля вписано 94,5 коп. Итог в нижней части листа, не учитывающий это исправление, был зачеркнут. Общий итог, после всех изменений, без учета последней статьи о платежах государственных и земских податей, совпадает с итогом беловика и равен 40 руб. 5,5 коп.

Приход старца Ионы по черновику П составлял за I667 - I669 гг. 4II руб. 68 коп., но одна статья о продаже двух быков была зачеркнута и, таким образом, приход был уменьшен на 3 рубля.²⁵ Беловик прихода был уже равен 408 руб. 68 коп.²⁶ Расход в черновике П первоначально равнялся в I667/68 г. - 266 руб. 8I коп., а в I668/69 г. - I22 руб. 30,5 коп. Общий расход за два года составил, следовательно, 389 руб. II,5 коп. Кроме того, в наличности у приказчика после службы оставалось денег и кабал на 29 руб. 89 коп. Всего получается, что у него по черновику П в расходе было первоначально 4I9 руб. 0,5 коп. Но это на I0 руб. 32,5 коп. больше, чем в приходе. Следовательно, ему было необходимо уменьшить свой расход. За I667/68 г. он уменьшил свой расход на 6 руб. 74,5 коп. Но сделал это не совсем понятным образом. В некоторых статьях есть исправления, увеличивающие

стоимость расходов, в трех статьях стоимость была немного уменьшена. Общий баланс этих исправлений составил увеличение на 74 коп. Непонятно, зачем они были сделаны, т.к. в последней статье о платеже государственных и земских податей 162 руб. были заменены на 154 руб. 51,5 коп. /в беловике/²⁷, и, таким образом, общий расход был уменьшен на 6 руб. 74,5 коп. Очевидно, что если бы приказчик действительно истратил 162 руб. на подати и имел необходимые отписки, то не стал бы уменьшать эту статью расхода.

В отношении расходной книги 1668/69 г. /черновик Ц/ была проделана подобная же операция. Первоначально расход составлял 122 руб. 30,5 коп. /подсчет нап./.²⁸ Приказчик вычеркнул 3 статьи о покупке обуви, сапожных скоб и найме сторожа - всего на 99 коп. Потом, видимо, решив вычеркнуть другие статьи, он вписал теми же чернилами статью о найме сторожа /0,3 руб./. После этого светлыми чернилами были вычеркнуты 3 статьи о покупке одежды себе и слуге /на 2 руб. 40 коп./ и двух лукошек /16 коп./. В двух статьях стоимость была уменьшена на 62,1 коп., еще в одной /ранее совсем зачеркнутой/ вместо 15 коп. было вписано 14 коп. Таким образом, итог был уменьшен на 3 руб. 73 коп., но ему было необходимо уменьшение лишь на 3 руб. 58 коп. Вследствие этого светлыми чернилами, которыми делались последние исправления, были вписаны две статьи о расходах на молебен /10 коп./ и шерстобоям /5 коп./.²⁹

Интересно, что прямой аналогии приписанным статьям в черновике I найти не удалось: шерстобоям, согласно его записям, было заплачено 32 коп.,³⁰ а о молебнах не сказано ничего. С учетом всех исправлений, приказчик уменьшил расход 1668/69 г. ровно на 3 руб. 58 коп., и он составил

теперь 118 руб. 72,5 коп., что позволило приказчику сравнить приход с расходом. Имеющаяся часть черновика I за 1668/69 г. показывает, что общая сумма была там на 2 руб. 61,5 коп. меньше, чем было первоначально в черновике II, но на 96,5 коп. больше, чем стало после исправлений. Можно сделать вывод о том, что черновик II составлялся весьма произвольно. Использование сводных статей позволило даже преувеличить сумму расхода, хотя при этом II статей черновика I туда не вошли /нет никаких аналогий с содержанием статей черновика II/. Естественно, возникает подозрение, что сводные статьи составлялись именно с таким расчетом, чтобы можно было незаметно для итога исключить из книги вполне конкретные покупки. В нашем случае это были, в частности, шуба приказчика и полукафтан для слуги, которые "бесследно" исчезли из черновика II.

Исходя из данных наблюдений, придется признать, что беловик весьма приблизительно отражает деятельность приказчика, перечень закупаемых им товаров и другие затраты. Отсутствует связь между порядком расположения статей в беловике и их хронологией. Из 29 статей беловика лишь в десяти содержание совпадает с данными черновика I, т.е. только 1/3 всех статей является вполне достоверной. Еще 16 статьям можно лишь найти аналогии в черновике /не совпадают количественные показатели статей/. А три статьи совсем не имеют аналогий в черновике I. Не исключена возможность, что в них тоже отражены действительные факты. Но даже если такое предположение верно, оно лишь незначительно увеличивает достоверность беловика.

Вернемся еще раз к вологодским книгам. Было установлено, что расход новинской службы /по беловику/ был пе-

ренесен туда полностью. Приход же претерпел существенные изменения. В вологодские книги записаны только статьи о продажах, всего на 55 руб. 8 коп.³¹ /в беловике эти статьи составили 54 руб. 80 коп./ . А в беловике новинской книги приход составлял 408 руб. 68 коп. Из них 286 руб. 52 коп. было получено из вологодской и устюжской службы, 45,36 руб. передал предыдущий приказчик Тихон, на 22 руб. собрано кабальных долгов, на 39 руб. 80 коп. было продано скота и сена, 15 руб. приказчик получил за проданную деревню.³² Из этого примера вытекает, во-первых, что бюджет новинской службы отражался в вологодских пр.-р. книгах частично. Во-вторых, абсолютно очевидно, что черновики вологодских книг содержали записи о посылаемых в новинскую службу деньгах. Но когда приказчик Иона представил свои пр.-р. книги, эти записи были заменены данными о расходе из его книг. Что касается прихода новинского приказчика, то отсутствие собранных кабальных долгов можно объяснить тем, что в пр.-р. книги Соловецкого монастыря сведения о займе и сборе кабальных долгов обычно не включались. Эта сторона деятельности монастырских приказчиков отражалась в основном в их отводных книгах, где давалась опись всех имеющихся кабал. Новинская служба в этом отношении является исключением. Поэтому вологодский приказчик сведения о сборе кабальных денег в свою книгу не включил, это не считалось действительным доходом.

Выводы, сделанные на основе анализа пр.-р. книг новинской службы, неправомерно распространять на все пр.-р. книги. Новинская служба была отдаленной сельскохозяйственной вотчиной монастыря. Она не имела тех средств и того значения, как соляные промыслы, не говоря уже о центральных или торгово-распределительных службах. По-

этому следовало бы рассмотреть книги каждого типа служб отдельно. Но, к сожалению, черновики этих служб дошло до нас очень мало, а первичных записей нет совсем. Например, книги денежного казначея Гурия 1646–1648 гг. представлены беловиком³³ и черновиком³⁴. Беловик имеет все необходимые атрибуты – счет и подписи игумена, келаря, казначея и других соборных старцев. Написан он одним почерком, без исправлений. Черновик же имеет несколько исправлений.³⁵ Содержание и порядок статей одинаковы в обеих книгах. Но если в черновике итоги за год вписаны в текст другими чернилами /иногда на полях/, то в беловике они написаны одновременно с текстом. Черновик написан мельче /по 4–5 статей на странице/, на 61 листе, а беловик на 81 листе.

Черновик пр.-р. книг казначея Глеба 1669–1670 гг.³⁶ гораздо сильнее отличается от его беловика.³⁷ Есть простая перестановка статей.³⁸ Одна статья в черновике с датой 10 апреля обведена в рамку и записана в августе месяце.³⁹ В беловике эта статья стоит только в августе.⁴⁰ Кроме того, в черновике много непонятных помет на полях в виде крестиков или денежных сумм, которые в беловике никакого отражения не получили. Часто встречаются редакционные отличия:

Черновик /д. 513, л. 2об./

Беловик /д. 514, л. 3/

Взято у старого келаря старца Азария казенных денег 19 рублей.

Взяли на поезде у старого келаря старца Азария казенных денег 19 рублей.

Приведенные примеры показывают, что в данном случае черновики, непосредственно предшествующие беловику, очень мало от него отличаются. С этой точки зрения можно говорить об их достоверности. Но это может быть и не совсем

так, потому что первичных записей этих пр.-р. книг не обнаружено. Между тем, как было показано выше, наибольшие различия наблюдаются именно между первичными записями и черновиком.

Исследование достоверности пр.-р. книг мы продолжим с помощью документов монастырского делопроизводства. Прежде всего — это "счетные списки". Они представляют собой записи проверки деятельности монастырских приказчиков, в том числе и их пр.-р. книг. Сама проверка, так называемый "счет", проводилась в монастыре специальной комиссией. Ход этой проверки и записывался в "счетные списки". Результаты ее докладывались на соборе в присутствии высшей монастырской администрации, а в пр.-р. книгах приказчиков делалась об этом запись.

Известна грамота царя Михаила Федоровича от 10 марта 1636 г., в которой говорится об ослаблении дисциплины и нарушениях монастырского устава в Соловецком монастыре и указывается, что "которые старцы и служки у промыслов и в службах в городе будут, и вы б их в монастырской казне в приходе и в расходе считали, выбрав счетчиков добрых со всего собору накрепко, вправду, чтоб монастырская казна даром ни от ково не пропадала, и держали бы есте приходные и расходные книги и счетные списки в монастырской казне за игуменскими и келарскими, и за соборных старцев, и за брацкими руками".⁴¹ Но счет приказчиков практиковался в Соловецком монастыре и до приведенной выше царской грамоты. Самый ранний из обнаруженных счетных списков датируется 1628–1638 гг. Он представляет собой копию ХУП в. с подлинного счетного списка /без конца/⁴². В описи монастырского архива 1642 – 1645 гг. есть запись, указывающая на то, что там хранился "список счетной на усольских прикащиков в недочет-

ных монастырских денгах со 137 по 149 год" /1628-1641/⁴³
А в 1677 г. в описи архива значилось уже 6 таких спис-
ков.⁴⁴ Нами было обнаружено в современных архивохрани-
лищах 6 счетных списков /из них три относятся ко време-
ни после 1677 г./.⁴⁵ Всего, следовательно, в Соловецком
монастыре было составлено в ХУП в. не менее 9 счетных
списков. Подобные документы в фондах Крестного Онежско-
го и Николо-Корельского монастыря не встречаются. Резуль-
таты проверки пр.-р. книг приказчиков в этих монастырях
записывались прямо в книге, а сама проверка не носила
такого развернутого характера и касалась только правиль-
ности итогов пр.-р. книг. Такие же записи, только более
лаконичные, мы находим и в соловецких пр.-р. книгах. Сам
счет в Соловецком монастыре заключался в том, что, с од-
ной стороны, складывали стоимость всего, что получал при-
казчик из монастыря /"имка"/, а с другой - всего, что
приказчик поставлял в монастырь /"дача"/. По разности
этих показателей определялся результат деятельности мо-
настырских приказчиков. В "имку" приказчика включали "от-
вод" - стоимость оборудования, инструментов, различных
запасов и кабал, которые находились в службе при назна-
чении приказчика /предметы религиозного культа и строе-
ния не оценивались/, и сумма полученных из монастыря за-
пасов и денег. Кроме того, на приказчиков налагался об-
рок за пользование промыслом. Его происхождение связано
с государственным оброком, который монастырь платил в
Новгородскую четверть за свои соляные промыслы и торгов-
лю. В первой половине ХУП в. оброк с приказчиков часто
назывался: "за московский платеж". "Дача" монастырского
приказчика складывалась из следующих статей: "отвод",
который он передавал следующему приказчику, и сумма по-
сланных в монастырь соли, запасов и денег. Иногда учи-

тывались его расходы на строительство или убытки в результате стихийных бедствий и т.п.

В 1628–1630 гг. было проверено 14 монастырских приказчиков различных соляных промыслов. Оказалось, что 6 из них окончили срок своей службы с убытком, превышающим 900 руб.⁴⁶ В конце счетного списка говорится, что несмотря на запрещение продавать соль, приказчики "покруты по вси годы из монастыря имали полные, а соль продавали на сторону". Приводятся следующие цифры: унежемский приказчик продал соли на 1202 руб. 34 коп., виремский – на 908 руб. 63,5 коп., пурнемский – на более чем 250 рублей. И добавляется, что "и иные прикащики тако ж продавали и тех соляных денег своей продажи и пошлин, что оне с той соли у гостей имали, в монастырь не приваживали", и оттого монастырь потерпел "великие" убытки, а монастырские суда пойдут в Вологду порожняком.⁴⁷ Пр.-р. книги этих приказчиков не сохранились, поэтому узнать, имелись ли в них приведенные сведения или монастырская администрация имела другие источники, мы не можем. Возможно, цифры взяты из пр.-р. книг. Но заключительная фраза об "иных" приказчиках говорит, по нашему мнению о том, что многие продавали соль, а в свои книги не записывали. По-видимому, об этом до монастыря доходили слухи. Иначе непонятными будут сетования на "великие" убытки.

В данном случае мы имеем лишь косвенные свидетельства о неполноте пр.-р. книг. Однако, часто встречаются более конкретные факты. В 1631–1632 гг. из 5 приказчиков двое закончили службу с убытком. У чупского старца Варнавы он составил 189 руб. 68,5 коп. Но по его "скаске" долг был увеличен еще на 80 руб. Оказалось, что он продавал в усолье монастырскую слоду.⁴⁸ Но в пр.-р. кни-

гах этого приказчика никаких сведений о продаже слюды нет.⁴⁹

В нашем распоряжении есть факты, которые говорят о том, что не всегда были полны и расходные книги, хотя скрывать реальные затраты как будто смысла не было. И все же, когда оказывалось, что приказчик в долгу, он подавал роспись, в которой указывал затраты, не вошедшие в расходные книги. Так, пильскогубский приказчик вспомнил, что в его книге не записан расход на перевозку в усолье хлеба /7 руб./, а на сенокос он затратил на 10 руб. 25 коп. больше, чем записано в книгах. Это было признано и внесено в его расход. И все же он остался должен монастырю более 200 руб.⁵⁰

Еще более поразительные факты, подрывающие доверие к достоверности пр.-р. книг, мы находим в книгах владычанского старца Капитона.⁵¹ За три года /1639-1642гг./ его приход по ним составил 905 руб./все - от продажи соли/. Эта же цифра стоит и в итоге расходной книги. Казалось бы, что раз приход равен расходу, то у приказчика не должно остаться ни копейки. Но выясняется /из росписи в конце пр.-р. книги/, что за время службы Капитон отправил в монастырь и другие службы хлебных запасов на 593 руб. 75 коп., да еще привез в монастырь 150 руб. денег!⁵² Видимо, такая форма отчета несколько не смущала монастырского "бухгалтера", но у нас она вызывает недоумение. Остается неизвестным, откуда взялась эта масса зерна и денег. Можно лишь догадываться, что приказчик продавал соль и покупал зерно, но узнать, сколько всего он продал и сколько купил, из его книг не удастся. Остается верить ему на слово, помня, что не менее 45% его реального дохода в пр.-р. книгах не получило отражения.

Поистине уникальные сведения содержит счет 1676-1677 гг. в отличие от предыдущих, он составлялся монастырской администрацией под контролем кн. В. Волконского и дьяка А. Чистого, производивших после Соловецкого восстания опись монастыря. Особенность этого источника состоит в том, что проверку проходили приказчики не только соляных промыслов, но и других служб. Кроме того, и это самое главное, она осуществлялась неожиданно для приказчиков и очень тщательно. Первым подвергся проверке приказной соборный старец Игнатий.⁵³ Во время восстания он фактически был руководителем монастырского хозяйства. По его книгам в приходе значилось 6948 руб. 55,5 коп., а в расходе - 6572 руб. 90,5 коп., т.е. не хватало 375 руб. 65 коп. Потом выяснилось, что он еще брал в долг 330 руб. Таким образом, вся его недостача составила 705 руб. 65 коп. Три рубля денег и 9 кабал на 336 руб. 38 коп. - вот все, что он смог вернуть в казну.

Самым подробным и самым большим по объему /более 70 листов/ является счет приказчика курейской службы Исаяи /1669-1677 гг./.⁵⁴ По денежным пр.-р. книгам недостача составила только 10 руб. Но в товарных книгах было отмечено очень много неточностей. В большинстве случаев в приходе оказывалось больше товаров, чем в расходе. Но иногда получалось и наоборот. Имелись случаи, когда в расходе значились товары, которых вообще не было в приходе. Исаяи по-разному объяснял эту путаницу. Если чего-то не хватало, он говорил, что недостающие запасы пошли на питание и одежду старцам, служкам и работным людям. Избыток некоторых видов хлебных запасов оправдывал различием мер. Крупы он принимал, например, в вологодскую большую меру /всего - 15 четвертей/, а раздавал по службам в малую курейскую /всего - 29 четвертей/.

Расходуемые товары, которые не значились в приходных книгах, могли быть получены от предыдущего приказчика, а поэтому записаны в отводных книгах. А смолы, напр., нет в приходных книгах потому, что она была куплена и ее следует искать в денежных расходных книгах. В конце своей "сказки" Исайя пишет, что вся эта неразбериха учинилась у него "простотом, без хитрости, потому что и в прошлых годах той курецкой службе приказные старцы тех расходов хлебных и товаров... в своих расходных книгах не писали, и в монастыре курецкому дворовому хлебному и товарному расходу счету не было, потому что... расход бывает всерх служебных людей приезжими и служебником и работным и всяких чинов людям не по окладу малыми статьями многой".⁵⁵ Это еще одно свидетельство не-совершенства системы учета, слабого контроля над деятельностью приказчиков.

Если в одной из важнейших монастырских служб существовало такое положение, то еще более характерно это для отдаленных промыслов и служб. Из II-ти приказчиков соляных промыслов у IO-ти при проверке было обнаружено, что по их книгам расход получается больше прихода.⁵⁶ Иногда такое расхождение достигало огромных размеров. Унежемский приказчик Исихий из монастыря получил денег и запасов на 834 руб. 39,5 коп. Кроме того, записано, что он продал соли на II62 руб. 53 коп. Всего у него значится в приходе I996 руб. 92,5 коп. Здесь же мы с изумлением узнаем, что расход его составил 3I35 руб. 86,75 коп., т.е. на II38 руб. 94,25 коп. больше прихода!⁵⁷ Это конечно, заинтересовало и проверяющих, и поэтому есть возможность выслушать объяснения самого приказчика. Как он говорит, эти "лишние" деньги получены "у перекупных и у приемных товаров и у хлебных за-

пасов, что отдавал он, старец Исихий, ... во всякие усольские работы соловаром и дровосекам, и всяким работным людям с приценкой перед приемною ценою с прибылью, а в приходе тех денег не написал... простотою своею" ⁵⁸. Но более всех преуспел в перепродаже товаров иурнемский приказчик Иван. У него расход превзошел приход на 1721 руб. 67,25 коп. ⁵⁹

Из рассматриваемых данных становится очевидным, что пр.-р. книги лишь частично отрывают деятельность монастырских приказчиков. Наиболее достоверными в них являются данные о поступлении денег и различных запасов из монастыря на промыслы и об отправке оттуда денег, соли и других товаров в монастырь или другую службу, т.е. те сведения, которые дублировались в книгах других приказчиков. Но и здесь встречаются примеры, когда приказчики шли на прямой подлог. Так, керецкий приказчик Иона написал себе 177 руб., якобы посланных в Сумской острог, ⁶⁰ а луцкий Никодим не дописал 78 руб., полученных им из монастыря. ⁶¹ Но это, по-видимому, случайные явления. А вот то, что почти у всех усольских приказчиков расход оказался больше, и часто на значительную сумму, записанных в приходе средств, указывает на то, что перепродажа товаров была широко распространенным явлением среди монастырских старцев и по прибыльности не уступала солеварению. Возникает естественный вопрос: почему ни в более ранних счетных списках, ни в самих сохранившихся пр.-р. книгах не встречается/за редким исключением/⁶² указаний на это явление и почему таким массовым оно представилось именно на этом счете? Наиболее правильным, на наш взгляд, объяснением является внезапность и строгость проверки. Как видно из текста источника, она проводилась в два этапа. Вначале группа из четырех соборных старцев

проводила опись монастырских служб. Вероятно, и составление пр.-р. книг происходило непосредственно под контролем соборных старцев, а потом они были отвезены в монастырь и там проверены. Уже после этого в монастырь вызывались приказчики для объяснений. Такой ход проверки в какой-то степени подтверждается тем, что из II усольских приказчиков, чьи книги подверглись проверке, четверо не явились на счет. Единственная сохранившаяся книга, которая рассматривалась на этом счете, — книга керецкого приказчика Ионы.⁶³ Проверка показала, что у старца Ионы в расходе приписано 177 руб. 57,25 коп., а в итоге расход меньше прихода на 114 руб. 25,75 коп.⁶⁴ По самим же книгам расход у него получается на 33 руб. 30,5 коп. больше прихода /если не учитывать открытой приписки/. Счет производился по 25 июня 1676 г., а через два месяца, к 1 сентября, сальдо стало положительным /приход уже превысил расход на 248 руб. 16 коп./.⁶⁵ Легкость и быстрота, с которой это было сделано, говорит о том, что приказчик свободно оперировал крупными денежными суммами, а пр.-р. книги отражают отнюдь не все операции с запасами, товарами и деньгами, которые имели место в действительности.

Непосредственным следствием счета приказчиков 1676 — 1677 гг. следует признать появление ряда соборных приговоров, пытающихся ограничить возможности приказчиков наживаться за счет перепродажи товаров. Соборный приговор от 23 сентября 1678 г. устанавливал цены на товары, привезенные весной из Вологды и распределяемые по усольям. Уставными ценами в своих расчетах с приказчиками монастырь пользовался и задолго до этого приговора. Но интересен тот факт, что на этот раз цены определялись не только для самих приказчиков, но и "по чему им, при-

казным работным людем, в усолье раздавать".⁶⁶ Та же илея, но более определенно выражена в приговоре от 3 апреля 1680 г. В нем указывается, что хлебные и другие запасы и товары приказчики должны давать дровосекам по "указной монастырской цене", а одежду и обувь - "применяясь к ценам с небольшою приставкою по рассмотрению".⁶⁷ Эту грамоту приказывалось прочесть перед всеми усольскими людьми. Последнее ясно говорит о том, что приговор был направлен прежде всего против своеволия приказчиков.

Традиция проверки приказчиков в Соловецком монастыре сохранялась, по-видимому, до конца XVII в. Нам удалось обнаружить еще три счетных списка: 1679, 1682/83 гг. и 1683-1685 гг.⁶⁸ Не рассматривая подробно результаты этих проверок, отметим интересную особенность. Если в начале счетного списка 1679 г. указывается, что проверялись "заручные" пр.-р. книги, то в 1682/83 гг. никаких упоминаний о самих пр.-р. книгах приказчиков нет. Возвращение к старым принципам проверки произошло во время счета 1679 г.⁶⁹ Вначале, как и в 1676-1677 гг., устанавливались не только конечные результаты службы приказчиков, но и проверялись их пр.-р. книги. У нескольких приказчиков приход с расходом совпал или чуть превышал его, т.е. они должны были монастырю небольшие суммы денег. По книгам умбского приказного старца Матвея также получалось, что в его расходе не хватает всего 10 коп. Но своим службой он был уличен в том, что в приходе не дописал 6 руб. 67 коп. В целом он хотел обмануть монастырь на 13 руб. 38 коп.⁷⁰ И если бы не свидетельство очевидца, узнать об этом было бы невозможно, т.к. пр.-р. книги формально были составлены правильно. Потом оказалось, что у лямицкого приказного старца в

расходе не хватает 125 руб. 05 коп.⁷¹; а у чупского, — наоборот, лишних 21 руб. 52,5 коп., появление которых он объяснил тем, что раздавал за работу вместо денег товары, оценивая их дороже, чем покупал или получал из монастыря.⁷² Особенно явно недостоверность пр.-р. книг проявилась при счете лудского приказчика Никодима. По книгам сумской и курейской служб было определено, что в его приходных книгах недописано денег и различных товаров, полученных оттуда, на сумму 1844 руб. 92 коп.⁷³ Эти и подобные им примеры показали всю сложность проверки действий приказчиков по пр.-р. книгам. Сведения о снабжении усолдий и других служб можно получить из пр.-р. книг тех служб, через которые осуществлялось это снабжение, или из общей книги, составлявшейся на их основе.⁷⁴ Что же касается данных о внутренних доходах служб и их расходах, то проверить их было невозможно /лишь показания очевидцев могли раскрыть наличие приписок/. Видимо, исходя из таких соображений, монастырская администрация вместо совершенствования системы учета вернулась к прежней форме проверки — по конечным результатам /сколько приказчик получил из монастыря и сколько он вернул деньгами и в виде продуктов промысла и товаров/. Два последних приказчика в счетном списке 1679 г. и все приказчики в более поздних проверялись именно так.⁷⁵

Исходя из сказанного, можно с уверенностью утверждать, что пр.-р. книги монастырских промыслов достаточно полны и достоверны лишь в той части, в которой отражена взаимосвязь монастырских служб. При составлении пр.-р. книг приказчик стремился обеспечить совпадение суммы прихода и расхода. Минимумом прихода была стоимость средств, полученных из монастыря. Расход же определялся необходимостью произвести товары и организовать различные

работы на сумму, не меньше полученных из монастыря средств. Если производственные затраты превышали монастырскую дачу, то приходилось "наращивать" приход статьями о продаже соли или других товаров. Но чаще монастырских средств вполне хватало, чтобы покрыть издержки производства /к тому же, как мы знаем, при расчетах с работными людьми приказчики оценивали их труд выше "уставной" монастырской цены/. В этом случае приказчик обычно скрывал оставшиеся от расхода средства, вводя в расходные книги полуфиктивные сводные статьи о закупке продовольственных или других товаров, которые были израсходованы во время его службы. Более честные старцы эту разницу между приходом и расходом привозили в монастырь. Но и в этом случае нельзя быть уверенным в том, что часть своих доходов приказчик не скрывал. Так как за время службы монастырские деньги и товары не раз бывали в торговом обороте, то в результате их стоимость возрастала. Об этом мы узнаем из счетного списка 1676-77 гг., но в пр.-р. книгах, составленных в обычной обстановке, приказчики, за единичными исключениями, на это не указывают.

К счетным спискам очень близки по характеру содержащихся в них сведений следственные дела о хозяйственных злоупотреблениях. Необычный случай произошел в Соловецком монастыре в 1646 г.⁷⁶ На соборе решили сменить казначея Саву, бывшего на этом посту уже пятый год. Позвали самого казначея и спросили, есть ли в его келье казенные вещи, и если есть, то приказали принести их в казенную палату для отвода новому казначею. Сава ответил, что ничего казенного у него нет. У всех это заявление вызвало сомнение и в его келье произвели обыск. Там было обнаружено 18 книг, масса медной и деревянной

посуды, одежды и других вещей, среди них "бойчие" часы и 105 руб. денег. У его ученика Иринарха нашли 8 книг, одежду и 55 руб. денег. Но самая поразительная находка в келье казначея — это две поддельные печати, а "у прежних казначеев таких других подделанных печатей отнюдь не бывало".⁷⁷

Когда начали передавать казну новому казначею, обнаружили, что отводные книги /"опись казны"/ написаны не соборным подъячим Василием Алексеевым, как это должно быть, а подъячим казенной палаты. Сава сначала отпирался, но потом на очной ставке признал, что книга была написана по его приказу. Однако он отрицал свою причастность к исчезновению подлинной книги и даже обвинил одного из соборных старцев в том, что он якобы подложил этот список в казну. Но это выглядело так нелепо, что ему пришлось здесь же на соборе извиняться. По-видимому, без подлинных отводных книг уличить казначея в злоупотреблениях было невозможно, поэтому ограничились частичной конфискацией имущества. У него забрали дорогую одежду /песцовую, мерлушчатую и бобровую шубы/, 10 книг, деньги и другие вещи. Но и после конфискации у бывшего казначея оставалось довольно много книг, посуды и одежды /в том числе три шубы/.⁷⁸ Без сомнения, поддельные печати и отводные книги не были случайностью. Имея их, казначей мог бесконтрольно пользоваться монастырской казной, о чем и говорит опись его кельи. Интересно, что среди его имущества называются 4 пр.-р. книги в кожаных переплетах за предыдущие годы и II приходо-расходных тетрадей за последний 1646 г.⁷⁹ Обычно тетрадь составлялась из 8 листов. Значит, пр.-р. книга 1646 г. содержала в черновом варианте 88 листов. Но сохранившийся беловик этой книги имеет только 14 л.⁸⁰

Отсюда видно, что первичные записи по объему значительно превосходили беловики пр.-р. книг казначеев. Ясно также, что и дошедшие до нас черновики пр.-р. книг казначеев /объем их меньше беловиков/ не являются первичными, а отражают последний этап составления пр.-р. книг.

Особый случай проверки достоверности пр.-р. книг был отмечен в Крестном Онежском монастыре. Там специально разбиралось дело иеродьякона Дамаскина. Его обвинили в том, что он, пользуясь разницей монастырских и государственных весов, скрыл от монастыря 140 пудов проданной семги на общую сумму 106 руб. 3 коп.⁸¹ В вину ему вменялось также то, что при строительстве монастырского двора в Турчасове он нанимал плотников и покупал бревна "большой ценой", да к тому же сделал в горнице семь больших окон, из-за чего двор остался незаселенным. В этом случае Дамаскин прямо не обвиняется в приписках, но высокие цены, видимо, вызвали подозрение. То же самое можно сказать о его щедрых подарках в Москве священникам, стряпчим и подъячим. Но в этом случае у монастыря было и прямое свидетельство старца Парфения о том, что написав в издержке 6 руб. 11 коп., Дамаскин половину суммы взял себе. Подобный же случай произошел в Каргополе, где Дамаскин назвался строителем и затеял тяжбу с соловецким стряпчим Григорием Черным; а потом, чтобы откупиться, дал 30 руб. казенных денег "начальным людям" и якобы 30 руб. Григорию, но из них 15 взял себе, "искорыстовался". Точно также, по свидетельству очевидцев, он записал в расходной книге, что дал соловецкому подъячему 5 руб., но на самом деле эти деньги взял себе.⁸² Это дело весьма интересно в смысле оценки достоверности изучаемого источника. Случай с семгой показывает, что данные пр.-р. книг о торговле не всегда точны. Будь в на-

шем распоряжении таможенные книги, с которыми их можно было бы сравнить, то оказалось бы, что их сведения различаются. Такие различия, конечно, можно было бы объяснить особенностями составления обоих источников, а по существу все дело заключается в вопросе о достоверности пр.-р. книг. Проверить их достоверность чрезвычайно трудно, большей частью даже невозможно, если нет соответствующих документов /таких, как черновики, счетные списки или следственные дела/.

В этом смысле характерно признание самой администрации Соловецкого монастыря, которое она сделала в ответ на запрос Холмогорского архиепископского судного приказа. Неизвестно по какой причине, туда попал соловецкий сумской приказчик Варсонофий вместе со своими пр.-р. книгами и другими документами. Но там его документы странным образом пропали. Тогда из Холмогор потребовали от монастыря составить счетный список на пр.-р. книги Варсонофия. Сохранился черновик монастырского ответа.⁸³ Там пытались составить требуемый список. Но все, что удалось установить, сводилось к нескольким строчкам - 75 руб. Варсонофий отправил в Москву, 150 руб. пошло на жалованье стрельцам /об этом имелась запись в стрелецком списке/, 30 руб. отдал унежемскому приказчику Дорофею и 639 руб. 25 коп. привез в монастырь после службы. Тут же монастырская администрация была вынуждена признать, что ей неизвестно: сколько Варсонофий собрал в Суме "поземного и полавочного оброка" и сколько у него было в расходе. О 30 руб., которые он дал в Унежму, в монастыре узнали только из Холмогор, т.к. об этом Варсонофий сказал в судном приказе на допросе. В заключение говорится, что "приходу и расходу той казны без книг ведать не по чем" и счета без книг "вправду"

они сделать не могут.⁸⁴ Это свидетельство ценно для нас тем, что лишний раз подтверждает уникальность сведений пр.-р. книг, восстановление /при отсутствии самих книг/ или проверка которых зачастую затруднительны или просто невозможны.

Обобщая изложенные выше наблюдения о достоверности монастырских пр.-р. книг, можно сделать следующие выводы. Во-первых, пр.-р. книги /имеется ввиду их официальный, беловой вариант/ не дают подневную, строго хронологическую запись событий. Составление их проходило, по крайней мере, через три этапа - первичные записи, написание собственно черновиков и их редактирование и создание беловиков. Наибольшие различия наблюдаются между первичными записями и черновиком, беловик же почти полностью повторяет текст черновика, учитывая внесенные в него при редактировании поправки. Большая часть статей в пр.-р. книгах не датирована, а хронологический порядок в их изложении соблюдается далеко не всегда. В тех случаях, когда в книгах много датированных статей /напр., пр.-р. книги денежных казначеев/, также иногда наблюдается нарушение хронологии. Во-вторых, пр.-р. книги отражают деятельность приказчика неполностью. Прием вкладов и ростовщические операции, напр., в них обычно не фиксировались. Для вкладов составлялись отдельные росписи, которые включались в общую вкладную книгу. Сведения о займах заносились лишь в отводные книги /там дается перепись кабал, которые оставались в службе после смены приказчика/. В-третьих, не все сведения пр.-р. книг в одинаковой степени достоверны. Наиболее достоверными являются статьи о внутримонастырском обмене, т.к. один и тот же факт отражался в этом случае в пр.-р. книгах нескольких приказчиков, и поэтому любое искажение дан-

ных могло быть легко обнаружено монастырской администрацией. Вполне достоверны и сведения о сборе и уплате различных податей, поскольку запись в пр.-р. книге подкреплялась специальными отписками или книгами сбора податей. В тех же случаях, когда тот или иной вид дохода и расхода фиксировался только в самой пр.-р. книге, достоверность вызывает сомнения. К таким сведениям относятся записи о покупках, которые были сделаны в службах "про дворовой обиход", для подношений. Большую роль в деятельности приказчиков играла перепродажа товаров, которая в книги не заносилась и доход от которой ими часто присваивался. В-четвертых, исходя из того, какие по характеру сведения преобладают в книгах тех или иных монастырских служб, можно говорить о степени их достоверности. К более достоверным будут принадлежать книги центральных административных и распределительных служб, основное содержание которых связано со сбором феодальной ренты и снабжением монастырских промыслов. Менее достоверны пр.-р. книги торговых служб и различных промыслов. Такое разделение, конечно, условно. Оно указывает лишь на степень возможной недостоверности. Насколько же эта возможность реализуется в действительности, зависит от личных качеств монастырских приказчиков. Как мы убедились, даже денежный казначей, по своему положению обязанный контролировать других приказчиков, мог оказаться, мягко говоря, не вполне честным человеком. В-пятых, для проверки достоверности пр.-р. книг необходимо привлекать прежде всего документы монастырского делопроизводства. Многое дает изучение черновых вариантов пр.-р. книг, материалов специального контроля и учета деятельности приказчиков /счетные списки/, а также следственные дела по хозяйственным злоупотреблениям.

Естественно, нужно использовать и все другие источники, которые прямо или косвенно помогают решать проблему достоверности пр.-р. книг монастырей.

Примечания:

1. Лохтева Г.Н. Монастырское хозяйство в ХУП в. /по материалам Троицкого Гledenского монастыря. М., 1963, Канд.дисс., с.115-116.
2. Устюгов Н.В. Солеваренная промышленность Соли Камской в ХУП в. М., 1957, с.242-245; Лохтева Г.Н. Указ. соч., с.208-209.
3. Об использовании монастырских пр.-р. книг см.: Иванов В.И. Монастырские хозяйственные книги ХУI-ХУП вв. как исторический источник /историография проблемы/. Рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР, № 5053.
4. Горская Н.А. Зерновое земледение центральных областей Русского государства во второй половине ХУI- начале ХУП вв./По материалам хозяйственной отчетности монастырей центральной части Русского государства/. М., 1955.Канд.дисс., с.47; Кольчева Е.И. Денежный бюджет монастырей по приходо-расходным книгам ХУI в. - В кн.: Материалы ХУ сессии симпозиума по проблемам аграрной истории СССР. Вологда, 1976, вып.1, с.47.
5. Маньков А.Г. Хозяйственные книги монастырских вотчин ХУI в. как источник по истории крестьян. - "Проблемы источниковедения". М., 1955, вып.1У, с.305.
6. ЦГАДА, ф.1201, оп.5, д.577, лл.1-8об.
7. Там же, д. 569, лл. 1-8об.
8. Там же, д. 567, лл. 5-16об.
9. Там же, оп.1, д. 63, лл. 44об.-45, 152-156; д. 505, лл. 3об. - 4, 18об. - 21об.
10. Там же, оп. 1, д.505, лл. 18об.-22об.; оп.5, д. 567, лл.13-16об.
11. Там же, оп.5, д.567, лл. 13-16об.; д. 569, лл. 6об.-8об.
12. Там же, д.589, л.6об.
13. Там же, д.567, л.13.
14. Зачеркнуто.
15. Приписано вместо зачеркнутого Балт.

16. Приписано вместо зачеркнутого 4 алт. 2 д.
17. ЦГАДА, ф. 1201, оп.5, д.576, лл.1-8об.
18. Там же, д.567, л.14об.
19. Там же, д.577, л.2об. Видимо, здесь описка - всего работали 8 дней и получили 4 рубля.
20. ЦГАДА, ф.1201, оп.5, д.567, л.14об.
21. Там же, д.577, лл. 2, 4об., 5об., 6об.
22. Сумма беловика и черновика П за 1668/69г. дается без последней статьи, которой нет в черновике I, для большей наглядности.
23. ЦГАДА, ф.1201, оп.5, д.569, лл. 6об.-7.
24. Там же, лл. 7об.-8.
25. Там же, л.2.
26. Там же, д.567, л.7об.
27. Там же, д.567, л.12.
28. Там же, лл. 6-8об.
29. Там же, лл. 6об.-7.
30. Там же, д.577, л.3об.
31. Там же, оп.1, д.65, лл. 44об.-45,; д.505, лл.3об.-4.
32. Там же, оп.5, д.567, лл. 6-7об.
33. Там же, оп.1, д. 244.
34. Там же, д.247.
35. Там же, лл. 10, 13, 41, 50, 52.
36. Там же, д.513.
37. Там же, д.514.
38. Там же, лл.3-4об.; д. 513, лл. 3об.-4.
39. Там же, д. 513, лл. 6об., 9.
40. Там же, д. 514, л. 9об.
41. Архив ЛОИИ, коллекция рукописных книг, № 2, д.150, лл. 282-284.
42. ЦГАДА, ф. Соловецкого монастыря, № 1201, оп.1, д.30.
43. Там же, д. 454, л.49об.
44. Там же, д. 570, л.62об.
45. Там же, д.30, 243, 93, 116; оп.2, д. 537, 538.

46. Там же, оп. I, д.30, лл. I-5.
47. Там же, л.7.
48. Там же, л.14.
49. Там же, д. 445.
50. Там же, д.30, лл.20-21об.
51. Там же, оп.2, д.529.
52. Там же, лл. I7-I7об.
53. Там же, оп. I, д. 93, лл. 2-7.
54. Там же, лл. 28-29.
55. Там же, л. 99.
56. Там же, лл. I07, I22, I39, I49 и др.
57. Там же, лл. I28-I32.
58. Там же, л. I32 об.
59. Там же, лл. I5I-I6I.
60. Там же, л. I03.
61. Там же, л. I76.
62. Там же, д. 683, лл. II4об.; I24 - пияльский приказчик Никифор записал в своих книгах, что в I623 г. взял "у перекупки товаров" 4 руб., в I624/25 г. - 3 руб. 80 коп. Это, пожалуй, единственный подобный случай.
63. Там же, оп.5, д. 605.
64. Там же, оп. I, д.93, лл. I0I-I04.
65. Там же, оп. I, д. II6; оп. 2, д. 537, 538.
66. Там же, оп. 4, д. I7, л.4.
67. Там же, д. 30, лл. I-2.
68. Там же, оп. I, д. II6; оп.2, д. 537, 538.
69. Там же, оп. I, д. II6.
70. Там же, лл. I7-I9об.
71. Там же, лл. 25-30.
72. Там же, лл. 55-60об.
73. Там же, лл. 6I-64об.
74. Там же, оп.5, д. 3I2а.

75. Там же, оп. I, д. II6, лл. 68об.-72об.
76. Там же, д. 50.
77. Там же, д. 5I4, л. 2.
78. Там же, д. 50, л. 6-9.
79. Там же, л. 3.
80. Там же, д. IO, л. 245.
- 8I. Там же, ф. II95, оп. I, д. 2I8, лл. I-3.
82. Там же, д. 2I8, л. 6.
83. Там же, ф. I20I, оп. 4, д. I3I.
84. Там же, л. 2.

Б. Н. Морозов

ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО И АРХИВ В КРУПНОЙ
БОЯРСКОЙ ВОТЧИНЕ ХУП ВЕКА

Важность моделирования делопроизводства, как части управления вотчиной, для источниковедческого изучения сохранившихся архивных фондов светских феодалов уже отмечалась в нашей литературе.¹ Напр., Б. Г. Литвак пишет, что, как правило, работы, посвященные отдельным вотчинным фондам, носят описательный характер, "выполняют узкоутилитарные задачи".² Исключение составляет статья И. Ф. Петровской "Об изучении поместно-вотчинных архивных фондов ХУШ - первой половины XIX в."³ Ни Б. Г. Литвак, ни И. Ф. Петровская, естественно, не ставили перед собой задачу изучения вотчинной документации ХУП в., хотя оба автора считали необходимым кратко остановиться и на характеристике некоторых разновидностей документов ХУП в., но главным образом для того, чтобы подчеркнуть особенности развития вотчинного делопроизводства ХУШ в. Б. Г. Литвак скептически относится к утверждению И. Ф. Петровской, что "уже в ХУП в. существовала довольно стройная система делопроизводства" в крупных боярских хозяйствах,⁴ но его анализ опубликованных документов боярина Б. И. Морозова служит лишь цели показать резкие перемены в организации управления крупной вотчиной в первой четверти ХУШ в. и, естественно, не претен-

дует на полноту.

Примерами подробных, обстоятельных обзоров частных архивов ХУП в., правда уже совсем другой категории феодалов – мелких вотчинников и помещиков, могут служить работы Е.Н.Опаниной о родовых фондах дворян Пазухиных и Павловых, включающих и документы других фамилий.⁵ Фактически единственной попыткой в нашей историографии дать специальный анализ вотчинного фонда является работа Л.Ф. Кузминой "Архив стольника А.И.Безобразова как исторический источник".⁶ Л.Ф. Кузмина, характеризуя состав документации, наверное, наиболее полно сохранившегося фонда среднего вотчинника /сохранились и земельные акты, и переписка с приказчиками, и учетно-хозяйственная документация, а также личные материалы – частные письма, записки для памяти и т.д./,⁷ делает попытку сравнить документацию в хозяйстве Безобразова с материалами других вотчинных архивов, выявить основные разновидности документов. Небольшой объем статьи не позволил полностью провести эту работу.

К сожалению, приходится констатировать факт, что специальных работ, посвященных источниковедческому анализу даже известных крупных вотчинных фондов ХУП в., практически нет. Можно назвать только работы А.А.Введенского, в которых имеются интересные наблюдения об организации описания документов "именитых людей" Строгановых в ХУI – первой половине ХУП в.⁸ Но подробного обзора сохранившегося комплекса строгановских документов, во многом схожего с крупными боярскими архивами, в работах Р.А.Введенского, к сожалению, нет.

В предисловиях к двум изданиям значительного комплекса документов, сохранившихся от архива боярина Б.И. Морозова, отмечена его неполнота,⁹ несмотря на значи-

тельный общий объем опубликованных документов /652 - во второй, более полной, публикации/.¹⁰ Серьезным упущением последнего издания, как нам кажется, является отсутствие археографического описания тех столбцов, в которых, собственно, и дошла до нас эта часть морозовского архива, тем более что делопроизводственные архивные признаки /порядок составов в столбце/ были использованы для уточнения датировки документов. В итоге в строго хронологической публикации "Акт хозяйства боярина Б.И.Морозова" документы разных столбцов оказались перемешаны между собой; нет ясного представления о полноте и составе исторически сложившихся комплексов и, в связи с этим, о причинах наличия значительного количества документов по одним вотчинам за определенный период и малочисленности по другим. Данное во введении распределение документов по хронологии и их оценка не учитывали то обстоятельство, что материалы за сентябрь-декабрь предыдущего года входят в хозяйственный комплекс следующего. Нам кажется, что принцип разделения документов по группам вотчин в отдельных уездах в первой публикации 1933-1936 гг. более правилен, поскольку нагляднее отражает количество и хронологические рамки сохранившихся материалов, хотя и в данном случае не отражены полностью делопроизводственные комплексы, сформированные в центральном аппарате вотчинного управления.

Нет подробного источниковедческого анализа сохранившихся документов архива хозяйства боярина Б.И.Морозова и в наиболее подробном его исследовании - монографии Д.И. Петрикеева "Крупное крепостное хозяйство ХУП в." /Л., 1967/. Д.И.Петрикееву удалось выявить и привлечь к исследованию новые неопубликованные материалы из московского боярского архива, найденные в столбцах

Оружейной палаты в ЦГАДА, и две переписные книги Лысковской волости 1665 и 1672 г., происходящие, видимо, из архива Лысковской дворцовой приказной избы и хранящиеся ныне в Горьковской областной библиотеке им. В.И.Ленина. Однако специальная статья, посвященная характеристике этих новых материалов, лишь называет некоторые из них и не дает детальный анализ всего комплекса.¹¹

Другой известный опубликованный комплекс документов, сложившийся в крупном вотчинном хозяйстве, меньше по своим масштабам; происходит он из одного местного вотчинного архива села Покровского с деревнями, составлявших целую Нейскую волость Галицкого уезда. Вотчина принадлежала с 1650 г. князьям Одоевским – боярину Никите Ивановичу и его сыну /также впоследствии боярину/ Якову Никитичу.¹² По общему числу документов /их – 122/ он вполне сопоставим с сохранившимися комплексами материалов по одной вотчине морозовского архива.¹³ Галицкий архив Одоевских также практически не исследован в источниковедческом плане. В содержательной вводной статье к публикации Ю.А.Арсеньев основное внимание уделяет биографии кн. Н.И.Одоевского и кратко останавливается на истории самой вотчины и особенностях ее управления. Кроме того, ряд наиболее важных документов из родового архива князей Одоевских /в том числе духовные кн. Н.И. и кн. Я.И.Одоевских/ были сохранены их наследниками князьями Черкасскими и попали затем в архив графов Шереметевых /ныне в составе их фонда в ЦГИА/. Небольшой комплекс земельных актов /в том числе жалованная грамота/ по вотчине Г.И. и Я.Н.Одоевских селу Сулеча Бежецкого уезда, также в силу сложных наследственных взаимоотношений, попал в архив графов Уваровых /ныне – в составе коллекции А.С.Уварова в ОПИ ГИМ/.

Менее известны рассеянные по разным хранилищам остатки вотчинных архивов князей Черкасских – крупнейших землевладельцев России второй половины XVII в. Между тем, по общему объему сохранившихся документов XVII в. /около 400/ они приближаются к архиву боярина Б.И.Морозова. Это, – главным образом, поземельные акты и другие документы, удостоверяющие права владельцев феодальной собственности, тщательно сохранявшиеся в главном родовом архиве и перешедшие со всеми вотчинами в середине XVIII в. к графам Шереметевым /ныне – в составе фондов Шереметевых в ЦГИА и отчасти в ЦГАДА/. Несколько земельных документов по нижегородским вотчинам Черкасских находятся в коллекции Ф.Ф. Мазурина /ЦГАДА/. Имеются и отдельные комплексы документов из местных вотчинных архивов Черкасских. Наиболее значительный из них – группа, содержащая свыше 50 документов за 1636–1699 гг. по крупнейшему торгово-промышленному селу Павлову Нижегородского уезда /ныне – в составе фонда кн. М.Я. Черкасского и в коллекции нижегородских актов в Архиве ЛОИИ, и в коллекции Е.В. Барсова в ОПИ ГИМ/. Среди них – грамоты бояр князей Якова Куденетовича и Михаила Яковлевича Черкасских, черновики отписок приказчиков, крестьянские челобитные и целые дела, росписная книга, а также крестьянские частные акты /поступные, поручные и т.д./. Материалы эти частично использованы в работах К.Н.Щепетова и К.Н.Сербиной.¹⁴ Однако эти авторы, исследуя в первую очередь промышленное производство в вотчинах Черкасских, не ставили своей целью изучение их архивов.

Сохранился фрагмент архива из села Карачарова Муромского уезда, также впоследствии перешедшего через Шереметевых к Уваровым /ныне документы находятся в составе коллекции гр. А.С.Уварова в ОПИ ГИМ/. Этот комплекс со-

стоит из 44 документов 1654-1698 гг., причем больше половины его - 32 единицы - составляет переписка вотчинников с приказчиками с.Карачарова. Содержание переписки /как и всего карачаровского архива/ раскрыто /фактически издано в виде регест/ в описании уваровской коллекции. ¹⁵

Среди земельных актов Черкасских на село Ворсма Нижегородского уезда, хранящихся в архиве Щереметевых, сохранилось присланное из вотчины в главный архив еще в ХУП в. большое дело 1695-1699 гг. о приобретении земель у соседних помещиков. Кроме списков царских грамот /в связи с этим оно и было отобрано в "крепостной архив"/, здесь имеется переписка кн. М.И.Черкасского с приказчиком, а также переписка приказчиков разных вотчин между собой, всего 13 документов. ¹⁶

Необходимо также отметить значительный архив Волинских - окольников Федора Васильевича и боярина Ивана Федоровича /ныне - в ОР ГБЛ и частично - в ЦГАДА/. Волинские еще в середине ХУП в. являлись средними землевладельцами, но с получением в 1683 г. И.Ф.Волинским высшего думного чина стали быстро увеличивать свои владения, о чем свидетельствуют сохранившиеся в их архиве многочисленные акты /купчие, меновные, поступные записи на крестьян и др./, проанализированные в работе Г.С. Лялиной. ¹⁸

В самом конце ХУП в. крупным землевладельцем становится боярин Борис Петрович Щереметев /будущий фельдмаршал/. В 1689 г. ему была пожалована вотчина в Тверском уезде село Младой Тул. Из архива младотулдской съезжей избн сохранился /в фонде Щереметевых в ЦГАДА/ уникальный комплекс текущих документов, состоящий из двух больших столбцов крестьянских судных дел за 1696-1697 гг., записной книги крестьянских челобитных 1694-1696 гг. и

нескольких хозяйственных книг конца ХУП в.

Архивами этих пяти боярских фамилий практически ограничивается число известных нам комплексов документации, сложившихся в крупных вотчинных хозяйствах. От других сохранились лишь единичные документы. Однако у нас есть сведения о составе архивов других знатнейших родов: Романовых, князей Воротынских, Голицыных, Ромодановских, содержащиеся в описях ХУП в.¹⁷ Данные описи донесли до нас сведения о составе главных родовых архивов, хранившихся в московских домах; в первую очередь, они отмечали документы, удостоверяющие права феодальной собственности.

Исследование состава и содержания документации, складывавшейся в крупных вотчинных хозяйствах, имеет не только прикладное источниковедческое, но и методическое значение. На основе анализа наиболее значительных фондов, включающих самые разнообразные виды документов, выявляются характерные черты частных архивов вообще. Именно крупнейшие архивы сохранили свои современные описания, что дает возможность полной или частичной реконструкции их состава и содержания. Однако это не входит в задачу данной работы. Каждый, упомянутый выше комплекс заслуживает самостоятельного исследования. Наша цель — показать общие особенности боярских архивов, с одной стороны, с другой — различия в системе документации в разных вотчинных хозяйствах, наметить пути ее эволюции.

Несомненно, что изучение формирования и организации архивов, вопросы связанные с репрезентативностью сохранившихся комплексов, невозможно решать без детального изучения делопроизводства, документооборота в боярской вотчине и в системе вотчин. Источниками для изучения организации делопроизводства и архива служит вся совокуп-

ность сохранившихся документов каждого боярского рода со всеми особенностями каждой разновидности документов, а также скрепами, печатями, делопроизводственными, архивными пометами и т.д. Много сведений об организации документирования различных сделок /в первую очередь - земельных приобретений/, учета сельскохозяйственного производства, сбора денежных и натуральных оброков, исполнения крестьянами барщинных повинностей содержат указы и грамоты вотчинников приказчикам и отписки последних. Имеются в переписке и конкретные сведения, непосредственно касающиеся организации вотчинного архива. Однако наибольшую информацию об организации архива, его составе и, тем самым, наиболее полную информацию о разновидностях документов дают современные описи документов, в первую очередь - описания, включенные в росписные книги вотчин, которые составлялись при передаче управления вновь назначенному приказчику.

Наиболее ранние сведения о составлении росписной книги вотчины имеются в двух грамотах 1648 г. боярина Б.И.Морозова новому приказчику села Рождественного Арзамасского уезда Любиму Осанову. В первой грамоте Морозов, отвечая на отписку приказчика, в которой тот сообщил, что наряду с другим боярским имуществом "...грамоты... и всякие дела принял и все именно переписал", беспокоится о задержке присылки в Москву одного экземпляра росписной книги, второй экземпляр которой должен был остаться в вотчинном архиве.¹⁹ Из других грамот известно, что в связи с составлением росписной книги и приемом документов между Любимом Осановым и прежним приказчиком села Рождественного Иваном Федоровым произошел разлад. Это вызвало гнев боярина, очевидно тщательно следившего за сохранением своих архивов: "Да в той же твоей

отписке написано, что де многих моих грамот о всяких делах и многих всяких дел Иван Федоров тебе не отдал. А как ныне на Москве был Иван Федоров, и он сказывал, что принимал де ты и переписывал всякие дела один, без нево, Ивана, и руки де ево Ивановы у росписных книг нет; а только бы де он всякие дела отдавал сам, и он бы де в том с тобою расписался да и руку бы х тем книгам приложил. А ты про то ничево не пишешь же, для чево ево Ивановой руки у тех росписных книг нет. И какая порука в моих делах или вотчинах в таком вашем разврате будет, и я про то велю сыскать: Иван ли Федоров тебе дел моих не отдал или ты сколько без нево, Ивана, дела мои принимал и переписывал; и в сыску чья вина объявитца, и про то мой указ будет".²⁰ Требование к приказчикам тщательно переписывать при сдаче дел "мои грамоты и черные свои отписки и всякие мои деревенские дела" содержится в указах Б.И.Морозова о назначении новых приказчиков.²¹

Порядок описания архива специально оговорен в качестве первой статьи наказа по управлению вотчиной, данному новому приказчику села Старое Покровское Нижегородского уезда в 1654 г.²² Среди неопубликованных документов боярина Б.И.Морозова имеется столбец 1653 г. с описью архива крупнейшего нижегородского села Мурашкина, очевидно, отражающий предварительный этап составления росписной книги. Многие документы /в том числе боярские грамоты/ в нем описаны суммарно.²³

Существовала практика составления росписных книг и в хозяйстве князей Одоевских, но в грамотах боярина кн. Н.И.Одоевского описание архива специально не оговаривается.²⁴

Из подлинных росписных книг XVII – начала XVIII вв. нам

известны лишь две, сохранившиеся от вотчинного делопроизводства князей Черкасских. Их ценность во многом увеличивается потому, что они описывают одну и ту же вотчину, село Павлово Нижегородского уезда, за разное время, а это позволяет провести их сравнительный анализ. Росписная книга с. Павлова 1677 г., очевидно, еще в середине XIX в. попавшая вместе с рядом других документов из павловского архива в коллекцию Е.В.Барсова /ОПИ ГИМ, ф. 451, № 95/, давно введена в научный оборот. Другая книга – 1709 г. – недавно описана в составе новой коллекции Рукописного собрания ЦГАДА /ф. 188, оп. I, № 451/²⁵. Хотя росписная книга 1709 г. хронологически выходит за рамки нашего исследования, подробное описание павловского архива XVIII в., раскрывающее /зачастую пересказывающее/ содержание многих боярских грамот конца столетия /в отличие от их суммарного перечисления в книге 1677 г./, делает ее ценнейшим источником.

Переходя к конкретной характеристике организации делопроизводства и архива в крупной боярской вотчине, следует отметить, что проблема их взаимодействия связана с изучением управления крупным крепостным хозяйством в целом. Данную тему довольно широко затронул еще И.Е.Забелин в работе "Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве".²⁶ Забелин показал значение центрального аппарата вотчинного управления Б.И.Морозова – "московской избы" или, по определению автора, "московского дворового боярского приказа".²⁷ Отметим автор и значение личности самого боярина в управлении вотчинами, его непосредственное участие в переписке с приказчиками. В этом первом исследовании морозовского архива сделана попытка провести анализ формуляра грамот вотчинника к приказчикам и их отписок, переписки приказчиков между собой,

Вопросам управления боярским хозяйством посвящена специальная глава в монографии Д. И. Петрикеева, который вслед за Забелиным, отметил значительную роль Б. И. Морозова в управлении вотчинами. Вместе с тем он подробно осветил и значение главных "приказных людей" Морозова, детально разобрал права и функции местной вотчинной администрации в лице приказчиков и выборных представителей крестьянского мира, показал иерархию управления в целом.²⁹ В связи с этим, в главе затрагиваются и некоторые аспекты документирования в ходе управления вотчиной: характер отдельных видов переписки, требования строгого письменного учета и отчетности в натуральных и денежных доходах и расходах и т. д.³⁰

Наличие центрального аппарата управления в лице главных московских приказчиков было, видимо, типичным для боярского хозяйства, но организация специального "приказа" характерна, очевидно, только для крупнейших вотчин, общие размеры которых равнялись удельным княжествам XV—XVI вв.; крупнейшие села в них были больше многих городских посадов. К таковым для второй половины XVII в. можно отнести землевладение князей Черкасских — боярина Якова Куденетовича, а после его смерти в 1666 г. целиком перешедшее к его сыну Михаилу Яковлевичу. К вотчинам отца, который сконцентрировал в своих руках все родовые и жалованные земли Черкасских, получивших еще в 1638 г. выморочные земли князей Шуйских, князь Михаил Яковлевич присоединил еще земли других знатнейших рюриковичей — князей Одоевских /он женился на старшей дочери князя Якова Никитича, не оставившего мужского потомства/.

Наиболее ранние известия о центральном аппарате уп-

равления хозяйством Черкасских относятся к 1662 г., когда четверо подъячих во главе с приказным человеком, сидевших в "избе" /"боярском приказе"/ "у письма", присили прибавки денежного жалования. Эту прибавку они полагали осуществить с помощью введения в их пользу нового оброка - 2 деньги с каждого крестьянского двора, ссылаясь на то, что так было заведено в хозяйстве боярина Б.И. Морозова. Князь Я.К. Черкасский удовлетворил их просьбу и сообщил о новом сборе в грамотах приказчикам своих вотчин.³¹

Какие же основные функции выполнял центральный "боярский приказ" и для чего необходим был целый штат подъячих? Очевидно, главная их обязанность заключалась в ведении текущего делопроизводства - оформлении переписки с вотчинной администрацией. Объем этой переписки был огромен. Если взять данные только по одной /хотя и очень крупной/ вотчине - селу Павлову, то в его архиве за 1669/70 - 1672/73 гг. отложилось 379 грамот вотчинника и 149 отписок приказчиков³²:

1669/1670 г.	- 73 грамоты	22 отписки
1670/1671 г.	- 117 "	37 "
1671/1672 г.	- 155 "	60 "
1672/1673 г.	- 34 "	30 "

Соответствующее количество документов прошло через "московскую избу". Число переписки за год колеблется от 64 до 215 единиц, но всегда наблюдается преобладание грамот над отписками. Это вызвано, видимо, тем, что часть грамот представляла собой ответы на крестьянские челобитные. ♦

То же прослеживается и в переписке Б.И. Морозова о нижегородскими вотчинами за 1650/51 г. и 1659/60 г. Но в переписке Морозова с приказчиками его подмосковной

усадебны села Павловского Звенигородского уезда за 1651/52 г. преобладает отписки приказчиков - 79 против 49 боярских памятей. Это связано с усиленным вниманием Б.И. Морозова к этой вотчине. Павловское было своеобразной загородной резиденцией и подсобным хозяйством боярина, в связи с чем приказчики /их насчитывалось несколько/ почти ежедневно отчитывались о ходе всех хозяйственных работ и присылке припасов на московский двор.³³ В среднем объем переписки в хозяйстве Морозова в середине XVII в. был несколько меньше, чем в хозяйстве Черкасских в третьей четверти столетия. Так в архиве села Муралкина отложилось 167 боярских грамот с 1646 по март 1653 г. Но и здесь объем переписки, видимо, имел тенденцию к увеличению. В 1659/1660 г. в Муралкино было послано не менее 48 грамот.³⁴

Дополняя до нас часть морозовского архива содержит несколько больших столбцов, сформированных в "боярском приказе". Анализируя их состав можно получить некоторые сведения о характере ведения дел в центральных органах управления крупнейшими вотчинными хозяйствами.^{34а} Наиболее ранний столбец № 42070 сформирован в 1648 г. по тематическому принципу; в нем собраны многочисленные челобитные помещиков и отпуски грамот Б.И. Морозова приказчикам различных вотчин в Арзамасском, Нижегородском, Тверском и Вяземском уездах, которые касаются одних и тех же вопросов - сыска и выдачи беглых крестьян и холопов, беспощинного допуска чужих крестьян в вотчинные леса, а также других спорных дел с соседями. Этот комплекс документов отразил бурные события и последствия летнего московского восстания 1648 г. Морозов спешил сделать уступки недовольному дворянству.³⁵ На документах столбца № 42070 лежит печать поспешности: отпуски

большинства грамот содержат указания /пометы/, что подлинники не были, как обычно, отправлены в вотчины с нарочными крестьянами, а выдавались непосредственно самим челобитчикам. Интересно отметить, что большинство грамот датировано июлем-августом 1648 г., т.е. временем, когда сам боярин скрывался от народного гнева в Кирилло-Белозерском монастыре.³⁶ Все они, как обычно, написаны от его имени, распоряжения даны от первого лица с типичными повелительными формулировками. Между тем, во многих текстах упоминается Москва, как место присылки отписок, а в одной грамоте прямо сказано, что 15 августа 1648 г. бывший приказчик села Рождественного Иван Федоров "на Москве был..., и он сказывал" /из последующего текста выходит, что самому Б.И.Морозову - ч.1, с.110/. Здесь можно сделать два предположения: или Морозову регулярно докладывали о всех делах, или грамоты писались от имени боярина его главными приказными людьми.

При формировании столбца № 42070 документы последовательно систематизировались. Первую его часть /л.1-166/ составляют челобитные помещиков и отпуски боярских грамот только о выдаче беглых, расположенные в хронологическом порядке по отдельным вотчинам. Каждая группа документов имеет особый заголовок на отдельном листе, напр., "Отпуск грамотам в село Знаменское ко Ондрею Петрову 156 году" /л.86/. Вторую часть столбца /л.168-156/ составляют челобитные и грамоты под одним заголовком: "Черные грамоты, о всяких розных делах" /л.168/, но систематизированные так же, как и документы в первой части.³⁷

Дополняют материалы этого комплекса документы трех неопубликованных столбцов. № 42160 сложился в сентябре 1648 - июле 1649 г. из присланных из вотчин записей словесных челобитных помещиков о сыске беглых и отписей

/расписок/ о выдаче крестьян. В нем же содержится и итоговая роспись всех крестьян, выданных владельцам из разных морозовских сел и деревень.³⁸ № 42076, состоит только из помещичьих отписей 1648 г. № 43759 содержит 39 челобитных 1648/49 г. о сыске беглых, в основном повторных. Критический момент для Б.И.Морозова уже прошел и только к двум челобитным приложены отпуски боярских грамот с положительным ответом.

Другие же столбцы сформированы по тем самым группам территориально близких вотчин, хозяйственное единство которых не учитывали публикаторы "Актв хозяйства боярина Б.И.Морозова" /ч. I, с. 4/. Так, столбец № 42279 содержит различные документы по вотчинам в Арзамасском, Нижегородском и Курмышском уездах за 7159 /1650/51/ г. /ч. I, с. 123-166/.^{*} Сюда в хронологическом порядке /сентябрь-август/ подклеивались отпуски боярских грамот, наказов и памятей; отписки приказчиков и грамотки приказчиков к приказным людям в Москве; крестьянские и мирские челобитные, челобитные дворян, торговых людей, духовенства Б.И.Морозову. Имеется также целое дело о споре крестьян села Нового Покровского с крестьянином се-

^{*} Данный столбец, очевидно, дошел до нашего времени не полностью, порядок расположения листов в нем перепутан. В нем есть также документы за июль-август 7158 и сентябрь-декабрь 7160 г. Вероятно, случайно в него попали материалы переписки с подмосковными вотчинами за 7160 / 1651/52/г. и с нижегородскими вотчинами за 7168 /1659/60/ г. Но его основой несомненно была переписка с указанными вотчинами за 7159 /1650/51/ г. Анализ полноты состава комплексов документов морозовского архива затруднен из-за отсутствия скреп в большинстве столбцов.

ла Мурашкина Завьялом Агафоновым о владении мельницей на реке Ваде ; оно состоит из мирской челобитной, приложенных к ней списков купчей 1639 г. и отписи 1642 г., а также распросных речей /ч. I, с. 123-124/. Вошли в столбец и отпуски четырех челобитных царю самого боярина Морозова и его приказного Степана Киселева о грабеже соседом-помещиком крестьян села Мурашкина ; очевидно, все эти документы составлены самим Киселевым /ч. I, с. 115-116/. Упоминается в документах этого столбца и многочисленная учетная документация, составлявшаяся в вотчинах /различные росписи и книги/. Эти документы, очевидно, хранились отдельно, но некоторые небольшие росписи, присланные с отписками приказчиков, вошли в общий комплекс переписки. Особенно много их в следующем по времени, наиболее значительном по объему и полному по сохранности столбце № 42297, сформированном в 7160 / 1651/ 52 г./ г. Он содержит упомянутую переписку со звенигородской вотчиной селом Павловским, а также с вотчинами в Московском, Вяземском, Тверском, Коломенском и Рязанском уездах /ч. I, с. 167-218 ; ч. II, с. 5-59/. Несомненно, вхождение переписки с приказчиками сел в данных уездах в один, сохранившийся в целом виде столбец неслучайно. Это говорит, вероятно о существовании подразделений в центральном аппарате управления - столов или повыйтий "боярского приказа".

Достаточно полно сохранился и последний /большой/ по времени столбец № 42335, отражающий хозяйственный 7168 /1659/60/ г. в арзамасских, нижегородских и курмышских вотчинах боярина Б.И. Морозова /ч. II, с. 72-186/. Единство этого комплекса подчеркивается и большим по сравнению с предыдущими столбцами количеством грамот, адресованных одновременно обоим приказчикам сел Мурашкина и

Лыскова, и грамот посланных сразу всем приказчикам главных нижегородских и арзамасских вотчин, что говорит об определенных изменениях в управлении и в делопроизводстве. В целом, в отличие от предыдущего "нижегородского" столбца 7159 г. /№ 42279/, этот комплекс несет гораздо больше информации о документировании управления крупнейшими торгово-промышленными селами. Так, наличие значительного количества дел, состоящих из группы документов: челобитная – резолюция–отписка, позволяет уточнить утверждение Д.И.Петрикеева о сравнительно незначительной самостоятельности главных московских боярских приказчиков Ивана Лунина и Степана Киселева.³⁹ Наряду с пометами на челобитных типа "пожаловал государь наш Борис Иванович" есть резолюции и ссылки на приказы Лунина и Киселева /ч.П, с.90, 148, 155, 163, 182/, хотя грамоты, естественно, посылались от имени боярина. Имеется много дел, где к челобитной без резолюции приложен отпуск грамоты; в этом случае ее составление также можно отнести к приказчикам. Очевидно, в последние годы жизни Б.И.Морозову стало труднее держать в своих руках все нити управления огромным хозяйством. В этот период явно видится стремление к упрощению делопроизводства. Часто вместо полного отпуска боярской грамоты находим только запись об ее содержании на обороте челобитной. Другой характерной чертой столбца является отсутствие отписок приказчиков, хотя на них имеются ссылки во многих грамотах. Вероятно, их формировали в отдельные дела или, возможно, не хранили вовсе, т.к. основное содержание отписки было зафиксировано в отпуске боярской грамоты. Однако в целом тенденция преобладания грамот над отписками прослеживается достаточно четко. Так же, как и в предыдущих комплексах, в данном столбце имеется значительное количество копий различных документов –

актсв, выписей из писмовых книг, сказок и распросных речей, приложенных к челобитным помещиков, имевших земельные споры с Морозовым. Есть здесь и много учетных документов в виде небольших росписей. При наличии же значительного количества росписей и других хозяйственных документов из них формировались отдельные столбцы. Среди них наиболее значительные по объему: № 42196 – сказки старост и целовальников, росписи и памяти о приходе и расходе и о наличном хлебе в нижегородских и арзамасских вотчинах 1650 г. /ч. I, с. 116–124/; № 42256 – аналогичная документация 1651–1653 гг. /29 л., неопубликовано/; № 42676 – росписи хлеба, взятого взаймы у боярина Морозова летом 1657 г. крестьянами села Мурашкина и деревень /ч. II, с. 63–72/.

Ярко характеризует систему учета в морозовских вотчинах столбец № 41726 /86 л., неопубликовано/, состоящий из 13 росписей, выписок из приходо–расходных книг и просто записей подсчетов, произведенных в 1643 г. в ходе ревизии при недостатке 25 рублей кабацких и таможенных сборов в селе Мурашкине. Необходимо отметить, что в данном случае сумма сбора исчислялась не за прошедший календарный год, а с 1 октября 1647 по 1 октября 1648 г.

Значительный интерес представляет особого рода учетная документация, составлявшаяся непосредственно в центральном аппарате управления Б.И. Морозова – неопубликованные списки его приказных и дворовых людей с указанием их годового жалования. Сохранившиеся два списка: 1657/1658 г. /№ 36501, л. I, 12–22/ и более ранний /№ 36501, л. 2–II/ содержат сведения /в том числе позднейшие пометы/ как о службе приказчиков в вотчинах, так и о занятиях мастеровых и прочей многочисленной челяди, обслуживающей боярский двор. Всего в список 1657/1658 г. включено 243 человека.

Об организации делопроизводства в центральном аппарате управления других крупных вотчинных хозяйств ХУП в. у нас, к сожалению, гораздо меньше сведений из-за отсутствия комплексов документов, сформированных в "московских боярских приказах". Но некоторые замечания можно сделать на основе анализа дел, сохранившихся в местных архивах. Так, в управлении и делопроизводстве Черкасских к концу ХУП в. заметно усиление централизации. Боярин кн. М.Я.Черкасский, вероятно, требовал строгого контроля за решением различных дел местным вотчинным аппаратом. Поэтому в Москву с отписками приказчиков присылались копии решенных дел — целые столбцы с челобитными, распросными речами, копиями актов, выписками и росписками. Так, в 1692 г. в Москву была послана копия большого дела о переносе в селе Павлове кузниц на старый кожевенный двор,⁴⁰ а в конце ХУП в. в "боярский приказ" попадает известный уже нам столбец по земельному спору, сформированный приказчиком другой крупной нижегородской вотчины села Ворсмы.⁴¹ Одно наблюдение в связи с делом о переносе кузниц в селе Павлове представляет, на наш взгляд, определенный интерес. Анализируя содержание переписки боярина Б.И.Морозова, Б.Г.Литвак отмечал, что значительное количество грамот написано по одному и тому же вопросу, в связи с отсутствием уверенности вотчинника в нормативности своих распоряжений. Эта уверенность, по мнению Б.Г.Литвака, "начала формироваться у вотчинников в начале ХУШ в. "и давала им "импульс к настойчивому внедрению раз навсегда установленной регламентации".⁴² Но можно предположить, что стремление к регламентации существовало и у вотчинников в конце ХУП в. В грамоте М.Я.Черкасского с решением дела о переносе кузниц из дворов "для спасения пожарного времени"/

/этот вопрос ставился ежегодно/ приказчику предписывалось осуществить перенос "по прежнему... нашему указу тотчас" и специально подчеркивалось, "чтобы впредь о том челобитья не явилось..., а во дворах кузниц однолично не бывало".⁴³

В делопроизводстве различных боярских хозяйств наблюдаются свои особенности. Так, в переписке с галицкой вотчиной князей Одоевских селом Покровским мы не найдем специальных грамот по поводу крестьянских челобитных. Их заменила запись боярского приговора на обороте челобитной, которая отсылалась обратно в вотчину. Сохранившиеся 49 записей обладают всеми признаками индивидуального документа: полным формуляром /дата, адресат - тот же приказчик и староста/, удостоверяющим признаком /боярской печатью/. Последняя особенность показывает, значительную степень личного участия вотчинника в управлении хозяйством - меньшим по объему, чем у Б.И. Морозова и Черкасских. Объем переписки у Одоевских также несколько меньший, напр., за более полно представленный документацией 7192 /1683/84/ хозяйственный год /опубликованы, очевидно, полные столбцы/ имеется 8 указных грамот приказчику и 22 крестьянские челобитные, 15 из которых - с боярскими приговорами. У 6 челобитных имеются записи мирских приговоров: кроме того, приложены одна сказка и одна отпускная.⁴⁴

Архив в центральном аппарате управления крупной вотчиной имел сложную структуру. Вероятно, фактически существовал не один, а несколько архивов на территории городской боярской усадьбы. Их ядро составляли хранящиеся, как правило, в самом боярском доме документы, фиксирующие права землевладения и подчинения зависимых людей. Круг этих документов примерно один и тот же, как для крупных, так и для средних феодалов: царские жалован-

ные грамоты, фвозные, послушные, выписи из писмовых и переписных книг, духовные, купчие, меновные, данные, служилые кабалы и т.д. Разница заключалась лишь в количестве этих актов, которое у крупных вотчинников, в связи с постоянным их стремлением расширить свои владения, было очень большим. Представление о составе этой части архива могут дать сохранившиеся значительные комплексы "вотчинных крепостей" Черкасских и Волынских. Но в действительности количество актов в боярских архивах было еще большим. Об этом свидетельствует записная книга дворешкого Б.М.Хитрово, отмечающая около 1400 принадлежащих ему юридических документов.⁴⁵

Вотчинники особо заботились о формировании своих "крепостных" архивов. Гоярин Б.И.Морозов в грамотах приказчикам с указаниями об оформлении за ним пожалованных или приобретенных вотчин требовал, чтобы они "били челом" местным воеводам о разрешении взять присланный подлинник царской жалованной или указной грамоты, а в съезжей избе оstarить ее список. Подлинник грамоты, отказные книги, составленные по распоряжению воеводы, и все прочие земельные документы приказчик должен был без промедления выслать в Москву, оставив при этом у себя списки.⁴⁶ В конце XVII в. кн. М.Я Черкасский в подобных случаях сразу ограничивался посылкой списков царских грамот и также требовал к себе все вновь составленные документы.⁴⁷

В необходимых случаях вотчинник стремился иметь у себя копию всего земельного дела, поручая приказным людям переписывать целые столбцы из Поместного и других приказов, что, очевидно было доступно только влиятельным лицам. Несколько таких столоцов, содержащих наряду с частными документами /черновиками челобитных и т.д./ списки приказных дел сохранилось в архиве боярина Б.И.Морозова. Наиболее значительный из них столбец

№ 414447 /196 л., неопубликован/ отражает активную политику Б.И.Морозова по наступлению на мордовские села и деревни в 1630–1640–е годы. В нем имеются списки дел о пожаловании ему в 1630–е гг. ряда селений, бортовых ужожаев и других угодий, копии актов о сделках, заключенных приказчиками Морозова с соседними вотчинниками, список большого судного дела 1647–1649 г. одного из них – П.Ф.Данилова с властями нижегородского Печерского монастыря, которых поддерживал приказчик морозовского села Старое Покровское и, наконец, челобитные боярину обеих тяжущихся сторон с просьбами о покровительстве.

Другая часть московского архива находилась при "боярском приказе" или "пищей избе". Здесь хранились текущие дела: переписка с вотчинами, документы об уплате различных государственных военных сборов – отписи, текущая учетная документация – росписи. Но главной хозяйственной отчетно-учетной документацией являлись книги.

Мы до сих пор не касались этой разновидности источников, т.к. книги образовывались, главным образом, в делопроизводстве вотчин и хранились непосредственно на местах. Однако наиболее важные книги, в первую очередь, посевные и ужино-умолотные, а также различные приходо-расходные, по первому требованию вотчинников ежегодно присылались в Москву. Кроме того, поступали, но нерегулярно упомянутые уже росписные книги всей вотчины и переписные книги крестьян. Все эти книги, очевидно, велись в каждом боярском хозяйстве и составляли значительную часть архива. Так, в середине XVII в. у боярина Н.И.Романова хозяйственные книги хранились на московском дворе в специальном "писцовом чулане".⁴⁸

Характеризуя хозяйственную учетную документацию и ее объем в центральных боярских архивах, мы, естественно

обращаемся к делопроизводству и архивам, организованным внутри самих вотчин. Делопроизводство в крупных вотчинных селах определялось той многофункциональной ролью, которую играл местный приказчик в общем аппарате управления. Его обязанности были очень разнообразны. С одной стороны, приказчик полностью подчинялся в своих действиях воле вотчинника, вел с ним регулярную переписку. С другой, — он выступал старшим по отношению к приказчикам менее значительных соседних сел и деревень, принадлежавших данному землевладельцу; отсюда — его переписка с этими приказчиками, принимавшая довольно значительные размеры: в архиве села Павлова только за 7178 /1669/70/ — 7181 /1672/73/ гг. отложилось 304 т.н. "списные грамотки".⁴⁹

Приказчик обладал судебными функциями по отношению ко всему населению вотчины; и в связи с этим значительное количество крестьянских челобитных, распросных речей, поручных записей и целых судебных дел, отлагалось в местных архивах. Характер крестьянских дел достаточно полно отражен в столбцах младотудской съезжей избы боярина Б.П.Шереметева. Это мелкие кражи, драки, семейные конфликты, иногда земельные споры /развод земли, сенных покосов/.⁵⁰ Форма ведения дел во многом с государственным делопроизводством. Наиболее сложные дела — главным образом, жалобы на притеснения самих приказчиков, а также случаи нападения крестьян на соседей помещиков, убийства, грабежи и т.д. окончательно решались в Москве. Иногда следствия по делу о злоупотреблениях приказчиков принимали форму повального обыска. Так в московский архив боярина Морозова в 1655 г. были отосланы из нижегородских вотчин более 100 "сказок" крестьян различных селений, обрабатывающих барщину по об-

служиванию поташного промысла и подвергавшихся особому гнету не только со стороны приказчиков, но и непосредственных руководителей производства "поливочей".⁵¹

Иерархию приказчиков в исполнении судебных функций иллюстрирует дело I65I/52 г. крестьянина вотчины боярина Б.И.Морозова деревни Стрелковки Тимофея Мазая, обвинявшегося в стрельбе из лука по лошадям крестьянина той же деревни Никиты Молчанова.⁵² Предварительное следствие по челобитной Молчанова вел приказчик села Новое Покровское Потап Брылкин. После распроса Т.Мазая, начисто отрицавшего свою вину, и сличения вещественных доказательств — стрел, извлеченных из застреленных лошадей со взятыми из колчана обвиняемого, последовали приговор старосты и выборных крестьян о применении пытки и новая челобитная Н.Молчанова уже с конкретным иском к Т.Мазая. Дело в первой инстанции как-будто завершается мировой челобитной истца и ответчика. Но оно было продолжено и превратилось в сыск о злоупотреблениях самого новопокровского приказчика П.Брылкина. Его вели главные приказчики всех нижегородских и арзамасских вотчин — села Мурашкина, Поздей Внуков и села Богородского Корнило Шанский. Из записанных ими распросных речей выясняется подоплека первого дела. Н.Молчанов был в прошлом старостой села Нового Покровского и приказчик сразу повел следствие в его пользу. Покровский староста и выборные крестьяне отрицали перед П.Внуковым и К.Шанским факт вынесения своего приговора, а Т.Мазай сказал, что мировую челобитную приказчик "вымучил" у него угрозами. Действительно на всех документах первого дела, писанных /за исключением мировой/ одним почерком земского дьячка Василия Иванова есть только рукоприкладства покровского попа. К сожалению столбец, включающий оба дела, сохра-

нился неполностью и его решения мы не знаем. Очевидно, оно было отослано в Москву для рассмотрения в "боярском приказе".

Вотчинный приказчик контролировал органы общинного самоуправления и, видимо, сам осуществлял письменное оформление выборов старост и целовальников. По крайней мере, "выборы" ежегодно отмечаются в описи павловского вотчинного архива 1677 г., здесь же хранились учетные книги мирских денег. Опись 1709 г. их уже не отмечает; возможно, в это время существовал особый мирской архив. Староста и выборные крестьяне фактически составляли низшую ступень вотчинной администрации. К ним адресованы боярские грамоты в отсутствие приказчика, который в свою очередь, как вышестоящее лицо, давал им свои распоряжения в виде памятей.⁵³

Важной функцией приказчика была защита земельных прав своего господина и оформление всех сделок. В вотчинном архиве откладывалась вся документация по этому вопросу: списки царских грамот, отказных и межевых книг; черновики челобитных, подававшихся воеводам; материалы, отражающие процесс государственной переписи земель, — списки наказов писцам, черновики крестьянских сказок, чертежи и т.д.

Главной обязанностью приказчика была организация боярского хозяйства, наблюдение за исполнением крестьянами феодальных повинностей, сбор натурального и денежного оброков. Во всех сохранившихся материалах переписки, почти в каждой грамоте содержатся требования вотчинников документировать все хозяйственные операции, вести тщательный учет всех боярских доходов и расходов. Составлялись отдельные росписи денег, хлебных запасов, скота, лошадей, всех отправляемых в Москву натуральных про-

дуктов.

Велись самые разнообразные книги. Так, в архиве села Мурашкина в 1653 г. хранились следующие хозяйственные книги /не считая списков и выписей из государственных писцовых и переписных книг/: "доходные... всяким разным доходам" 1647/48 – 1652/53 гг. ; "боярския лошадей казанские покупки" 1649/50 г. ; "крестьяном и бобылем после переписных книг князя Ивана Шаховского прибылым дворам" после 1645/46 г. ; "крестьянской мерной пашни по верстанию и по тяглу села Мурашкина выборных мерщиков" 1649/50 г. ; "книги, что в деревне Княж Павлове и Чанбасове, и на Кемарах, и на Славе, и в селе Новом Покровском, и в Троицком в полях боярские пашни по сколько десятин" /дата не указана/ ; "пошлинные и кунишные и оброчные и явочные" 1652 – 1653 гг. ; "книги таможенному и кабацкому сбору".⁵⁴

Опись 1677 г. архива села Павлова за период 1650–1670-х гг. называет такие их разновидности: "денежные", "платежные", "приходо-расходные", "записи оброчных денег", "ужинно-умолотные", "хлебному приему", "хлебной раздачи", "заемному хлебу", "конской покупки", "отдачи пустых земель в наем", "отдачи пустых дворов в тягло", "переписные крестьянам", "записи словесных челобитных" и, наконец, своеобразные копийные книги – "записи указанных грамот".⁵⁵ В конце XVII в., кроме отмеченных в Павлове, имелись книги "записи крестьянам: кто по каким крепостям крепок", "записи девок, отпущенных замуж".⁵⁶ Но, к сожалению, самих вотчинных книг XVII в. до нашего времени дошло очень мало. Кроме упомянутой выше "рописи" села Павлова 1677 г., известны и опубликованы несколько посевных и ужинно-умолотных книг 1658–1662 гг. арзамасских вотчин боярина Б.И.Морозова и две расходные

книги хлеба его же села Нового Покровского Арзамасского уезда за то же время.⁵⁷

Не были еще введены в научный оборот книги, составлявшиеся приказчиком села Млатой Туд боярина Б.П. Шереметева. Это находящиеся в одном переплете четыре книги "записи пустошей, пожней и нив, отдаваемых в оброк крестьянам" 1693-1698 гг., отдельная книга того же наименования за 1698-1700 гг., "тетрадь записная новопоселенцам, кои селились на пустошах при бытности на приказе Леонтия Сурина" 1695-1701 гг., а так же "книга младотудская записная челобитным 1694-1696 гг."⁵⁸ Последняя книга примыкает к упомянутому выше комплексу судебно-следственных дел в столбцовой форме. Однако в книгу записывались челобитные только по решенным делам, и не обязательно судебным, но и просьбы об утверждении различных крестьянских сделок. После текста челобитной шла запись решения дела и отмечалось, что подлинная челобитная "отдана челобитчику впредь для спора".

Из приведенных примеров видно, что ряд разновидностей книг были типичными для различных вотчинных хозяйств и бытовали на протяжении длительного хронологического периода. Но в каждом хозяйстве были и свои особенности учетной документации во многом зависящие и от делового опыта конкретных приказчиков. Очевидно многие из перечисленных книг не являлись обязательной формой отчетности, контролировавшейся в Москве, а составлялись в вспомогательных целях.

Таким образом, вотчинные архивы по разнообразию документации превосходили московские архивы бояр. Как уже было показано выше, между этими архивами существовало тесное взаимодействие. Оно выражалось в основном в плане комплектования одной и той же документацией /в отпус-

ках или списках/, что имело важное практическое значение. Приказчики Б.И.Морозова часто обращались к боярину с просьбой прислать им списки старых выписей из писцовых книг и других документов для ведения земельных тягб. А в 1660 г. сам боярин срочно потребовал от мурашкинского приказчика "села Мурашкина и Лыскова с отказных книг список списать добрым письмом и тот список прислать бел и беззаручен, и здесь тот список дьяк закрепит". Очевидно, в московском архиве утеряли эти документы 15-летней давности.⁵⁹ Имел вотчинный архив, и справочное значение. Так, назначая в 1650 г. в село Покровское нового приказчика, боярин кн. Н.И.Одоевский определил ему доход "против прежних памятей Федора Ивановича" /Шереметева/, своего тестя; таким образом, приказчик должен был найти в архиве документы прежнего владельца.⁶⁰ "Приискать в делах" старую грамоту кн. М.Я. Черкасского о переносе кузниц просили павловские крестьяне в своей челобитной 1692 г.⁶¹ Число этих примеров можно было бы умножить.

Давая общую характеристику организации архива и делопроизводства в крупной боярской вотчине XVII в., можно упомянуть о наблюдении, сделанном еще И.Е.Забелиным: "В вотчинном хозяйстве царил такой же порядок, как был искони заведен в приказах всего государства".⁶² Действительно, крупные феодалы во многом переняли практику управления, сложившуюся в феодальном государстве. Даже внешнее оформление документов - адреса, пометы, форма ведения дел /столбцы/ - напоминали государственное делопроизводство. Однако, вотчинная документация имеет свои значительные особенности. Хозяин - крепостник, даже очень крупный, стремился при всем развитии своего приказного аппарата держать в руках все нити хозяйственного

управления. Отсюда идет подчас мелочная регламентация в указах, требование документировать все самые незначительные операции.

Но этот же частный характер боярского хозяйства был причиной нестабильности вотчинного делопроизводства. Разные тенденции в организации управления в различных хозяйствах, а также изменения, видимые в делопроизводстве одной вотчины в различные хронологические периоды, зачастую связаны с изменением политического и экономического положения данного представителя верхушки класса феодалов, наконец, — с его личными качествами.

Разветвленность хозяйственного контроля и учета, разнообразная отчетная документация требуют к себе пристального внимания и специального источниковедческого анализа. Здесь необходимо проследить влияние не только приказной, но и монастырской системы делопроизводства, имеющей давние традиции, в частности сложившуюся систему ведения приходо-расходных книг.

Архивы в крупной вотчине играли особое значение. Активная земельная политика, постоянное ведение тяжб делали необходимым сохранение всех старых земельных документов. Вотчинники также требовали сохранения и копирования всех современных актов, предвидя возможные земельные споры. Большую роль играли архивные документы в первую очередь, переписные книги, как государственной, так и внутривотчинной переписей для сыска беглых крестьян. В конце ХУП в. в некоторых хозяйствах все большее значение стало придаваться сохранению текущей переписки в связи со стремлениями вотчинников придать своим распоряжениям нормативный характер. Не случайно опись павловского архива 1709 г. фактически пересказывает содержание многих грамот князей Черкасских, в отличие от суммарного их описания 1677 г.

Тщательное источниковедческое изучение сохранившихся комплексов документов из крупных боярских архивов, как части сложных делопроизводственных систем, дадут возможность во многом углубить наши представления о развитии крепостного хозяйства в период позднего феодализма.

Примечания:

1. Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX—начала XX в. М., 1979, с.12.
2. Там же, с.10.
3. Проблемы источниковедения, т. VI, М., 1958, с.18—66.
4. Литвак Б.Г. Указ.соч., с.12. Ср.: Петровская И.Ф. Указ.соч., с.19.
5. Ошанина Е.Н.: I/ Архив Пазухина — "Записки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. Ленина", вып. 12, М., 1951; 2/ Родовой архив Павловых — Там же, т. 32, М., 1976.
6. Славяне и Русь. М., 1968, с. 314—319. В известной работе А.И.Новосельского "Вотчинник и его хозяйство в ХУП в". /М.—Л., 1929/ характеристики использованных материалов нет. Небольшая работа А.С.Лаппо-Данилевского "Архив стольника А.И.Безобразова" /ЛЗАН, вып. XXVШ, 1916/ носит чисто обзорный характер.
7. Л.Ф.Кузмина определяет фонд Безобразова как "второй по величине крупный частный архив ХУП в.", ставя на первое место комплекс документов Б.И.Морозова /Указ. соч., с.314/. Действительно, количество безобразовских документов /свыше 2000/ превышает число сохранившихся документов Б.И.Морозова, но, конечно, последние — лишь фрагмент боярского архива, объем которого был неизмеримо больше фонда среднего вотчинника.
8. Бведенский А.А. Библиотека и архив у Строгановых. — "Север", кн.3—4, Вологда, 1923; его же. Дом Строгановых в XVI—XVII вв. М., 1962.
9. См. Труды историко-археологического института АН СССР, т.УШ. Хозяйство крупного феодала крепостника ХУП в., ч.1, Л., 1933, с.3; Акты хозяйства боярина Б.И.Морозова. Под общей ред. А.И.Яковлева, ч.1, М., 1940, с. 5—9.

10. В книге Б.Г.Литвака названа другая цифра – 527 документов /Указ.соч., с. 31–33/, расхождение произошло вследствие того, что в публикации под одним номером зачастую помещено несколько документов.
11. Петрикеев Д.И. О некоторых материалах по истории вотчины боярина Б.И.Морозова. – В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. М.–Л., 1964, с. 330–337. В монографии Д.И.Петрикеев упоминает о 20 выявленных неопубликованных столбцах /с. 16/, но в указанной статье и в самом исследовании используется только 5. Между тем в фонде Оружейной палаты имеется по крайней мере 50 неопубликованных единиц хранения из архива Б.И.Морозова и его вдовы.
12. Арсеньев Ю. Ближний боярин князь Никита Иванович Одоевский и его переписка с галицкой вотчиной /1650 – 1684/. М., 1902.
13. Это число фактически можно увеличить еще на 49 единиц, см. ниже с.
14. Щепетов К.Н.: 1/ Торгово–промышленная деятельность и расслоение крестьянства в вотчинах Черкасских в XVII в. – В кн.: К вопросу о первоначальном накоплении в России XVII – XVIII вв. М., 1958, с. 52–72; 2/ Помещичье предпринимательство в XVII в. /по материалам хозяйства князей Черкасских/ – В кн.: Русское государство в XVII в. М., 1961, с. 17–38. Сербина К.Н. Крестьянская железоделательная промышленность центральной России XVI – первой половины XIX в. Л., 1978, с. 72–117.
15. Катаев И.М., Кабанов А.К. Описание актов собрания графа А.С.Уварова. М., 1905.
16. ЦГИА, ф. 1088, оп.10, ед. хр.72.
17. См.: Морозов Б.Н. К изучению описей частных архивов XVI–XVII вв. – В кн.: Проблемы источниковедения и историографии истории СССР. Дооктябрьский период. М., 1981, с. 81–87.
18. Лялина Г.С. К характеристике феодального землевладения во второй половине XVII в. – Труды МГИАИ, т.16, М., 1961, с. 400, 404–406.
19. Акты хозяйства боярина Б.И.Морозова. ч.1, с.99.
20. Там же, с. 110–111.
21. Там же, с. 147, 171.
22. ЦГАДА, ф. 396, оп.1, ед.хр. 42499. До настоящего

времени был известен только один наказ Б.И.Морозова 1651 г. по управлению селом Сергач Нижегородского уезда /Акты хозяйства боярина Б.И.Морозова, ч. I, с. 149-152/. Но описание архива в нем специально не оговаривалось, потому, что в качестве черновика документа был использован отпуск наказа прежнему приказчику Сергача, впервые назначенному в недавно приобретенную Морозовым вотчину /"починок Сергач"/, где никакого архива естественно не было.

23. ЦГАДА, ф. 396, оп. I, ед. хр. 505167
24. Арсеньев Ю. Указ. соч., с. 56, 58-59.
25. См.: Морозов Б.Н. Указ. соч., с. 92-94.
26. "Вестник Европы", 1871, №1, с. 5-49, №2, с. 465-514.
27. Там же, № I, с. 10-11. В грамотах Морозова употребляется только термин "приказ" /Акты хозяйства боярина Б.И.Морозова, ч. I, с. 142 и др./.
28. Там же, № 2, с. 501-502.
29. Петрикеев Д.И. Указ. соч., с. 54-81.
30. Д.И.Петрикеев, также вслед за И.Е.Забелиным, справедливо отметил различие в формуляре отписок приказчиков боярину и в их переписке между собой /Указ. соч., с. 61/. Однако, "риболение" вотчинных приказчиков перед главными "приказными людьми" Морозова - Иваном Луниным и Степаном Киселевым, выраженное, по мнению Д.И.Петрикеева, в письменных обращениях, явно преувеличено. Приказчики общались между собой не с помощью грамот-отписок, а форме частной переписки; отсюда и традиционные для частных писем - грамоток "этикетные" зачины и концовки /см.: Котков С.И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 1930, с. 170-172/.
31. ОПИ ГИМ, ф. 17, картон XIII, № 18, л. 3-4.
32. ОПИ ГИМ, ф. 450, № 95, л. 254-264об.
33. Акты хозяйства боярина Б.И.Морозова, ч. I, с. 170-215; ч. II, с. 5-57. См.: Зимин А.А. Хозяйственный год в с. Павловском. - В кн.: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР, сб. VI, М., 1965, с. 64-83.
34. ЦГАДА, ф. 396, оп. I, ед. хр. 50516, л. I; Акты хозяйства боярина Б.И.Морозова, ч. I, с. 8.

- 34а. Столбцы находятся среди материалов фонда Оружейной палаты в ЦГАДА /ф. 396/. далее ссылки в тексте даются только на номера и листы столбцов и страницы публикации: "Акты хозяйства боярина В.У.Морозова". Как уже отмечалось выше, задача сделать полный обзор опубликованных и неопубликованных материалов архива Б.И.Морозова в данной работе не ставится.
35. См.: Смирнов П.П. О начале Уложения и Земского Собора 1649-1649 гг. - ЖМНП, 1913, IX, с. 46-48.
36. См.: Кирпичников А.Н., Хлопкин И.Н. Великая государственная крепость. Л., 1971, с. 115-117.
37. Из столбца 42070 онли опубликованы только 39 грамот Б.И.Морозова, находящихся во второй части комплекса /ч. I, с. 35-114/; 85 боярских грамот о гыдаче беглых не опубликованы. Ряд челобитных был опубликован П.П.Смирновым /Смирнов П.П. Несколько документов к истории Соборного Уложения и Земского Собора 1648-1649 гг. - ЧОИДР, 1913, кн. ш/.
38. Выдержки из этого столбца опубликованы Д.И.Петрикеевым /Петрикеев Д.И. Указ. соч., с. 174/.
39. Петрикеев Д.И. Указ. соч., с. 60.
40. Архив ЛОИИ, ф. 141, № 23; к. 250, № 102. Несколько листов из дела попали в коллекцию Нижегородские акты, вероятно, случайно. Порядок листов копии восстанавливается по скрепе "став".
41. ЦГИА, ф. 1083, оп. 10, ед.хр. 72.
42. Литвак Б.Г. Указ. соч., с. 34.
43. Архив ЛОИИ, ф. 141, № 23, л. 2.
44. Арсеньев Ю. Указ. соч., с. 56-64, 100-112.
45. Записная книга была составлена в двух частях: ч. I - ЦГАДА, ф. 1455, оп. 2, ед.хр. 6343а; ч. II - ГБЛ, ф. 480, № 1.2. См.: Морозов Б.Н. Указ. соч., с. 38-91.
46. Акты хозяйства боярина Б.И.Морозова, ч. I, с. 133; ч. II, с. 117.
47. ЦГИА, ф. 1083, оп. 10, ед.хр. 72, л. 3-4.
48. ЧОИДР, 1887, кн. 3, с. 9.
49. ОПИ ГИМ, ф. 450, № 65, л. 254-264об.
50. ЦГИА, ф. 1088, оп. 20, ед.хр. I, 7.
51. ЦГАДА, ф. 396, оп. I, ед.хр. 42615. См.: Петрикеев Д.И. Указ. соч., с. 16, 115, 121-123, 133, 142, 148,

150, 154.

52. ЦГАДА, ф. 396, оп. I, ед. хр. 42392.
53. Архив ЛОИИ, ф. 141, № 23, л. 14-15.
54. ЦГАДА, ф. 396, оп. I, ед. хр. 50031, л. 1-5.
55. ОШ ГИМ, ф. 450, № 95, л. 266-290.
56. ЦГАДА, ф. 188, оп. I, ед. хр. 451, л. 40об., 44.
57. Временник ОИДР, 1850, кн. 7, Смесь, с. 1-20, Акты хозяйства боярина Б.И. Морозова, ч. II, с. 127.
58. ЦГИА, ф. 1088, оп. 20, ед. хр. 10, 8, 7.
59. Акты хозяйства боярина Б.И. Морозова, ч. II, с. 127.
60. Арсеньев Ю. Указ. соч., с. 51.
61. Архив ЛОИИ, ф. 141, № 23, л. 16.
62. "Вестник Европы;" 1871, № 2, с. 502.

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ГЕНЕАЛОГИИ В РОССИИ В ХУШ ВЕКЕ

Изучение источниковедческой базы работ русских историков ХУШ в. является актуальной задачей исторической науки. Особое место среди этих работ принадлежит трудам по генеалогии и истории дворянства, т.к. именно в них русскими историками были впервые широко использованы такие виды источников, как разрядные книги, боярские книги, боярские списки, десятни и т.д., содержащие массовые сведения по русской истории ХУІ-ХУІІ вв. Среди историков ХУШ в., занимавшихся изучением генеалогии, важное место принадлежит А.Т.Князеву, труды которого остаются до сих пор практически неизвестными.

В 1912 г. А.Н.Тройницким был издан "Гербовник Анисима Титовича Князева". Составленный в 70-80-х гг. ХУШ в. и поднесенный автором Екатерине II в 1785 г., "Гербовник" является ценным источником по русской сфрагистике и геральдике.¹ До сих пор он остается единственным опубликованным трудом этого малоизвестного историка ХУШ в.

Между тем уже исследователи ХІХ в., получившие в 80-х гг. прошлого столетия возможность ознакомиться с личным архивом Князева, обратили внимание на его труды по русской генеалогии. Однако, единственной специально посвященной Князеву работой по сей день является статья Н.П. Барсукова, написанная в 1885 г.² Вновь обнаруженные на-

ми документы в определенной степени дополняют и уточняют имеющиеся сведения о жизни и трудах А.Т.Князева, а также о его роли в изучении генеалогии и истории дворянства в ХУШ в.

Согласно сведениям "Русского биографического словаря"³, Анисим Титович Князев родился 2 ноября 1722 г. и в 1741 г. поступил на службу в Вотчинную коллегию. Эти сведения уточняются материалами, сохранившимися в фондах Госархива, где о князеве приводятся подробные биографические сведения: "55 лет, из дворян, в службе с 735, упражнялся во обучении и познании духовных и гражданских всякого рода дел в разных присутственных местах, а в 741 по действительном уже определении в городской канцелярии при судных, криминальных и крепостных делах, при подушном и канцелярском зборах...".⁴ Согласно этому же делу, в Вотчинной коллегии Князев начал служить в должности копииста в 1742 г. Его обязанности состояли в копировании писцовых книг, что было необходимо для готовившегося генерального межевания. В деле утверждается, что "собрано им больше 50000 тетрадей".⁵ Надо полагать, что эта работа имела большое значение для дальнейшей деятельности Князева, подготовив его как к занятиям русской историей, так и к работам по межеванию.

В 1743 г. Князев получил чин подканцеляриста, затем канцеляриста, в 1750 г. чин регистратора.⁶ В 1752 г. Князев принимал участие в сочинении межевой инструкции, а кроме этого работал в комиссиях по сочинению указов о беглых крестьянах, об утаенных от пошлин товарах и в Комиссии о бывших в Москве пожарах. В 1753 г. Князеву было поручено состоять при ассесоре Ляпунове "для заготовления принадлежащих материалов к строению дворца",⁷ с 1754 г. он служил секретарем в Комиссии по сочинению

уложения, а в 1755 г. переведен в Главную Межевую канцелярию, получив при этом чин коллежского секретаря. С 1764 г. по 1768 г. Князев служил сенатским обер-секретарем во 2-м департаменте Сената, затем переведен в Комиссию "о сочинении о нынешнем государственном межевании законов". Наконец, в марте 1775 г., получив чин статского советника, Князев был назначен вторым членом в Межевую канцелярию, где прослужил до 1779 г.

В 1767 г. Князев избирался от крапивенского дворянства в Комиссию о сочинении проекта нового уложения, что свидетельствует о том, что он владел землей в Крапивенском уезде. О деятельности Князева в Комиссии известно очень мало. До переезда Комиссии из Москвы в Петербург Князев не принимал участия в ее заседаниях.⁸ Впоследствии он был назначен помощником в частную комиссию об имениях, а затем избран членом частной комиссии об обязательствах.⁹ На заседании большого собрания Комиссии 17 июля 1768 г. Князев выразил свое согласие с мнением А.Нартова, ратовавшего за сохранение петровских законов о дослужившихся до офицерского звания лиц недворянского происхождения.¹⁰

Документы Госархива позволяют также судить о происхождении Князева, о котором раньше на основании им же составленной родословной росписи было известно, что он происходит из мелкого дворянского рода, испомещенного в ХУП в. по Костромскому уезду. В деле Госархива говорится: "...прадед его, Князева, Агап был пушкарской слободы города Каширы пушкарь, дед, Лазарь Агапов, по первой ревизии написан в пушкарях, отец, Тит Лазарев, из пушкарских детей, в 729 году записан в каширское купечество и потом был в каширской ратуше подканцеляристом, да и ныне брат его, Анисима Князева, родной находится

в каширском купечестве, родные же племянники по увольнению от купечества служат один майором, а другой гвардии сержантом". II

В 1779 г. Князев вместе с другими членами Межевой канцелярии был обвинен в серьезных злоупотреблениях и по именному указу "навсегда отстранен от дел". I²

Как указывал Н.П.Барсуков, о последних годах жизни Князева почти ничего неизвестно, кроме того, что жил он, по-видимому, в Петербурге, где познакомился с Г.Р.Державиным. Через Державина Князев был, вероятно, знаком с И.Г.Рахманиновым, который в 1790 г. совместно с Н.И.Новиковым издал первый в отечественной историографии труд по истории русского дворянства - книгу Г.Ф. Миллера "Известие о дворянах российских". Имя Князева значится в списке лиц, подписавшихся на это издание.

В составленной одним из потомков Князева записке о его жизни говорится, что он умер, не оставив никаких средств, даже похоронить его было не на что. "Русский биографический словарь" сообщает дату смерти Князева - 4 сентября 1792 г.

Историки XIX в., изучавшие архив Князева, хранящийся ныне в Отделе рукописей ГИИ, обратили внимание на его переписку с генерал-прокурором Сената кн. А.А.Вяземским 1776-1777 гг. Эта переписка представляет значительный интерес как источник по истории межевания в России, русской историографии XVIII в. и как памятник духовной культуры того времени.

В архиве Князева хранятся подлинные письма к нему Вяземского и черновики ответов Князева; ряд черновиков писем Вяземского и подлинные письма Князева, в том числе и некоторые ранее не известные, были обнаружены нами в фонде Сената ЦГАДА.

Поводом к переписке послужило следующее указание Екатерины II Вяземскому от 25 февраля 1776 г.: "Нет ли в Разрядном архиве какие ни на есть узаконения касательно дворянства. Второе. Какия бывали дворянския службы. Какия ныне есть и выбрать можно из Разрядной архивы доказательство на дворянство, Князеву дать приказание, чтоб он посмотрел, есть ли хто способен при Разрядном архиве, чтоб делать мог отдельныя выписки, и не может ли Миллер в сем помощи делать".¹³ Поручая Князеву и Миллеру ответить на вопросы императрицы, Вяземский одновременно просил начальника 6 департамента Сената кн. П.М.Волконского, в ведении которого находился Разрядный архив, оказывать Князеву всяческое содействие. Князев получил письмо Вяземского 29 февраля, а уже 3 марта писал ему: "В Разрядном архиве я уже третий день безысходно и пополудни до 9 часов бываю... Какие прежде касательно дворянства узаконения были, сыскать весьма трудно или паче и невозможно по притчине той, что все старинные дела, следовательно вообще с ними и тогдашних времен законы, бывшим в 7134 г. пожаром поглощены, сколько же из самонаименованных остатков и последующих времен производимых дел применить можно, то в государстве российском слово "дворянство" не есть всеобщее, но оное в древность, даже до состояния в 722 году о рангах табели, ничего другого не означало, как один сопряженной с должностью, в чем на первый раз доказательством послужит у сего о прежних чинах записка... Доказательства на дворянство болшую часть полвержены таковой же темноте, как и бывшия о них узаконении; при самых их выездах из других государств почти нигде не сказано о слове "дворянство", а говорено, как например, выехал муж благородный, муж почтенный, муж взрачный, высокостепенный, вывел с собою воинов. И

протчее сему подобное. Пребывающие же в России выходили по степеням, как в предписанной подносимой у сего записке означается".¹⁴ Начиная с 3 марта Князев начинает отсылать Вяземскому материалы, которые; как писал А.П. Барсуков, знавший их в копии Румянцевского музея, "невозможно обойти историку русских дворянских родов" и в которых содержатся "выписки из таких документов, которые навсегда погибли в бедственный двенадцатый год".¹⁵

В ЦГАДА нами обнаружено три списка материалов Князева. Первый из них – непосредственно тот, что был отослан Князевым Вяземскому, – находится в фонде Сената;¹⁶ другой – копия, снятая уже в Петербурге для поднесения императрице, – в фондах Госархива;¹⁷ третий – копия с предыдущего – в фонде Воронцовых.¹⁸

Материалы по истории дворянства, собранные Князевым были действительно поднесены Екатерине II, ибо 30 марта императрица велела канцлеру Безбородко приказать сделать алфавитный реестр фамилий, значащихся в "записке" Князева "с объявлением, откуда каждый род происходит".¹⁹ Передавая это приказание Вяземскому, Безбородко сообщал, что "ее императорское величество между прочим изволила повелевать мне объявить вашему сиятельству, что может быть подобное сведение отыскаться может и здесь по герольдии".²⁰ По получении записки Безбородко, Вяземский пишет письмо Князеву, в котором просит его "как наискорее возможно составить алфавитный реестр".²¹ Одновременно подобное указание отправляется М.М.Щербатову, возглавлявшему в то время Герольдмейстерскую контору.

Под "запиской" князева имелся в виду документ, озаглавленный "Записка о числе родословных и от кого произшедшие роды показаны". Этот документ интересен своими

сведениями о числе родословных, поданных в Разряд после отмены местничества в 1682 г.: "1. Всех родословных подано 507, 2. Всех родословных показывано, произшедших от тех родов других фамилий, но от самих оных не подано, и никакого о родстве доказательства не было - 315. Итого: "822".²² Сведения записки князева значительно расходятся с данными более поздних исследователей.²³

К распоряжениям Вяземского Князеву и Щербатову прилагались копии "Записки о числе родословных", что объясняет ее нахождение среди рукописей Щербатова с его пометой на полях: "Понеже родословные, поданные и помещенные в Бархатную книгу, находятся в Разрядном архиве, то и неизвестно, о каких родах здесь статский советник Князев поминает".²⁴

Среди известных нам бумаг Князева, отправленных им Вяземскому, алфавитного реестра нет, однако не вызывает сомнений, что составлен он был, т.к. письмом от 21 апреля 1776 г. генерал-прокурор благодарил за присылку "алфавитного списка дворянских фамилий",²⁵ и в тот же день писал Щербатову: "... Князев, доставя сюда алфавитной список дворянских фамилий, доносит между прочим, что родословная книга,²⁶ бывшая до указа 7190 года, взята сюда в Герольдию, что также находятся и другие нужные бумаги, касающиеся до... дворянского разбору".²⁷

По нашему мнению, есть основания предполагать, что "Роспись, сочиненная алфавитным порядком, тем фамилиям, от которых родословные росписи в Разряд поданы, с показанием, откуда те роды произошли..." /опубликована Н.И. Новиковым в 1787 г. в приложении к Бархатной книге, сокращенный ее вариант был напечатан И.Г.Рахманиновым вместе с книгой Миллера "Известие о дворянах"/, была составлена Князевым. Это представляется тем более вероят-

ным, если вспомнить о литературных связях Князева в последний период его жизни.

Помимо указанных документов, Князевым были отосланы Вяземскому копии 17 родословных, из которых 10, как указывал А.П.Барсуков, не вошли в Бархатную книгу. Большой части родословных нет и в известной книге Герольдии № 241, из которой А.Кулкоп опубликовал отдельные акты.

Родословные отсылались, видимо, двумя партиями — 20 марта и 15 апреля. В письме к Вяземскому от 20 марта Князев замечает: "Из приложенных здесь родословных ваше сиятельство изволит усмотреть, что они не все знаменитых, сие сделал я для того, чтоб прежде времени не навлечь пустова роптания, потому что всех тут вместить невозможно, а на выбор писать ошибюся /Так в подлиннике— А.К./". Многих же нынешняго времени больших людей родословных совсем нет. Если же и они надобны, то можно и со всех списать и доставить копии".²⁸

Большую часть материалов, отосланных Князевым Вяземскому, составляют копии различных документов Разрядного архива. По ним можно судить о круге источников, которыми Князев пользовался. Копиям предпослано предисловие, в котором вновь отмечается отсутствие документов по истории дворянства вследствие пожара 1626 г. Копии документов имеют оглавление, они систематизированы по тематическим разделам, снабжены примечаниями и комментариями. Среди использованных Князевым документов имеются десятки по г.Кашире 1570 и 1571 гг., разрядные книги, боярский список 1611 г., записные книги Московского стола Разрядного приказа, боярская книга 1627 г., смотренные списки, столбцы Белгородского стола Разрядного приказа и т.д.

Помимо копий документов, есть и авторские материа-

ли: список дворовых чинов, составленный по "так называемой Боярской книге 7081 г."²⁹ и подробнейший "план к составлению выписок из законов о дворянстве", состоящий из 3 разделов и 68 пунктов.³⁰ К последнему имеется приписка Князева: "Все сие естли будет нужно, то можно взять из Комиссии уложенной, в которой, несомненно, есть достаточное о том сведении".³¹

Собранные Князевым материалы, таким образом, представляют собой сборник копий и выписок из документальных источников по истории русского дворянства ХУІ-ХУІѵв. Наличие в этих материалах выписок из утраченных ныне документов придает сборнику характер самостоятельного источника. Источниковедческий анализ материалов Князева дает возможность определить виды документов, которыми пользовались историки и архивисты ХУІІІ в. при изучении истории дворянства и государственных учреждений ХУІ-ХУІІІ вв.

Интересно отметить, что занятия Князева в Разрядном архиве велись параллельно с интенсивной работой по копированию документов по истории дворянства и государственных учреждений Московской Руси служащими самого архива. Именно в 1776-1777 гг. ими были сняты копии, хранившиеся в Сенате и Госархиве вместе с материалами Князева и Миллера. В это же время в Разрядном архиве был составлен и ряд документов справочного характера, в числе которых "Краткая ведомость... о бывших в Москве приказах", представляющая собой одну из первых в русской историографии попыток свести воедино архивные сведения о русских приказах.

Таким образом, занятия Князева генеалогией и историей русского дворянства явились как бы составной частью большой работы, которая велась историками и архивис-

тами того времени по заданию правительства. Причем участие Князева в разработке этих вопросов не ограничилось лишь ответом на вопросы императрицы в 1776 г.

Из записи на копии разрядной книги 1471-1631 гг. мы знаем, что еще в 1772 г. Князев занимался сочинением родословной книги: "Сей оригинал был дан по имянному указу в 1772 году из библиотеки ея величества статскому советнику Анисиму Титовичу Князеву для сочинения родословной книги...".³² В 1775 г. в Разрядном архиве для Князева был составлен "Реестр о бывших в Москве приказах".³³ Позднее, в начале 1777 г. им вновь был получен через Вяземского запрос от Екатерины II, содержащий 25 пунктов, касавшихся различных вопросов русской истории, в основном периода царствования Петра I. Ответ Князева на этот запрос нам не известен. Однако в августе 1777 г. П.М.Волконским был получен ордер, в котором упоминается неизвестное сочинение Князева, по-видимому, написанное в это время. "Для ея императорского величества надобны: 1. Дворцовый писцовый наказ 7182 года. 2. Указы 7142 и 7150 годов, на которые г-н Князев в своем сочинении о сошном письме посылается в II-м пункте, отделение третье относительно новых поселений и льготных лет. 3. Выписки одного города или одного селения на примере из приправочных книг 7091 года и последующих лет, писцовых и тому подобных книг же, дабы видеть и самое на деле исполнение учреждением о вышеупомянутом сошном письме".³⁴

Розыск и обнаружение новых документов, связанных с именем Князева, а также его неизвестных сочинений по русской истории дадут, по нашему мнению, интересный материал по русской историографии XVIII в. и в частности по истории изучения генеалогии и истории дворянства в России.

Примечания:

1. Автор не считает необходимым останавливаться здесь подробно на "Гербовнике", т.к. значение этого сочинения Князева в достаточной степени освещено в следующих работах: Барсуков А.П. Обзор источников и литературы русского родословия. СПб., 1887, с.22-24; Известия русского генеалогического общества. СПб., 1903, вып.2, отд.Ш, с.11; Савелов Л.М. Лекции по русской генеалогии. М., 1908, ч.П, с.136-137; Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская сфрагистика и геральдика. М., 1974, с. 27-28.
2. Барсуков А.П. А.Т.Князев. Трудолюбец прошлого века. - РА, 1885, т.П, с.461.
3. Русский биографический словарь. СПб., 1903, т."Кнаппе - Кюхельбекер", с.17.
4. ЦГАДА, ф. 16, оп.1, д.341, л.87.
5. Там же, л.89.
6. Там же, л.87.
7. Там же, л.89.
8. ЦГАДА, ф. 342, оп.1, д. 133, ч.1, л.18.
9. ЦГАДА, ф. 342, оп.1, д.114, ч.П, лл. 64об., 181.
10. ЦГАДА, ф. 342, оп.1, д. 114, ч.Ш, л.27об.
11. ЦГАДА, ф.16, оп.1, д. 341, л. 89об.
12. ЦГАДА, ф.1294, оп.2, д.4158, л.1. Яркий портрет, относящийся ко времени управления Князевым Межевой канцелярией, содержится в мемуарах А.Т.Болотова, который рисует Князева, с одной стороны, как человека весьма просвещенного, с другой - как типичного чиновника XVIII в., воспринимающего взятки, как нечто само собой разумеющееся. Имя Князева упоминается также в переписке известного русского литератора XVIII в. М.Н. Муравьева со своим отцом, вице-губернатором Тверского наместничества. Переписка свидетельствует о том, что Князев был близким знакомым Муравьевых /См.: Письма русских писателей XVIII в. М., 1980, с.350 и др./.
13. ЦГАДА, ф. 10, оп. 3, д.464, л.598.
14. ОР ГИБ, ОЛДП, Q 114/2, л.5 - 5об.
15. Барсуков А.П. Указ.соч., с.22.
16. ЦГАДА, ф.248, оп.117, д.1551.

17. ЦГАДА, ф. 17, оп. I, д. 191.
18. ЦГАДА, ф. 1261, оп. 13, д. 195.
19. ЦГАДА, ф. 248, оп. 117, д. 1551, л. 161.
20. Там же, л. 162.
21. ОР ГПБ, ОЛДП, Q 114/2, л. 3.
22. ЦГАДА, ф. 248, оп. 117, д. 1551, л. 162.
23. Так, например, А. Юшков, ссылаясь на Руммеля, называет цифру "600" /Юшков А. Акты XIII-УУП вв., представленные в Разрядный приказ. М., 1898, с. 19/. См. также: Известия русского генеалогического общества. СПб., 1911, вып. 4, с. 515-518.
24. ОР ГПБ, Эрм. 497, л. 48.
25. ОР ГПБ, ОЛДП, Q 114/2, л. 15.
26. По-видимому, имеется в виду Государев родословец 1555 г.
27. ЦГАДА, ф. 248, оп. 117, д. 1551, л. 325. М.М.Шерба-тов отвечал на это письмо; "коликко мне известно, такой книги в Герольдии не находится, да и быть ей незачем, ибо она сама собою сочинением новой уничтожилася... казалось бы, что господин Князев должен был уведомить, в котором году она взята..." /Там же, л. 327/.
28. ЦГАДА, ф. 248, оп. 117, д. 1551, л. 48об.
29. Там же, лл. 232-235.
30. Там же, лл. 315-318.
31. Там же, л. 318.
32. См.: Буганов В.И. Разрядные книги последней четверти XV - начала XVI в. М., 1962, с. 34. Неверная передача текста этой записи архимандритом Леонидом ввела в заблуждение Н.П.Барсукова /Указ. соч., с. 461/.
33. См.: Гоздаво-Голомбневский А.А. История Разрядного архива. - В кн.: Описание МАМО, т. У, М., 1888, с. 142-149.
34. ЦГАДА, ф. 248, оп. 117, д. 1551, л. 352.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие.....	3
Семенченко Г.В. Духовная грамота митрополита Алексея /К изучению раннего завещательного акта Северо-Восточной Руси/.....	7
Курукин И.В. К изучению источников о начале Ливонской войны и деятельности правительства Адашева и Сильвестра.....	29
Лукичев М.П. Сведения о боярских книгах в архивных описях ХУП-ХУШ веков.....	49
Лаврентьев А.В. Списки и редакции летописного свода 1652 года	62
Иванов В.И. О достоверности монастырских приходо-расходных книг ХУП века.....	83
Морозов Б.Н. Делопроизводство и архив в крупной боярской вотчине ХУП века.....	116
Каменский А.Б. К истории изучения генеалогии в России в ХУШ веке.....	150

Утверждено к печати Институтом истории СССР АН СССР

Редакторы: Б.Н.Морозов, И.В.Курукин

Подписано в печать 13.07.81 А-00906 Формат 60x84/16
10,25 п.л. 6,76 уч.-изд.л.

Тираж 300 экз. Цена 45 коп. Заказ № 83

Участок оперативной полиграфии Института истории СССР
АН СССР Москва, 117036, ул. Дм.Ульянова, 19

